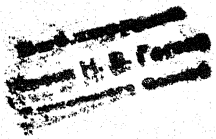
Н. М. Никольскій.

291.

ІИСУСЪ
И
ПЕРВЫЯ ХРИСТІАНСКІЯ ОБЩИНЫ.

Н. 64.
42331

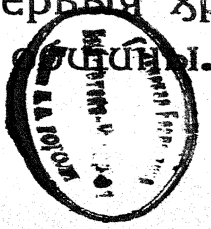

МОСКВА.
1918.

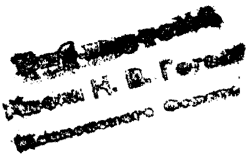
БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.

Іисусъ и первыя христіанскія общины.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Русская литература небогата изданіями, посвященными исторіи ранняго христіанства; но и то, что есть, далеко не удовлетворяетъ потребностямъ мыслящаго читателя. Старый, въ свое время классическій Штраусъ, романтическій, вѣчно юный Ренанъ—вотъ большіе труды; но первый сильно устарѣлъ, второй всегда былъ больше художественнымъ, чѣмъ ученымъ произведеніемъ. Изъ новѣйшей литературы переведена двухтомная, малооригинальная книга Ревиля, а изъ мелкихъ брошюръ переведены весьма цѣнныя въ своемъ родѣ работы Вреде, Пфлейдерера, Добшюца, и нѣкоторыя другія; но всѣ эти работы подходятъ къ вопросу почти исключительно съ богословской точки зрѣнія. Попытку дать очеркъ соціальной исторіи ранняго христіанства сдѣлалъ Каутскій; но въ его изложеніи другая крайность — религіозная сторона совершенно ушла на задній планъ, и, если читатель съ интересомъ прочтетъ анализъ соціальныхъ отношеній въ Римской Имперіи I в., то онъ почти не найдетъ отвѣта на основные вопросы: что представляли изъ себя Іисусъ и первыя общины, какъ носители опредѣленныхъ религіозныхъ идей? А это въ данномъ случаѣ самое важное: надо, конечно, изучить почву явленія, но затѣмъ надо описать и самое явленіе.

Задача настоящаго очерка—отвѣтить, по возможности, на всѣ основные вопросы исторіи ранняго христіанства: что такое Новый Завѣтъ, какъ историческій источникъ? былъ или не былъ Іисусъ? соціальная основа для его проповѣди? въ чемъ заключалась его проповѣдь? какова была структура и религіозное міросозерцаніе первыхъ христіанскихъ общинъ? Соціальный моментъ взятъ постольку, поскольку онъ необходимъ для объясненія генезиса всѣхъ указанныхъ явленій; но главное вниманіе удѣлено именно самимъ этимъ явленіямъ. Я учелъ всю критическую работу новозавѣтниковъ надъ книгами Новаго Завѣта; но при построеніи общей картины я шелъ своимъ путемъ, одинаково далекимъ и отъ богословскихъ заданій, и отъ односторонности Каутскаго. Многое, въ виду краткости мѣста, характеризовано бѣгло; но думаю, что въ существенномъ врядъ ли окажется много пробѣловъ. Льщу себя надеждой, что книжка дастъ читателю извѣстное удовлетвореніе и не окажется безполезной.

Н. Никольскій.

I. Книги Новаго Завѣта.

Вопросъ о происхожденіи и развитіи христіанства, религіи, господствующей въ странахъ и государствахъ съ европейской культурой, является однимъ изъ наиболѣе интересныхъ, важныхъ и жгучихъ вопросовъ для современнаго мыслящаго человѣка. Если мы обратимся за разрѣшеніемъ этого вопроса къ современнымъ оффиціальнымъ представителямъ христіанства, то мы попадемъ въ цѣлый лабиринтъ противорѣчій. Единаго христіанства нѣтъ, есть отдѣльныя христіанскія церкви; каждая предложитъ вамъ свой символъ-вѣры и скажетъ что это-то и есть истинное христіанство, соотвѣтствующее намѣреніямъ его основателя. Ознакомившись съ ними, мы увидимъ, что они нерѣдко исключаютъ другъ друга; но всѣ ссылаются на священное писаніе и прежде всего на евангеліе. Обратимся къ писанію; но и тутъ не найдемъ отвѣта. Евангелія говорятъ одно, посланія говорятъ другое; снова встаетъ лѣсъ противорѣчій. Необходимо тщательное и кропотливое изслѣдованіе евангелій и посланій, чтобы разобраться въ нихъ, распознать борьбу, которая скрывается за ихъ противорѣчіями и выдѣлить изъ нихъ то, что принадлежитъ къ первоначальной основѣ ученія, и то, что создавалось послѣдующими поколѣніями. Эту работу, долгую и неблагодарную, и сдѣлала критическая наука; въ ней принимали участіе преимущественно германскіе ученые, такъ какъ въ Германіи господствуетъ протестантская церковь, которая стремится основывать свою вѣру на подлинномъ ученіи евангелія и отрицаетъ всѣ позднѣйшія прибавленія и нововведенія, сдѣланныя такъ называемыми отцами церкви, богословами и епископами въ теченіе II, III и IV вѣковъ по Р. Х. Только послѣ этой работы стало возможнымъ опредѣлить, что такое первоначальное христіанство, и каковы были первые шаги его исторіи. Мы должны прежде всего познакомиться съ результатами этой критической работы.

О жизни и ученіи основателя христіанства, Іисуса, о первыхъ христіанскихъ общинахъ, ихъ руководителяхъ, настроеніяхъ и надеждахъ разсказываютъ книги такъ называемаго Новаго Завѣта, составляющаго вторую часть христіанской Библіи. Первая часть Библіи называется Ветхимъ Завѣтомъ; вторая—Новымъ; это раздѣленіе было сдѣлано на основаніи богословскаго ученія о происхожденіи христіанства. Богословы доказываютъ, что міръ подготовлялся къ принятію единой истинной религіи Христа посредствомъ откровеній и пророчествъ, дарованныхъ божествомъ евреямъ, народу, изъ котораго произошелъ Іисусъ; совокупность этихъ подготовительныхъ откровеній и пророчествъ есть Ветхій Завѣтъ. Іисусъ,—продолжаютъ богословы,—принесъ религію Новаго Завѣта, но не отмѣнилъ цѣликомъ Ветхаго Завѣта, поэтому, послѣдній и долженъ сохраняться въ Библіи. Это богословское ученіе появилось очень рано; его начало было положено еще апостоломъ Павломъ, вскорѣ послѣ смерти Іисуса. Для нашей цѣли прежде всего важно познакомиться съ книгами Новаго Завѣта; книги Ветхаго Завѣта понадобятся лишь для того, чтобы объяснить нѣкоторыя изреченія и разсказы Новаго.

Книги Новаго Завѣта можно раздѣлить на три группы. Въ первую войдутъ четыре евангелія и Дѣянія апостоловъ; эту группу можно обозначить, какъ группу историческую. Именно, евангелія содержатъ разсказъ о жизни, дѣятельности и проповѣди Іисуса, Дѣянія—о дѣятельности и проповѣди апостоловъ и о нѣкоторыхъ событіяхъ изъ исторіи первоначальной христіанской общины въ Іерусалимѣ. Во вторую группу войдутъ такъ называемыя посланія. Это небольшіе трактаты, всего 21, въ формѣ писемъ, трактующіе о различныхъ вопросахъ и спорахъ относительно вѣроученія, обрядности и практической морали, волновавшихъ первыя христіанскія общины. Всѣ посланія, кромѣ одного (къ евреямъ), носятъ имя какого либо апостола. Наконецъ, въ послѣднюю группу отойдетъ только одна книга, стоящая особнякомъ, «Откровеніе (Апокалипсисъ) Іоанна,» содержащая разсказъ о видѣніяхъ, которыя были автору этой книги; въ видѣніяхъ этихъ автору Откровенія была открыта картина послѣднихъ дней міра, страшнаго суда и установленія вѣчнаго царства божія.

Цѣнность книгъ Новаго Завѣта для историка неодинакова; она зависитъ отъ времени происхожденія и подлинности каждой книги, т. е. отъ того, принадлежитъ ли книга дѣйствительно тому автору, имя котораго обозначено въ ея названіи. Этотъ вопросъ приходится ставить по отношенію почти ко всякому произведенію древней литературы, такъ какъ въ древности было самымъ обычнымъ явленіемъ выпускать книгу подъ чьимъ либо громкимъ, чужимъ именемъ или приписывать уже явившееся произведеніе, авторъ котораго былъ неизвѣстенъ, какому либо древнему авторитету. Такъ, позднѣйшая іудейская традиція приписывала составленіе первыхъ пяти книгъ Ветхаго Завѣта Моисею, а псалмовъ—Давиду, греческая традиція приписывала цѣлый рядъ древнихъ гимновъ—Орфею, а героическій эпосъ—Гомеру; въ I вѣкѣ до Р. Х. неизвѣстный авторъ выпустилъ книгу изъ 24 псалмовъ подъ именемъ псалмовъ Соломона, другой іудейскій авторъ составилъ подложные Сивиллины оракулы и т. д. Новозавѣтная литература составлялась въ той же средѣ, какъ и позднѣйшая іудейская литература, и не была чужда установившихся тогда повсюду литературныхъ нравовъ.

Если мы подойдемъ съ вопросомъ о подлинности къ произведеніямъ Новаго Завѣта, то проще всего этотъ вопросъ разрѣшится относительно посланій, авторомъ которыхъ считается апостолъ Павелъ. Павелъ не былъ прямымъ ученикомъ Іисуса, но присоединился къ его послѣдователямъ уже послѣ смерти Іисуса. Это былъ ученый книжникъ, хорошо образованный по тому времени человѣкъ, сначала преслѣдовавшій христіанъ, а затѣмъ сдѣлавшійся ревностнымъ поборникомъ и миссіонеромъ христіанства. Имъ былъ основанъ рядъ христіанскихъ общинъ внѣ Іудеи, въ греческихъ и малоазіатскихъ городахъ; со своими общинами Павелъ поддерживалъ постоянныя сношенія и переписку. Слѣдовательно, не подлежитъ сомнѣнію, что Павелъ дѣйствительно является авторомъ, если не всѣхъ, то нѣкоторыхъ посланій, носящихъ его имя; критика выдѣлила изъ 13 посланій Павла, восемь, которыя съ полной очевидностью принадлежатъ этому апостолу. Это—посланіе къ римлянамъ, два посланія къ коринѳянамъ, первое посланіе къ солунянамъ, посланія къ гала-

тамъ, къ филиппійцамъ, къ колоссянамъ, и къ Филимону. Эти восемь посланій отвѣчаютъ всѣмъ тѣмъ характернымъ признакамъ, какіе мы вправѣ ожидать отъ подлинныхъ писемъ: каждое написано по опредѣленному поводу или отвѣчаетъ на недоумѣнные вопросы, поставленные общинами своему наставнику, или вызваны слухами о неустройствахъ и спорахъ, дошедшихъ до апостола; въ каждомъ содержатся привѣтствія лицамъ, близко извѣстнымъ апостолу, нѣкоторыя передаютъ привѣтствія отъ третьихъ лицъ, передаваемыхъ черезъ апостола. Наконецъ,—и это очень важно—эти восемь посланій по своему общему содержанію вращаются именно вокругъ тѣхъ вопросовъ, которые больше всего волновали членовъ первыхъ общинъ и апостола Павла: объ обязательности или необязательности соблюдать іудейскій законъ, о значеніи крещенія и обряда преломленія хлѣба, о близости, признакахъ и характерѣ грядущаго пришествія Іисуса. Остальныя пять посланій, носящихъ имя Павла, а также и посланія Іакова, Петра, Іоанна, Іуды и посланіе къ евреямъ не отвѣчаютъ характернымъ признакамъ писемъ. Одни изъ нихъ не содержатъ указанія адресатовъ, обращаются неопредѣленно къ „дѣтямъ“, „возлюбленнымъ“, и т. д.; другія, какъ посланія Іакова и къ евреямъ, являются систематическими богословскими трактатами, облеченными въ форму посланій, третьи, носящія имя Павла, или являются слабымъ подражаніемъ подлиннымъ посланіямъ, или вращаются вокругъ вопросовъ объ упадкѣ вѣры и нравственности среди христіанъ, о борьбѣ съ направленіями и ученіями, относящимися къ эпохѣ второго поколѣнія послѣ Іисуса. Въ особенности это слѣдуетъ сказать относительно посланій Іакова, Петра, Іоанна и Іуды. Совершенно невѣроятно, чтобы неученые, полуграмотные, а, можетъ быть, и безграмотные галилейскіе рыбаки, каковыми были эти апостолы, могли писать сравнительно чисто греческимъ языкомъ и трактовать весьма сложные богословскіе вопросы. Нѣкоторыя посланія, напримѣръ, второе и третье посланія Іоанна, сами выдаютъ ненадежность ихъ наименованія: оба написаны, какъ гласитъ ихъ первый стихъ, какимъ-то пресвитеромъ (старѣйшиной), не называющимъ своего имени. Наконецъ, вопросы, поднимающіеся въ

этихъ посланіяхъ, какъ и въ неподлинныхъ посланіяхъ Павла, касаются споровъ и ученій конца I и начала II вѣка по Р. Х., т. е., той эпохи, когда непосредственные ученики Іисуса уже вымерли. Сомнѣнія въ принадлежности апостоламъ посланій Іакова, Іуды, второго посланія Петра, и 2 и 3 посланій Іоанна существовали даже еще въ древней церкви. Такъ, Евсевій (IV вѣка) въ своей „Исторіи церкви" прямо говоритъ, что эти посланія, какъ и нѣкоторыя другія сочиненія, принимаются далеко не всѣми.

Самое драгоцѣнное, что даетъ критика посланій—это восемь подлинныхъ посланій Павла. Это—тотъ твердый отправной пунктъ, который помогъ критикѣ разобраться въ самомъ главномъ и самомъ трудномъ вопросѣ—о подлинности и времени происхожденія евангелій. Евангелія, безспорно, являются самыми главными книгами Новаго Завѣта; чтобы познакомиться съ происхожденіемъ христіанства, надо начинать съ жизни и проповѣди Іисуса, а объ этомъ намъ сообщаютъ только евангелія. Поэтому, евангельская критика болѣе всего интересовала ученыхъ; но тутъ возникли чрезвычайно трудные вопросы, и нѣкоторые изъ нихъ не разрѣшены окончательно и до настоящаго времени.

Іисусъ проповѣдывалъ устно, ничего не записывалъ; ничего не записывали при его жизни и его ученики; но и по смерти Іисуса проповѣдь апостоловъ была по преимуществу, если не исключительно, устная. Сто съ небольшимъ лѣтъ спустя послѣ Р. Х., какъ разсказываетъ уже упомянутый церковный писатель Евсевій, жилъ епископъ гіерапольскій Папій; онъ написалъ сочиненіе: „Изъясненіе изреченій Господа", и въ этомъ сочиненіи говорилъ, что объ изреченіяхъ Іисуса онъ заботливо распрашивалъ старцевъ, стараясь узнать, что говорили апостолы Андрей, Петръ, Филиппъ, Ѳома, Іаковъ, Іоаннъ, Матѳей, такъ какъ не довѣрялъ книжнымъ записямъ. Значитъ, ученики Іисуса тоже сами ничего, или почти ничего не записывали, а записывали уже только ихъ слушатели, и записывали должно быть недостаточно добросовѣстно, такъ какъ Папій предпочиталъ узнавать изреченія Іисуса отъ старцевъ, лично слышавшихъ проповѣдь апостоловъ, а не изъ записей, которыя въ его время уже были. По словамъ

того же Папія, записалъ изреченія Господа на еврейскомъ языкѣ только одинъ апостолъ Матѳей; другую запись въ апостольскія времена сдѣлалъ Маркъ, ученикъ апостола Петра, записавшій со словъ учителя все, что запомнилъ, о дѣяніяхъ и словахъ Іисуса. Вѣроятно, были и еще записи, но Папій считалъ ихъ несовершенными. Значитъ, въ апостольскія времена существовали только двѣ надежныя записи о дѣлахъ и изреченіяхъ Іисуса—Матѳея и Марка. Запись Матѳея, сдѣланную на еврейскомъ языкѣ, по словамъ Папія, переводилъ на греческій языкъ кто какъ могъ; а въ записи Марка не было опредѣленнаго порядка, Маркъ записывалъ все, что запомнилъ отъ Петра, а о порядкѣ не заботился, потому что и самъ Петръ въ проповѣдяхъ говорилъ объ Іисусѣ не по порядку, а по вопросамъ слушателей, отвѣчалъ на ихъ нужды; самъ же Маркъ не былъ ученикомъ Іисуса и не сопутствовалъ ему.

Такъ разсказываетъ Папій. Это—самое древнее свидѣтельство о записяхъ словъ и дѣлъ Іисуса. Оно подтверждается также и свидѣтельствомъ Павла, который нигдѣ ни однимъ словомъ не обмолвился о существованіи какихъ либо писанныхъ евангелій, но говоритъ вездѣ только объ *устной* проповѣди евангелія. Обратимся теперь къ нашимъ евангеліямъ. Евангелій—четыре; въ русской Библіи они называются: отъ Матѳея, отъ Марка, отъ Луки, отъ Іоанна. Прежде всего приходится спросить: что значатъ эти названія? Значитъ ли это, что евангелія написаны Матѳеемъ, Маркомъ, Лукою, Іоанномъ? Если да, то евангелія отъ Матѳея и отъ Марка должны быть тѣми самыми записями Матѳея и Марка, о которыхъ разсказываетъ Папій, и всему, что въ нихъ написано, слѣдовало бы повѣрить, потому что эти записи были самыми первыми записями о словахъ и дѣлахъ Іисуса. Многіе безхитростные люди, многіе церковные богословы такъ и думаютъ. Но противъ такого взгляда возникаютъ большія сомнѣнія.

Прежде всего возникаетъ вопросъ, почему евангелія не названы просто: евангеліе Матѳея, Марка, Луки, Іоанна, какъ прямо называются и по-русски и по-гречески (всѣ книги Новаго Завѣта были первоначально написаны по-гречески) посланія Павла: не „отъ Павла“, а, напр., просто—„Павла апостола

къ римлянамъ посланіе". Русскимъ словомъ „отъ" переведено греческое слово „*kata*", которое правильнѣе было бы передать по русски словомъ „по": евангеліе по Матѳею, по Марку и т. д. Уже это обстоятельство наводитъ на мысль, что составители евангелій какъ будто хотѣли сказать, что ихъ главными источниками были записи Матѳея, Марка, Луки, Іоанна, по которымъ они и составляли свои евангелія. Если мы поближе познакомимся съ содержаніемъ нашихъ евангелій, то увидимъ, что, вѣроятно, отчасти такъ и было въ дѣйствительности, что первыя два евангелія, навѣрно, составили не Матѳей и не Маркъ, но неизвѣстные намъ писатели, которые только пользовались записями Матѳея и Марка.

Матѳей записалъ изреченія Іисуса по еврейски (собственно не по-еврейски, а по арамейски, на языкѣ, очень близкомъ къ еврейскому, на которомъ говорили іудеи въ эпоху Іисуса). Но евангеліе отъ Матѳея написано по гречески. Можетъ быть, это только одинъ изъ тѣхъ переводовъ, про которые говоритъ Папій? Но читая евангеліе отъ Матѳея, мы встрѣчаемъ тамъ далеко не одни изреченія Іисуса. Правда, ихъ очень много, гораздо больше, чѣмъ въ евангеліи отъ Марка; но много также и разсказовъ. Разсказана исторія рожденія Іисуса, разсказаны многія его чудеса, разсказано о его послѣднихъ дняхъ, о судѣ надъ нимъ, о смерти, о воскресеніи. Отсюда ясно, что составитель евангелія отъ Матѳея пользовался какими-то записями или преданіями о жизни Іисуса, которыхъ не было въ записяхъ Матѳея. То же самое мы увидимъ, если внимательно ознакомимся съ евангеліемъ отъ Марка. По словамъ Папія, Маркъ записывалъ со словъ Петра все, что слышалъ, не заботясь о порядкѣ. Но въ евангеліи отъ Марка есть опредѣленный планъ, котораго держался составитель. Сначала разсказывается о Іоаннѣ Предтечѣ, его проповѣди и крещеніи у него Іисуса; затѣмъ идетъ разсказъ о проповѣди и чудесахъ Іисуса; сначала въ Галилеѣ,—въ Капернаумѣ и его окрестностяхъ,—потомъ въ Десятиградьѣ, о путешествіи Іисуса черезъ Галилею и Перею въ Іерусалимъ, о столкновеніи его въ Іерусалимѣ съ фарисеями и жрецами храма, объ арестѣ, судѣ, казни и воскресеніи. Правда, что въ разсказѣ евангелія чудеса и изреченія Іисуса быстро смѣ-

няютъ другъ друга, безъ ясной внутренней связи; похоже на то, какъ будто авторъ слышалъ цѣлый рядъ отдѣльныхъ разсказовъ объ Іисусѣ и по произволу расположилъ ихъ—одни отнесъ къ галилейскимъ скитаніямъ Іисуса, другіе—къ путешествію въ Іерусалимъ, третьи—къ пребыванію въ Іерусалимѣ. Но это какъ разъ и доказываетъ, что евангеліе составлялъ не самъ Маркъ; составитель взялъ то, что было въ записяхъ Марка, и попробовалъ изложить все хоть во внѣшнемъ порядкѣ, пріурочить къ проповѣди и пребыванію Іисуса въ разныхъ мѣстахъ. Еще больше убѣждаютъ насъ въ томъ, что авторъ евангелія отъ Марка и Маркъ—не одно и то же лицо, повторенія однихъ и тѣхъ же разсказовъ. Два раза разсказано чудо насыщенія народа, съ той только разницей, что въ первомъ случаѣ фигурируютъ пять хлѣбовъ, двѣ рыбы и 5000 человѣкъ, (Маркъ, VI, 38—44), а во второмъ—семь хлѣбовъ и 4000 человѣкъ (VIII, 1—9), два раза разсказано о чудесномъ прекращеніи бури (V, 37—41 и VI, 48—51), нѣкоторыя изреченія повторяются почти въ одинаковой формѣ по два раза (напр. притча о сѣмени и горчичномъ зернѣ—IV, 21—32), два раза разсказано о призваніи двѣнадцати апостоловъ и дарованіи имъ власти исцѣлять отъ болѣзни и изгонять духовъ (III, 14—15 и VI, 7). Очевидно, что въ первоначальныхъ записяхъ Марка такихъ варіантовъ не могло быть, и авторъ евангелія отъ Марка заимствовалъ ихъ изъ другихъ преданій или записей дѣлъ и словъ Іисуса.

Третье евангеліе, отъ Луки, тоже не могло быть написано апостоломъ. Объ этомъ ясно говоритъ его авторъ въ началѣ своего евангелія. Онъ обращается къ какому то достопочтенному Ѳеофилу и говоритъ, что уже многіе составляютъ повѣствованіе о жизни и ученіи Іисуса, и по примѣру этихъ составителей авторъ евангелія отъ Луки рѣшилъ написать свое евангеліе, но предварительно тщательно изслѣдовать все, что извѣстно о Іисусѣ, и тогда уже написать евангеліе по порядку, чтобы дать Ѳеофилу *твердое* основаніе евангельскаго ученія. Значитъ, авторъ евангелія отъ Луки, какъ и Папій, не очень довѣрялъ многочисленнымъ записямъ, хотѣлъ ихъ провѣрить, а потомъ уже писать свое евангеліе. Тотъ же авторъ написалъ книгу Дѣяній апостольскихъ для того же Ѳеофила. До

сихъ поръ спорятъ о личности автора евангелія отъ Луки; одни думаютъ, что это—Лука, спутникъ апостола Павла; другіе, большинство, съ этимъ не соглашаются, находятъ, что евангеліе отъ Луки, какъ и два другіе евангелія, написаны въ самомъ концѣ перваго вѣка по Р. Х.

Какіе же евангелія уже были въ то время когда авторъ евангелія отъ Луки писалъ свои сочиненія? Мы можемъ сказать *навѣрное*, что евангеліе отъ Марка уже существовало; оно было написано раньше и евангелія отъ Матѳея и евангелія отъ Луки. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно произвести сличеніе между каждымъ изъ этихъ послѣднихъ евангелій и евангеліемъ отъ Марка. Оказывается, что все евангеліе отъ Марка содержится и въ евангеліи отъ Матѳея (за исключеніемъ только 35 стиховъ), и также въ евангеліи отъ Луки, (за исключеніемъ только 90 стиховъ); другими словами, *авторы перваго и третьяго евангелій пользовались евангеліемъ отъ Марка, какъ источникомъ, и почти цѣликомъ включили его содержаніе въ свои евангелія*, и при томъ въ томъ же порядкѣ, какъ и у Марка. Но евангеліе отъ Марка—самое короткое: въ немъ всего 16 главъ, въ то время, какъ въ евангеліи отъ Матѳея—28 главъ, и въ евангеліи отъ Луки—24 главы. Откуда же у Матѳея и Луки лишній матеріалъ, сравнительно съ евангеліемъ отъ Марка? Изслѣдованіе показываетъ, что первый и третій евангелисты пользовались тутъ разными источниками. Одинъ источникъ былъ общій: это также какая то запись изреченій, приписывавшихся Іисусу. Изъ этого источника первый и третій евангелисты заимствовали такія знаменитыя рѣчи Іисуса, какъ Нагорная проповѣдь, нѣсколько притчъ о царствіи божіемъ, напр. о талантахъ, о званной вечерѣ. Кромѣ этого общаго источника, у перваго и третьяго евангелиста были разные у каждаго источники для исторіи рожденія и дѣтства Іисуса—у того и другого эти событія разсказаны по разному. Значитъ, составитель евангелія отъ Марка былъ скромнѣе составителей перваго и третьяго евангелій. Онъ только слегка расширилъ записи Марка и постарался, хоть немного, привести ихъ въ порядокъ. Первый и третій евангелисты, очевидно, нашли, что евангеліе отъ Марка слишкомъ коротко и неполно и потому дополнили его извлеченіями

изъ разныхъ другихъ источниковъ. Тѣмъ не менѣе всѣ три первыя евангелія очень близки одно къ другому. Во всѣхъ трехъ основную и крупнѣйшую часть содержанія составляетъ все, то что разсказано въ евангеліи отъ Марка; въ первомъ и третьемъ много заимствовано изъ общаго источника, и лишь небольшая часть въ первомъ и третьемъ евангеліи является только ихъ оригинальной особенностью. Вслѣдствіе такого поразительнаго сходства, первыя три евангелія составляютъ какъ бы обособленную отъ евангелія Іоанна группу и получили въ наукѣ названіе *синоптическихъ*, т. е. соотвѣтствующихъ, сходственныхъ другъ съ другомъ, параллельныхъ одно другому. Сравненіе съ евангеліемъ отъ Іоанна еще болѣе подчеркиваетъ сходство синоптиковъ. Въ евангеліи отъ Іоанна все отличается отъ синоптиковъ: по синоптикамъ, Іисусъ ходилъ въ Іерусалимъ только на одну Пасху, которая и оказалась для него роковой, по Іоанну—три раза; только нѣкоторыя чудеса Іисуса приводятся и въ четвертомъ евангеліи и у синоптиковъ (напр., чудесное насыщеніе), за то въ четвертомъ евангеліи есть такія чудеса, какихъ нѣтъ у синоптиковъ (напр., воскрешеніе Лазаря, тѣло котораго уже разложилось); наконецъ, самое главное: ученіе Іисуса по четвертому евангелію изложено совершенно иначе, чѣмъ у синоптиковъ, въ формѣ бесѣдъ и длинныхъ рѣчей, а по содержанію глубоко разнится отъ ученія Іисуса по синоптикамъ. Поэтому, вопросъ объ евангеліи отъ Іоанна въ наукѣ разсматривается совершенно отдѣльно отъ синоптиковъ. Имъ отводится главное мѣсто въ ряду разсказовъ о жизни и ученіи Іисуса; прежде всего разсмотримъ подробно синоптиковъ и мы.

Послѣ всего сказаннаго о синоптикахъ, для насъ ясно, что они не принадлежатъ перу тѣхъ лицъ, которыя названы въ ихъ заглавіяхъ; записи этихъ лицъ служили для нихъ только источниками. Къ какому же времени надо отнести ихъ составленіе? Надо думать, что синоптическія евангелія появились уже тогда, когда былъ для нихъ достаточный кругъ читателей внѣ Іудеи, такъ какъ они были написаны не по арамейски, а по гречески. Греческая книга была бы непонятна въ Іудеѣ; ни Іисусъ, ни его ближайшіе послѣдователи по гречески не говорили. По гречески говорили, читали и пи-

сали іудеи разсѣянія, жившіе въ Сиріи, Малой Азіи, Греціи, Египтѣ, Римѣ, а кромѣ нихъ, вообще жители Греціи и эллинизованныхъ областей Востока. Значитъ, евангелія назначались для читателей изъ среды тѣхъ христіанскихъ общинъ, которыя были основаны въ греческомъ мірѣ Павломъ; среди ихъ членовъ были и іудеи разсѣянія и не-іудеи—греки, сирійцы, галаты (галлы) и друг. Насколько можно установить изъ біографіи Павла, въ началѣ 50-хъ годовъ перваго вѣка уже были имъ основаны всѣ главнѣйшія общины; значитъ, ранѣе 55—60 г.г. по Р. Х. врядъ ли былъ достаточный кругъ читателей для синоптическихъ евангелій. Чтобы точнѣе опредѣлить время ихъ происхожденія, обратимся къ ихъ тексту и поищемъ, нѣтъ ли тамъ какихъ либо указаній, которыя помогли бы намъ разрѣшить вопросъ. Такія указанія мы находимъ въ гл. XIII евангелія отъ Марка. Тутъ разсказывается, что когда Іисусъ, будучи въ Іерусалимѣ, вышелъ однажды изъ храма, восхищенные великолѣпіемъ храма и города ученики сказали ему: „учитель, посмотри, какіе камни и какія зданія"! Въ отвѣтъ на это Іисусъ предсказываетъ, что все это будетъ разрушено, не останется камня на камнѣ. На дальнѣйшіе разспросы учениковъ, онъ предсказываетъ, какіе признаки этой грядущей катастрофы, и что будетъ вслѣдъ за нею. Появится много ложныхъ Христовъ, которые будутъ себя выдавать за пришедшаго вновь Іисуса; будутъ войны; будутъ преслѣдованія и казни христіанъ; будетъ проповѣдано евангеліе во всѣхъ народахъ и царствахъ, и вслѣдъ за гибелью Іерусалима произойдетъ второе пришествіе Іисуса въ славѣ, для установленія его царства. Это такъ называемое vaticinium post eventum, пророчество, написанное послѣ предсказанныхъ событій и вложенное въ уста Іисуса. Дѣйствительно, христіанъ подвергали преслѣдованіямъ и казнямъ; однако, проповѣдью Павла оно было распространено вплоть до Рима; вскорѣ послѣ смерти Павла, въ 66 г., вспыхнуло возстаніе іудеевъ противъ Рима, закончившееся въ 70 г. взятіемъ Іерусалима и разрушеніемъ храма. Изъ предсказанія Іисуса ясно, что христіане тотчасъ послѣ гибели Іерусалима ждали второго пришествія Іисуса и его торжества. Значитъ, евангеліе отъ Марка было написано

вскорѣ послѣ 70 г. по Р. Х. Первый и второй евангелисты писали послѣ второго евангелиста; значитъ, можно приблизительно установить ихъ появленіе между 80 и 90 г.г. по Р. Х.

Итакъ, первые три евангелія написаны не очевидцами жизни и проповѣди Іисуса и по времени отстоятъ на 50—60 лѣтъ послѣ его смерти, если считать, что казнь Іисуса произошла на 31 году его жизни. Уже это обстоятельство заставляетъ насъ сомнѣваться въ томъ, чтобы разсказъ синоптиковъ о дѣлахъ Іисуса и его рѣчахъ былъ вполнѣ точенъ и вѣренъ. И очевидцы событій часто могутъ впослѣдствіи разсказывать о видѣнномъ и слышанномъ несогласно съ истиной: одно забудется, другое врѣжется въ память, третье вспомнится неясно. А если очевидцы не только наблюдали и слушали, но и сами принимали участіе въ происходившемъ, или были людьми близкими къ участникамъ событій, то иной разъ они безсознательно и невольно отступаютъ отъ истины: о друзьяхъ и близкихъ скажутъ все хорошее и невольно промолчатъ о плохомъ, о врагахъ, наоборотъ, скажутъ все дурное и умолчатъ о хорошемъ. Тѣмъ болѣе могутъ удалиться отъ истины тѣ, кто самъ не видѣлъ и не слышалъ происходившаго, но разсказываетъ со словъ другихъ. Тутъ часто бываетъ, что объ одномъ и томъ же разсказываютъ совершенно разно: одинъ—одно, другой—другое. Какой разсказъ предпочесть, какъ рѣшить, кто говоритъ правду, и кто ошибается, какъ быть, если разсказы очевидцевъ неполны, многое оставляютъ неяснымъ и неизвѣстнымъ? Если при этомъ писатель интересуется событіемъ или лицомъ, о которомъ пишетъ сочиненіе, не только изъ любознательности, но принадлежитъ къ той же партіи или религіи, что и его герой, или принадлежитъ къ числу враговъ того ученія, о которомъ пишетъ,—то онъ невольно будетъ пристрастенъ или въ хорошую или въ худую сторону.

Все это въ особенности надо сказать и о синоптикахъ. Какъ мы знаемъ изъ посланій Павла и изъ Дѣяній, первыя христіанскія общины жили неспокойно. У нихъ было много враговъ, ихъ преслѣдовали іудейскія и римскія власти; кипѣли споры объ Іисусѣ, о его достоинствѣ, о его ученіи, разгорались страсти, дѣло доходило до побоищъ и до казней

Христіанамъ приходилось защищать свою вѣру, доказывать ея истинность и невѣрующимъ и колеблющимся членамъ общинъ. Тяжкія гоненія переносились стойко только потому, что христіане твердо надѣялись на вторичное пришествіе Іисуса въ близкомъ будущемъ, на его судъ надъ невѣрными, на установленіе царства божія, въ которомъ борющіеся получатъ награду за всѣ мученія и испытанія. Отсюда страстное желаніе знать: доколѣ? Отсюда и споры, что дѣлать, какъ жить, чтобы быть участниками грядущаго царства. Нужно ли соблюдать только ученіе Іисуса, или надо соблюдать и законъ Моисеевъ? Если бы былъ живъ учитель, то вопросы эти легко было бы разрѣшить; но его не было, апостолы спорили, и однажды въ Іерусалимѣ на соборѣ апостоловъ чуть было не дошло дѣло до открытаго разрыва между Павломъ и первыми апостолами Іисуса.

Въ атмосферѣ этой борьбы и споровъ писали евангелисты-синоптики. И понятно, что ихъ произведенія должны были дать откликъ на всѣ волновавшіе христіанъ вопросы Ихъ евангелія должны были дать поученіе, наставить въ вѣрѣ, какъ опредѣленно говоритъ въ началѣ своего евангелія третій евангелистъ. И прежде всего нужно было наставить христіанъ, въ особенности новообращенныхъ, въ томъ, что Іисусъ былъ не просто пророкъ, подобный тѣмъ, какіе были въ старину, но обѣщанный *Мессія* (евр. *maschiah* т.-е. помазанникъ), пророкъ и царь-избавитель, котораго ждали іудеи и который долженъ былъ на мѣстѣ царства зла и насилія основать царство добра и правды. Какъ мы узнаемъ изъ дальнѣйшаго, вѣра въ пришествіе такого Мессіи ярко горѣла среди народной іудейской массы въ эпоху Іисуса; апостолы считали Іисуса такимъ Мессіей и послѣ его смерти, во время своей проповѣди среди іудейства, доказывали текстами изъ пророковъ, что именно о Іисусѣ говорили и Исаія, и Захарія, и Малахія, и другіе пророки. Евангелисты хотѣли доказать тоже самое. Ихъ евангелія—это не простой разказъ о жизни, ученіи и кончинѣ любимаго учителя, но *прославленіе* его, какъ Мессіи. Все, что въ евангеліяхъ разказывается, все это служитъ прославленію Іисуса, какъ Мессіи; но истина отъ этого только страдаетъ.

Возьмемъ самое краткое и первое евангеліе—отъ Марка. Какъ оно начинается? „Начало евангелія Іисуса *Христа, сына божія*, какъ написано у пророковъ: вотъ я посылаю сына моего предъ лицомъ твоимъ, который приготовитъ путь твой передъ тобой; гласъ вопіющаго въ пустынѣ: приготовьте путь господу, прямыми сдѣлайте тропинки для него". И дальше разсказывается, что явился—во исполненіе этихъ пророчествъ Малахіи и Исаіи—Іоаннъ-Креститель, который крестилъ народъ въ пустынѣ и проповѣдывалъ, что вслѣдъ за нимъ идетъ сильнѣйшій его, у котораго онъ не достоинъ развязать ремень сандаліи, и который будетъ крестить людей не водою, какъ Іоаннъ, но духомъ святымъ. Іисусъ здѣсь прямо названъ Христомъ, сыномъ божіимъ; но греческое слово *Христосъ* есть буквальный переводъ еврейскаго слова *Мессія*. Евангеліе начинается съ цитаты изъ пророковъ и сейчасъ же слѣдуетъ разсказъ о томъ, какъ это пророчество, въ лицѣ Іоанна Крестителя, исполнилось. И читая Марка далѣе, мы не разъ встрѣтимъ по поводу тѣхъ или иныхъ словъ и дѣлъ Іисуса или событій изъ его жизни ссылки на пророковъ: „да сбудется реченное писаніемъ"... Съ другой стороны, сами дѣла и рѣчи Іисуса должны были свидѣтельствовать о томъ, что онъ, дѣйствительно, Мессія. Въ евангеліи отъ Марка не просто разсказывается о чудесахъ и ученіи Іисуса, но старательно подчеркивается, что Іисусъ словами и дѣлами производилъ совершенно необычайное впечатлѣніе. Вотъ Іисусъ въ Капернаумѣ, учитъ въ синагогѣ: „и дивились ученію его, ибо онъ училъ, какъ власть имѣющій, а не какъ книжники". Въ синагогѣ былъ человѣкъ, одержимый злымъ духомъ: и вотъ злой духъ, устами одержимаго, вскричалъ: „оставь, что тебѣ, Іисусъ Назарянинъ? Ты пришелъ погубить насъ? Знаю тебя, кто ты—святой божій!" Но Іисусъ изгналъ изъ больного злого духа; и опять всѣ дивятся; „что это? что это за новое ученіе, что и духамъ нечистымъ повелѣваетъ?" Смущало христіанъ то обстоятельство, что Іисусъ не восторжествовалъ, но былъ схваченъ и распятъ. И на это сомнѣніе должно было отвѣтить евангеліе отъ Марка. Отвѣтъ тотъ же: „и сбылось слово писанія, гласящее: и ко беззаконнымъ причтенъ". Іисусъ по

БИБЛІОТЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМІИ.

словамъ евангелія отъ Марка, самъ даже зналъ, что̀ должно быть, и напередъ предсказалъ апостоламъ свои страданія, смерть и воскресеніе.

Но евангеліе отъ Марка—самое безхитростное: когда читаешь его, то сразу видно, что авторъ мало передѣлывалъ тѣ записи, какія служили ему источникомъ, и только въ надлежащихъ мѣстахъ вставлялъ отъ себя замѣчанія и ссылки на писаніе. Поэтому, евангеліе отъ Марка не могло всѣхъ удовлетворить, и появились болѣе полныя и болѣе разработанныя евангелія отъ Матѳея и Луки. Евангеліе отъ Марка недостаточно убѣдительно доказывало, что Іисусъ—Мессія. Изучая пророковъ, находили, что Мессія долженъ быть изъ рода Давидова, изъ Виѳлеема, откуда былъ родомъ и самъ Давидъ. И вотъ въ евангеліяхъ отъ Матѳея и Луки мы читаемъ разсказы о зачатіи, рожденіи и дѣтствѣ Іисуса, которые доказывали, что и тутъ все было согласно съ пророчествами. Матѳей начинаетъ съ „Родословія Іисуса Христа, сына Давидова, сына Авраамова"; изъ родословія выходитъ, что Іосифъ, отецъ Іисуса, мужъ Маріи, былъ изъ рода Давидова; а родился Іисусъ въ Виѳлеемѣ іудейскомъ. Но всѣ знали, что Іосифъ и Марія жили въ Назаретѣ, въ Галилеѣ, и что Іисусъ такъ и назывался—назарянином̀ъ; а Виѳлеемъ совсѣмъ на другомъ концѣ Палестины, южнѣе Іерусалима. Какъ же могло произойти рожденіе Іисуса въ Виѳлеемѣ? Лука дополняетъ Матѳея: вышло де повеленіе римскаго кесаря о переписи, и каждый долженъ былъ записаться въ томъ городѣ, откуда былъ родомъ; поэтому Іосифу и Маріи пришлось отправиться въ Виѳлеемъ, а тамъ какъ разъ и пришло время родиться Іисусу. Іисусъ—Мессія *сынъ божій*. Это послѣднее названіе одни понимали фигурально: пророковъ, напримѣръ, тоже называли сынами божіими въ томъ смыслѣ, что они были избранниками божества. Но многіе понимали это буквально: необыкновенный человѣкъ, какимъ долженъ былъ быть Мессія, не могъ родиться естественнымъ путемъ безъ вмѣшательства божества. И вотъ Матѳей и Лука разсказываютъ, что Марія еще до замужества уже зачала отъ духа святаго; Лука прибавляетъ разсказъ о томъ, какъ архангелъ Гавріилъ возвѣстилъ Маріи объ этомъ зачатіи. Разсказъ о рожденіи

Библіотека имени М. В. Гоголя

Іисуса у Матѳея разукрашенъ еще разными необыкновенными подробностями. Мы читаемъ, что о рожденіи Іисуса узнали по звѣздамъ восточные волхвы-звѣздочеты и пришли поклониться ему, слѣдуя звѣздѣ, которая привела ихъ какъ разъ къ мѣсту рожденія Іисуса, и принесли ему царскіе дары; а царь Иродъ, боясь, что родившійся младенецъ отниметъ у него царство, приказалъ перебить всѣхъ младенцевъ въ Виѳлеемѣ и окрестностяхъ, но Іисусъ спасся, благодаря тому, что ангелъ заранѣе предупредилъ Іосифа и велѣлъ ему бѣжать на время въ Египетъ. Всѣ эти разсказы, какъ доказано сравненіемъ ихъ съ различными легендами древнихъ народовъ, составлены по готовымъ образцамъ. Такъ, ученики знаменитаго греческаго философа Платона были увѣрены, что Платонъ родился отъ бога Апполона, который имѣлъ сношеніе съ матерью Платона, Периктіоной, ранѣе ея сношенія съ мужемъ; о зачатіи Александра Македонскаго разсказывали то-же самое, что Олимпіада, мать Александра, зачала его отъ Зевса, ранѣе сношенія ея съ мужемъ Филиппомъ. Но больше всего сходства между евангельскими легендами и легендами о рожденіи Будды. Царица Майя, мать Будды, выпросила у мужа, царя Кудодданы, разрѣшеніе уединиться временно отъ мужа и предаться посту и молитвѣ. Во время этихъ благочестивыхъ упражненій она однажды увидала во снѣ, что въ ея тѣло вошелъ бѣлый слонъ, не повредивъ ей тѣла; послѣ этого сна она зачала и родила безболѣзненно сына, Будду. Въ моментъ рожденія Будды затряслась земля, послышались съ неба звуки музыки, необычайный свѣтъ наполнилъ всю землю, больные выздоровѣли, слѣпые прозрѣли, глухіе стали слышать, хромые стали ходить, бѣдные стали богатыми, безумные—разумными. Затѣмъ, сонмы боговъ явились къ младенцу Буддѣ и его матери и принесли ему поклоненіе и дары: драгоцѣнныя мази, одежды и украшенія. Разсказъ объ избіеніи Иродомъ младенцевъ также былъ составленъ по многочисленнымъ образцамъ. Такъ, еще въ книгѣ Исходъ разсказывалось про Моисея, что ему грозила при рожденіи смерть: фараонъ египетскій, опасаясь размноженія сыновъ израилевыхъ, приказалъ убивать всѣхъ младенцевъ израилевыхъ мужскаго пола, и Моисей

спасся случайнымъ образомъ. Были подобныя же легенды объ опасностяхъ, грозившихъ при рожденіи персидскому царю Киру, римскому царю Ромулу и первому римскому императотору—Августу. Про послѣдняго прямо разсказывалось, что римскій сенатъ, имѣя предсказаніе, что долженъ родиться младенецъ, который уничтожитъ власть сената и республиканскій строй, приказалъ умерщвлять всѣхъ младенцевъ мужского пола, которые родятся въ ближайшемъ году; и Августъ спасся только потому, что отцы не рѣшились исполнить это жестокое предписаніе. Отсюда мы видимъ, что разсказы Матѳея и Луки о происхожденіи и рожденіи Іисуса не заслуживаютъ довѣрія. Точныхъ свѣдѣній объ обстоятельствахъ рожденія Іисуса не было, и ихъ замѣнили легенды, составленныя по ветхозавѣтнымъ, греческимъ, римскимъ и индійскимъ образцамъ. Выходитъ, что мы почти ничего не узнаемъ о жизни Іисуса, кромѣ того, что онъ былъ плотникъ, родомъ изъ Назарета, былъ народнымъ проповѣдникомъ, былъ арестованъ, осужденъ и распятъ на крестѣ.

Но кромѣ жизни Іисуса евангелія разсказываютъ объ его ученіи. И тутъ евангелисты не ограничились простой передачей того, что было въ первоначальныхъ записяхъ, но многое переиначивали и прибавляли. Отъ этого получалась между евангеліями значительная разница. Какъ училъ Іисусъ? По евангелію отъ Марка, Іисусъ давалъ отвѣты на обращаемые къ нему вопросы, и все его ученіе излагается въ видѣ такихъ же краткихъ отвѣтовъ, изреченій и небольшихъ притчъ. Приблизительно также изображено дѣло и у Луки, только притчъ больше, и онѣ изложены подробнѣе. Но по Матѳею выходитъ, что Іисусъ говорилъ цѣлыя большія проповѣди, напр., Нагорную проповѣдь, проповѣдь противъ книжниковъ и фарисеевъ, проповѣдь о царствѣ божіемъ, состоящую изъ нѣсколькихъ притчъ. И тутъ сразу видно, что Матѳей погрѣшилъ противъ истины, составляя проповѣди Іисуса самъ, изъ отдѣльныхъ изреченій. Такъ, Нагорная проповѣдь составлена изъ изреченій, которыя въ евангеліи отъ Луки находятся въ разныхъ мѣстахъ главъ VI, XI и XII; у Луки Нагорная проповѣдь очень коротенькая, всего половина VI главы, а у Матѳея цѣлыхъ три главы, V—VII. Знаменитая проповѣдь противъ книжни-

ковъ и фарисеевъ: „горе вамъ книжники, фарисеи, лицемѣры", занимаетъ у Матѳея цѣлую XXIII главу; она у перваго евангелиста развита и расширена изъ краткаго предостереженія Іисуса ученикамъ относительно книжниковъ, находящагося у Марка XII, 38—40; у Луки изъ этихъ трехъ стиховъ вышло 13 стиховъ (XI, 39—52), а у Матѳея—цѣлая глава. Повидимому, авторъ перваго евангелія былъ талантливый проповѣдникъ, потому что всѣ эти проповѣди составлены умѣло, съ большимъ искреннимъ чувствомъ и подъемомъ; но мы можемъ навѣрное сказать, что Іисусъ никогда такихъ проповѣдей не произносилъ, такъ какъ онъ былъ простымъ неученымъ плотникомъ; да и вообще іудейскіе учителя, *раввины*, не имѣли обычая произносить длинныя проповѣди, но всегда учили въ отвѣтъ на вопросы, давали краткія изреченія и небольшія притчи.

Конечно, бѣда была бы не велика, если бы дѣло шло только о соединеніи нѣсколькихъ отдѣльныхъ изреченій въ болѣе крупныя рѣчи. Но сравненіе Матѳея и Луки съ Маркомъ показываетъ, что авторы перваго и третьяго евангелій позволяли себѣ прямо передѣлывать тѣ изреченія и разсказы, которые они находили у Марка, и придавать имъ совсѣмъ другой смыслъ. Дѣлали они это опять таки изъ стремленія прославить и возвеличить Іисуса. Вотъ нѣсколько разительныхъ примѣровъ. Въ евангеліи отъ Марка разсказывается, что когда въ Геѳсиманскій садъ явился Іуда со слугами первосвященика, чтобы арестовать Іисуса, одинъ изъ бывшихъ съ Іисусомъ учениковъ вынулъ мечъ и отсѣкъ ухо рабу первосвященника; а Іисусъ сказалъ пришедшимъ: „какъ будто на разбойника вышли вы съ мечами и кольями, чтобы взять меня!—Каждый день бывалъ я съ вами въ храмѣ и училъ, но вы не брали меня" (Маркъ, XIV, 47—49). Въ евангеліи отъ Матѳея вмѣсто этой простой реплики Іисуса вставлена другая, чтобы подчеркнуть божественность Іисуса и неизбѣжность того, что предсказано писаніемъ. Именно, Іисусъ говоритъ ударившему (Матѳей, XXVI 51—54): „возврати мечъ твой въ мѣсто его, ибо всѣ, взявшіе мечъ, мечемъ и погибнутъ. *Или думаешь, что я не могу просить отца моего, и онъ пошлетъ мнѣ болѣе, нежели двѣнадцать легіоновъ*

ангеловъ? Какъ же иначе исполнятся писанія, что такъ должно быть?" Этой вставкой первый евангелистъ какъ бы отвѣчаетъ на унизительныя для Іисуса разсужденія враговъ христіанства: Іисусъ—сынъ божій, и не могъ защититься отъ клевретовъ первосвященника; и велика ли преданность учениковъ, если они отдали учителя врагамъ почти безъ боя? Матѳей своей вставкой оправдываетъ и учениковъ, и Іисуса: ученикамъ не позволилъ вступаться самъ Іисусъ, оборвавшій ихъ горячность въ самомъ началѣ; а взятіе его для страданій, смерти и воскресенія было предустановлено божественнымъ планомъ, иначе на помощь ему явились бы легіоны ангеловъ. Въ евангеліи отъ Луки тотъ же инцидентъ разсказанъ съ другимъ характернымъ добавленіемъ (XXII, 49—53). Именно, ученики спрашиваютъ Іисуса, не ударить ли имъ мечемъ, и одинъ отсѣкаетъ рабу первосвященника ухо. Но Іисусъ останавливаетъ: „оставьте это",—и исцѣляетъ ухо; а затѣмъ говоритъ пришедшимъ тѣ-же слова, что и у Марка, и прибавляетъ: „но теперь ваше время и власть тьмы". Другими словами, ошибочныя дѣйствія учениковъ Іисусъ не только остановилъ, но и исправилъ: человѣческой защиты ему не нужно, а потому и рабъ первосвященника пострадалъ невинно и долженъ быть исцѣленъ. Причина все одна: теперь время тьмы, и такъ должно быть; время торжества Іисуса придетъ въ свою пору.

Другой примѣръ—крещеніе Іисуса. У Марка просто сказано, что Іисусъ пришелъ изъ Назарета и крестился отъ Іоанна въ Іорданѣ (I, 9). Но автору евангелія отъ Матѳея показался недостаточнымъ этотъ разсказъ. Іисусъ не могъ придти, какъ всѣ другіе; Іоаннъ не могъ крестить его просто, какъ всѣхъ, безъ всякихъ оговорокъ. И у Матѳея мы читаемъ, что когда Іисусъ пришелъ креститься, Іоаннъ удерживалъ его, говоря „*мнѣ* надобно креститься у тебя, и ты ли приходишь ко мнѣ"? И только когда Іисусъ остановилъ его и сказалъ, что надлежитъ исполнить всякую правду, Іоаннъ крестилъ его. Въ разсказѣ Марка этого разговора нѣтъ. Далѣе, любопытныя измѣненія произведены третьимъ евангелистомъ въ разсказѣ о страданіяхъ и смерти Іисуса. У Марка этотъ разсказъ необычайно простъ и трогателенъ;

тутъ больше, чѣмъ гдѣ - либо, передъ нами выступаетъ подлинная человѣческая природа Іисуса: предсмертная тоска въ Геѳсиманіи, когда Іисусъ трижды молитъ о томъ, чтобы чаша страданій миновала его („душа моя скорбитъ смертельно"),... безотвѣтныя муки во время шествія на Голгоѳу, насмѣшки толпы, издѣвательства распятыхъ вмѣстѣ съ нимъ разбойниковъ, и какъ заключительный аккордъ—предсмертный вопль отчаянія: „боже мой, боже мой, зачемъ ты меня оставилъ!?..." Въ первомъ евангеліи, по его обычаю, весь разсказъ болѣе растянутъ, но общій тонъ его сохранился. Но Лука сгладилъ всѣ человѣческія черты въ этомъ разсказѣ. Разъ страданія, смерть и воскресеніе входили въ предустановленный планъ, и Іисусу это было извѣстно, онъ не могъ себя чувствовать и вести, какъ страдающій, изнывающій до отчаянія человѣкъ, но долженъ былъ быть безстрастнымъ, какъ богъ. Третій евангелистъ не осмѣлился совсѣмъ выпустить моленія о чашѣ; но вмѣсто троекратной мольбы у него Іисусъ взываетъ только одинъ разъ, и сейчасъ-же является ангелъ и укрѣпляетъ его. Когда ведутъ Іисуса на Голгоѳу, Іисусъ не молчитъ, но проповѣдуетъ, убѣждаетъ плачущихъ женщинъ плакать не о немъ, но о себѣ и своихъ дѣтяхъ. Когда распяли его, онъ молится о прощеніи распявшимъ, ибо они не вѣдаютъ, что творятъ. Изъ разбойниковъ одинъ останавливаетъ глумленіе другого и проситъ Іисуса помянуть его въ царствіи своемъ, на что Іисусъ отвѣчаетъ: „нынѣ же будешь со мною въ раю"; послѣднія слова Іисуса—не отчаянный вопль, но: „отче, въ руки твои предаю духъ мой". Разсказъ Луки вышелъ болѣе поучительнымъ для утвержденія въ вѣрѣ, но потерялъ всѣ черты трогательности; живой Іисусъ превратился въ безстрастнаго Христа. Весьма характерно также, что въ третьемъ евангеліи ученики называютъ Іисуса не учителемъ, а господомъ.

Итакъ, мы видимъ, что первые три евангелиста ради прославленія Іисуса и доказательства, что онъ—дѣйствительно Мессія и сынъ божій, позволяли себѣ пользоваться непровѣренными, даже чужими легендами, переиначивали слова Іисуса и вложили ему въ уста такія изреченія, которыхъ онъ, навѣрное, не произносилъ. Но можетъ быть *ученіе* Іисуса, его *наставленія*, его *заповѣди* переданы точно, и мы можемъ

въ этомъ случаѣ повѣрить синоптикамъ? Критика и тутъ даетъ неутѣшительный отвѣтъ: Іисусу приписано и вложено въ уста много такихъ изреченій, которыя должны были разрѣшить недоумѣнные вопросы въ жизни первыхъ христіанскихъ общинъ, притомъ такіе вопросы, которые во время проповѣди Іисуса или еще не существовали, или не имѣли той остроты, какую получили впослѣдствіи. И такъ какъ евангелисты въ этихъ случаяхъ присвоивали Іисусу различныя мнѣнія, существовавшія въ различныхъ общинахъ, то вслѣдствіе этого среди евангельскихъ изреченій Іисуса мы можемъ встрѣтить немало противорѣчій. Возьмемъ, напр., такой вопросъ: согласно ученію Іисуса, надо соблюдать іудейскій законъ или не надо? На этотъ вопросъ въ евангеліяхъ можно найти отвѣтъ и въ томъ, и въ другомъ смыслѣ. Въ Нагорной проповѣди, по Матѳею, какъ будто отвѣтъ утвердительный: Іисусъ пришелъ не нарушить законъ, а исполнить; ни одна іота, ни одна черта изъ закона не потеряетъ силы, пока существуютъ небо и земля, и бо̀льшимъ въ царствѣ небесномъ назовется тотъ, кто будетъ соблюдать самъ и будетъ учить другихъ соблюдать даже самыя малѣйшія заповѣди закона (V, 17—20). Но сейчасъ же вслѣдъ за этими словами, Іисусъ начинаетъ полемизировать съ закономъ: „вы слышали, что сказано древнимъ?... А я говорю вамъ...“ (V, 22—48). И тутъ Іисусъ даетъ не только разъясненія закона, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ и прямую отмѣну его. Законъ допускалъ очень легкій разводъ, по цѣлому ряду случаевъ; Іисусъ говоритъ, что разводъ допускается только въ случаѣ прелюбодѣянія; законъ предписывалъ исполнять клятвы, Іисусъ совсѣмъ запрещаетъ клясться; законъ говорилъ: око за око, зубъ за зубъ,—Іисусъ говоритъ: не противься злому, ударившему подставь щеку, отнявшему рубашку отдай и верхнюю одежду; законъ говорилъ: люби ближняго твоего и ненавидь врага твоего,—Іисусъ говоритъ: любите враговъ вашихъ, благословляйте проклинающихъ васъ; нужно быть столь же совершенными, какъ и отецъ небесный. У Марка мы натолкнемся на такія же противорѣчія. Исцѣленному отъ проказы Іисусъ приказалъ принести жертву, какъ установилъ Моисей (1, 44); фарисеевъ онъ укорялъ за то, что они извращаютъ и замѣняютъ законъ своими толкова-

ніями (VII, 8—13); но съ другой стороны ученики Іисуса съ одобренія Іисуса не соблюдали постовъ и субботняго покоя (II, 18—20; 23—28). Мы остаемся въ недоумѣніи: заповѣдалъ Іисусъ соблюдать законъ или нѣтъ? Надо думать, что ему, какъ іудею, быть можетъ даже и не приходилъ въ голову этотъ вопросъ; но въ общинахъ онъ страстно обсуждался, и противники и защитники закона ссылались на Іисуса, передавали по своему и переиначивали его изреченія, а первые два евангелиста наивно помѣстили у себя изреченія и за законъ, и противъ закона.

Другой вопросъ: какъ относился Іисусъ къ язычникамъ? На этотъ вопросъ синоптическія евангелія даютъ также неодинаковый отвѣтъ. У Марка Іисусъ говоритъ сирофиникіянкѣ, просившей исцѣлить ея дочь: „нехорошо взять хлѣбъ у дѣтей и бросить псамъ". Другими словами: іудеи—дѣти, язычники псы; Іисусъ пришелъ къ дому Израилеву. Также должны поступать и апостолы: посылая ихъ на проповѣдь, Іисусъ говоритъ имъ, что они не должны ходить къ язычникамъ и самарянамъ, но лишь къ заблудшимъ овцамъ дома израилева (Матѳ., X, 5). Но рядомъ съ такими изреченіями, мы встрѣчаемъ и совершенно обратныя. У Марка Іисусъ передъ вознесеніемъ заповѣдуетъ апостоламъ: „идите по всему міру и проповѣдуйте евангеліе всей твари" (XVI, 15); еще опредѣленнѣе у Матѳея Іисусъ говоритъ передъ вознесеніемъ; „идите и научите всѣ народы" (XXVIII, 19); у Луки Іисусъ, кромѣ двѣнадцати, выбираетъ еще семьдесятъ учениковъ и посылаетъ ихъ для проповѣди „во всякій городъ" (X, 1—3). Изъ этихъ заповѣдей можно вынести заключеніе, что и іудеи, и язычники одинаково достойны евангелія. Но возможенъ и третій отвѣтъ; іудеи недостойны, достойны лишь язычники. Въ такомъ смыслѣ можно понимать уже притчу о виноградаряхъ у Марка (XII, 1—12): виноградари, завѣдывавшіе виноградникомъ, убивали всѣхъ слугъ, посылавшихся къ нимъ господиномъ, и убили даже хозяйскаго сына; тогда хозяину осталось только предать смерти виноградарей и отдать виноградникъ другимъ. Другими словами: іудеи убивали всѣхъ пророковъ, посылавшихся богомъ, теперь убиваютъ Іисуса, и за это царство божіе отнимется отъ нихъ и будетъ отдано

другимъ народамъ. Передавая эту притчу, Матѳей влагаетъ въ уста Іисуса буквально это толкованіе (XXI, 33—43) и прибавляетъ другую притчу такого же рода, о послушномъ и непослушномъ сынѣ (XXI, 28—31). Но больше всего такихъ притчъ у Луки: у него повторяется и притча о виноградникѣ (XX, 9—19), и приводятся еще четыре притчи того же рода: о мытарѣ и фарисеѣ (XVIII, 9—14), о званомъ пирѣ (XIV, 15—24) и знаменитыя притчи о милосердномъ самарянинѣ (X, 29—37) и о блудномъ сынѣ (XV, 11—32). Мы находимся въ недоумѣніи передъ этими противорѣчіями; очевидно, что Іисусъ не могъ говорить такихъ противоположныхъ поученій. Объясненіе этихъ противорѣчій простое: мы знаемъ, что среди христіанскихъ общинъ шли по этому вопросу споры, одни апостолы прямо запрещали проповѣдь среди язычниковъ, считая только іудеевъ избранными, другіе, какъ ап. Павелъ, считали, что дѣло не въ томъ, къ какому народу принадлежитъ человѣкъ, а въ томъ, вѣритъ ли онъ въ Іисуса Христа, третьи, указывая на ненависть офиціальнаго іудейства къ Іисусу и къ христіанству, говорили, что іудеи сами себя лишили права на участіе въ будущемъ царствѣ Іисуса. Каждая сторона стремилась подкрѣпить свое мнѣніе ссылками на изреченія и притчи Іисуса, передавала ихъ по своему, иногда влагала Іисусу въ уста то, чего онъ вовсе не говорилъ; авторы синоптическихъ евангелій воспроизвели въ своихъ книгахъ всѣ эти противорѣчивыя мнѣнія.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что въ первыхъ трехъ евангеліяхъ есть очень много изреченій или переиначенныхъ подъ вліяніемъ споровъ между первыми христіанами, или совсѣмъ Іисусу не принадлежащихъ. Кромѣ указанныхъ примѣровъ, можно привести много другихъ. Напримѣръ, Іисусу въ уста всѣ три синоптика вкладываютъ предсказаніе о томъ, что проповѣдниковъ евангелія будутъ преслѣдовать, отлучать отъ синагогъ, заключать въ темницы, казнить; но преслѣдуемые не должны падать духомъ: претерпѣвшіе до конца спасутся и, тѣмъ бо̀льшую награду получатъ въ будущемъ царствѣ, чѣмъ тяжелѣе будутъ ихъ мученія. Это—такое же „пророчество“ послѣ событія, какъ и предсказанія о признакахъ кончины міра и страшнаго суда; цѣль его ясна: под-

крѣпить преслѣдуемыхъ надеждой на воздаяніе сторицею, утѣшить гонимыхъ, поддержать колеблющихся, Есть такія изреченія, гдѣ прямо называется община; таково знаменитое изреченіе: „если согрѣшитъ предъ тобою братъ твой, пойди и обличи его между тобою и имъ однимъ... если же не послушаетъ, возьми съ собою еще одного или двухъ... если же не послушаетъ и ихъ, скажи *общинѣ* („церкви“ въ обычномъ пер.), если и общины не послушаетъ, да будетъ тебѣ, какъ язычникъ и мытарь „(XVII, 15—17).

Послѣ всѣхъ этихъ примѣровъ невольно приходитъ въ голову мысль, что изъ синоптическихъ евангелій мы столь же мало можемъ узнать объ ученіи Іисуса, какъ и объ его жизни. Жизнь его, отъ рожденія до вознесенія,—сплошное чудо; ученіе его настолько во многихъ мѣстахъ искажено и дополнено первыми христіанами, что невольно рождается подозрѣніе и относительно всѣхъ другихъ изреченій Іисуса. Очень трудно точно опредѣлить, что́ дѣйствительно говорилъ Іисусъ, и отличить это отъ позднѣйшихъ добавленій и измѣненій.

Но у насъ осталось еще евангеліе, евангеліе отъ Іоанна, четвертое евангеліе. Можетъ быть оно поможетъ намъ, прольетъ свѣтъ и на жизнь, и на проповѣдь Іисуса? Обращаемся къ этому евангелію, но съ первыхъ же словъ видимъ, что это евангеліе еще менѣе можетъ разрѣшить наши недоумѣнія чѣмъ три первыя. Въ первыхъ трехъ евангеліяхъ Іисусъ рисуется Мессіей, сыномъ божіимъ, рожденнымъ отъ духа святого; но все же онъ и человѣкъ, и человѣческія черты ему не чужды. Четвертое евангеліе въ самомъ началѣ провозглашаетъ: „въ началѣ было Слово, и Слово было у бога, и Слово было богъ, все черезъ него начало быть, и безъ него ничто не начало быть, что начало быть, въ немъ была жизнь, и жизнь была свѣтъ человѣковъ“; это „Слово стало плотію, и обитало съ нами, полное благодати и истины“ (I, 1—4, 14). И далѣе все евангеліе дѣлами и рѣчами Іисуса доказываетъ это положеніе, *этотъ догматъ вѣры*: Іисусъ Христосъ—изначала существовавшее Слово, творецъ неба и земли, спаситель міра. Богъ далъ Іисусу Христу власть надъ всякою плотію, чтобы всему далъ онъ жизнь вѣчную: „Сія

же есть жизнь вѣчная, да знаютъ тебя, единаго, истиннаго бога и посланнаго тобою Іисуса Христа; я прославилъ тебя на землѣ... и нынѣ прославь меня ты, отче, славою, которую я имѣлъ у тебя прежде бытія міра "(XVII, 2—5). Іисусъ—отъ вышнихъ, люди—отъ нижнихъ, они—отъ сего міра, онъ—не отъ сего міра, существуетъ изъ начала (VIII, 23, 25), онъ говоритъ то, что видѣлъ у отца своего (VIII, 38), вѣрующій въ него—имѣетъ жизнь вѣчную (III, 36). Все ученіе Іисуса по четвертому евангелію непохоже на его ученіе по синоптикамъ. Нѣтъ изреченій, яркихъ, образныхъ, отвѣчающихъ на жгучіе вопросы жизни, нѣтъ притчъ, которыя такъ художественно и выпукло передаютъ смыслъ ученія, излагаемаго Іисусомъ; вмѣсто нихъ—длинныя проповѣди на самыя отвлеченныя темы, и главнымъ образомъ—на тему о томъ, что Іисусъ есть Слово, единородный сынъ, сошедшій съ неба, чтобы принести спасеніе людямъ, пожертвовавъ за нихъ своею жизнью. Такова бесѣда съ Никодимомъ (III, 1—21), проповѣди іудеямъ по поводу исцѣленія разслабленнаго (V, 19—47), бесѣда по поводу чуднаго насыщенія (VI, 26—58), бесѣда съ іудеями въ храмѣ (VIII, 12—58), проповѣдь о добромъ пастырѣ (X, 9—38), послѣдняя бесѣда съ учениками (XII, 31—XVIII, 26). Таковы же разсказы и о чудесахъ Іисуса. Ему приписывается совершеніе самыхъ необычайныхъ чудесъ: превращеніе воды въ вино, исцѣленіе слѣпорожденнаго, воскрешеніе уже разложившагося Лазаря—все для того, чтобы особенно подчеркнуть божественность Іисуса, его сверхъестественное величіе. По разсказамъ синоптиковъ, Іисусъ совершаетъ чудеса изъ любви къ людямъ, по влеченію своего сердца; по четвертому евангелію Іисусъ творитъ чудеса, чтобы показать свою божественную силу, доказать, что онъ и отецъ—одно; поэтому, послѣ нѣкоторыхъ чудесъ Іисусъ бесѣдуетъ съ іудеями и доказываетъ имъ свою божественность. Кромѣ разсказа о послѣднихъ дняхъ, судѣ и казни, между синоптиками и четвертымъ евангеліемъ нѣтъ ничего общаго. Въ евангеліи отъ Іоанна ничего нѣтъ о рожденіи Іисуса, о его дѣтствѣ—все это только помѣшало бы основному замыслу автора, унизило бы божественное достоинство Іисуса. Ясно, что изъ такого евангелія мы ничего не можемъ почерпнуть о дѣй-

ствительномъ ученіи и жизни Іисуса. Оно написано позже синоптиковъ, когда христіанство окончательно отдѣлилось отъ іудейства и стало проникаться греческимъ духомъ. На это указываютъ постоянные споры Іисуса съ *іудеями*—не только съ фарисеями и книжниками, какъ у синоптиковъ, но съ іудеями вообще—они всѣ враждебны Іисусу, не понимаютъ его ученія, боятся его и хотятъ нѣсколько разъ схватить его. Но больше всего объ этомъ говоритъ наименованіе Іисуса Словомъ. Слово—по гречески Логосъ; Логосъ значитъ также „разумъ". Ученіе о Логосѣ принадлежитъ греческимъ философамъ *стоикамъ*, которые говорили, что Логосъ есть разумъ, создавшій міръ и установившій въ немъ гармонію и порядокъ. Ученіе это было распространено среди ученыхъ людей конца I и начала II вѣка по Р. Х.; его придерживался даже одинъ іудейскій ученый, Филонъ, который доказывалъ, что Логосъ —это есть единосущный іудейскому единому богу разумъ, посредствомъ котораго богъ создалъ міръ и управляетъ имъ. Когда христіанство стало распространяться среди грековъ, то христіане принялись доказывать, что именно богъ ихъ религіи, Іисусъ Христосъ, есть божественный Логосъ. Первыя попытки этого раза сдѣланы въ четвертомъ евангеліи и въ сочиненіи Іустина, христіанскаго писателя II вѣка. А затѣмъ подробно стали сближать христіанскую вѣру съ греческой философіей христіанскіе ученые III и IV вѣка, родомъ изъ грековъ. Значитъ, евангеліе отъ Іоанна появилось не ранѣе начала II вѣка по Р. Х. и важно для насъ не какъ источникъ для жизни и ученія Іисуса—объ этомъ оно не даетъ вѣрныхъ свѣдѣній,— но важно, какъ *первое христіанское богословское сочиненіе*. Поэтому, на немъ останавливаться намъ больше и не придется.

Подъ именемъ Іоанна въ Новомъ Завѣтѣ значатся еще три посланія и послѣдняя книга— Откровеніе. Посланія написаны тѣмъ же авторомъ, что и четвертое евангеліе: въ нихъ, особенно въ первомъ посланіи, мы читаемъ множество мѣстъ, буквально почти совпадающихъ съ соотвѣтствующими мѣстами четвертаго евангелія, и находимъ тотъ же самый взглядъ на Іисуса, какъ божественное Слово, что и въ четвертомъ евангеліи. Но Откровеніе не принадлежитъ тому же автору, который написалъ четвертое евангеліе и три посланія Іоанна.

Это—совершенно своеобразная книга, по всему своему содержанію и духу отличающаяся отъ другихъ произведеній Новаго Завѣта. На истолкованіе этой таинственной книги ученые положили много труда—до сихъ поръ еще спорятъ о многихъ вопросахъ, касающихся Откровенія.

Содержаніе книги излагается въ первомъ стихѣ: „Откровеніе Іисуса Христа, которое далъ ему богъ, чтобы показать рабамъ своимъ, что должно совершиться вскорѣ, и которое (Іисусъ) объявилъ,ославъ чрезъ ангела рабу своему Іоанну". Это—откровеніе о послѣднихъ дняхъ міра, о близкомъ второмъ пришествіи Іисуса, надеждой на которое жили и дышали первыя христіанскія общины. Видѣнія, открывшія эту грядущую, міровую катастрофу, было Іоанну на островѣ Патмосѣ, куда Іоаннъ былъ сосланъ за исповѣданіе вѣры въ Христа. Откровеніе начинается видѣніемъ, въ которомъ предписывается Іоанну послать послѣднія предостереженія семи малоазіатскимъ общинамъ, а потомъ идетъ рядъ видѣній о страшныхъ казняхъ передъ судомъ, о появленіи звѣря-Антихриста, о его боѣ съ Мессіей, и его гибели, о новой землѣ и новомъ небѣ.

Но если мы будемъ читать Откровеніе главу за главой, то впечатлѣніе у насъ получится самое сумбурное. Затруднитъ насъ не то, что многія выраженія, образы и символы окажутся для насъ при первомъ знакомствѣ: непонятными ко всѣмъ имъ можно найти параллели и объясненія въ ветхозавѣтной пророческой и апокрифической литературѣ. Насъ затруднитъ безсистемный планъ самой книги: передъ нами какъ будто безпорядочный бредъ больного, постоянно теряющаго нить своей рѣчи и вспоминающаго о сказанномъ иной разъ только черезъ нѣсколько главъ. Напримѣръ, разсказавъ въ VI главѣ о страшныхъ бѣдствіяхъ, обрушившихся на землю, море и людей при распечатаніи таинственной небесной книги, въ VII главѣ, авторъ вдругъ начинаетъ разсказывать, что божественный голосъ запретилъ дѣлать вредъ землѣ, морю и деревьямъ, пока не отмѣчены особой печатью праведники. Другой примѣръ: разсказавъ въ VIII и IX главахъ, какъ явились семь ангеловъ съ трубами, какъ протрубили шесть изъ нихъ, и какія бѣдствія при этомъ обрушились на небо,—авторъ Откро-

венія въ десятой главѣ и почти во всей одиннадцатой, какъ будто забылъ о седьмомъ ангелѣ и разсказываетъ совсѣмъ о другомъ: объ ангелѣ съ книгой, объ измѣреніи неожиданно появляющихся храма и жертвенника, о появленіи какихъ то двухъ свидѣтелей и т. д.; только въ самомъ концѣ XI главы авторъ возвращается неожиданно къ седьмому ангелу съ трубой. Затрудняютъ частыя повторенія одного и того же и притомъ самаго важнаго. Авторъ книги разсказываетъ, что на міръ обрушивается подрядъ три серіи бѣдствій: первая — при снятіи семи печатей съ таинственной небесной книги, вторая—при трубномъ звукѣ семи ангеловъ и третья—при изліяніи на землю семи чашъ, полныхъ гнѣва божія, семью ангелами. Нужно было бы ожидать, что каждая новая серія бѣдствій будетъ страшнѣе предшествующихъ; но на самомъ дѣлѣ этого нѣтъ, и бѣдствія каждый разъ очень похожи одно на другое; въ особенности сходны бѣдствія при звукѣ трубъ и при изліяніи чашъ: только одно бѣдствіе трубное, затменіе на 1/3 солнца и луны, не повторяется въ серіи бѣдствій отъ чашъ. Наконецъ, приводитъ въ недоумѣніе еще такое обстоятельство: Откровеніе написано для христіанъ, но въ немъ встрѣчаются отрывки совершенно іудейскаго характера. Именно, въ главѣ VII разсказывается, что передъ началомъ бѣдствій отъ звуковъ трубъ были отмѣчены особой печатью „рабы бога нашего“, именно по 12.000 человѣкъ изъ каждаго колѣна Израилева. Но въ христіанскомъ откровеніи мы ожидали бы, что печатью будутъ отмѣчены христіане, а не іудеи. Въ концѣ XI главы, послѣ седьмой трубы, открывается храмъ божій и является ковчегъ завѣта; это опять таки черта чисто-іудейская, ибо у іудеевъ существовала легенда, будто бы ковчегъ былъ скрытъ пророкомъ Іереміей во время разгрома Іерусалима Навуходоносоромъ и явится вновь въ храмѣ при концѣ міра. Наконецъ, въ заключительной картинѣ описывается созданный богомъ Новый Іерусалимъ, съ двѣнадцатью воротами, на которыхъ написаны имена двѣнадцати колѣнъ Израилевыхъ. Но въ христіанскихъ ожиданіяхъ царства Христова Іерусалимъ не игралъ никакой роли; напротивъ, въ евангельскомъ пророчествѣ, какъ мы знаемъ, Іисусъ говоритъ, что не останется отъ Іерусалима и храма камня на камнѣ.

Всѣ эти затрудненія навели ученыхъ на мысль, что авторъ Откровенія соединилъ въ одно цѣлое нѣсколько различныхъ откровеній, одни—христіанскаго, другія—іудейскаго происхожденія. Ученые не вполнѣ согласны другъ съ другомъ по вопросу о числѣ этихъ откровеній, но многое признается всѣми. Именно, всѣ согласны, что первые 8 стиховъ и послѣдніе 6 стиховъ, начало и заключеніе Откровенія, принадлежатъ автору его, собравшему воедино іудейскія и христіанскія откровенія, и ему же принадлежатъ вставки, разъясненія и толкованія, разбросанныя по всей книгѣ, чтобы склеить ея части въ одно цѣлое. Христіанскаго происхожденія—откровенія Іоанну изъ Патмоса о предупрежденіяхъ семи малоазіатскимъ общинамъ и откровеніе о семи печатяхъ; откровенія о семи трубахъ, семи чашахъ, драконѣ и звѣрѣ и Новомъ Іерусалимѣ—іудейскаго происхожденія, но переработаны болѣе или менѣе подъ стать христіанскимъ откровеніямъ. Время написанія Откровенія опредѣляется различно; всего вѣрнѣе, что оно въ окончательномъ видѣ появилось въ концѣ I вѣка по Р. Х. Объ этомъ намъ еще придется говорить.

Таковы книги Новаго Завѣта, ихъ происхожденіе, составъ и эпоха. Выводы для историка получаются малоутѣшительные, въ особенности по вопросу о жизни и проповѣди Іисуса. Къ этому мы теперь и переходимъ.

II. Былъ Іисусъ или не былъ?

Такой вопросъ невольно приходитъ намъ въ голову послѣ того, какъ мы убѣдились, что синоптики сообщаютъ намъ объ Іисусѣ очень мало достовѣрнаго, а Іоаннъ не сообщаетъ о немъ никакихъ историческихъ свѣдѣній. Въ самомъ дѣлѣ, что остается отъ разсказа синоптиковъ? Былъ назаретскій плотникъ Іисусъ, который совершалъ будто бы чудеса, проповѣдывалъ, но что именно, мы навѣрное не знаемъ, затѣмъ былъ арестованъ іудейскими властями и казненъ. Вотъ и все.

Есть ученые, которые думаютъ, что Іисуса никогда не было, что это вымышленная фигура, которую создало воображеніе первыхъ христіанъ. Разбирая ученіе Іисуса, эти ученые говорятъ, что одни изъ изреченій Іисуса принадлежатъ апо-

столамъ и другимъ учителямъ первыхъ христіанъ, другія заимствованы изъ пророковъ Ветхаго Завѣта, третьи—изъ изреченій іудейскихъ раввиновъ, записанныхъ въ Мишнѣ (древнѣйшая часть Талмуда, I в. до Р. Х.—I в. по Р. Х.), въ особенности въ трактатѣ „Изреченія отцовъ“ (Pirke avoth). Приводятся параллельныя мѣста, сравненія, сличенія, и выходитъ, что какъ будто, дѣйствительно, въ евангеліяхъ нѣтъ почти ни одного оригинальнаго изреченія, оригинальной притчи—все похоже на что-либо другое, существовавшее уже раньше. Разбирая жизнь Іисуса, эти ученые говорятъ, что всѣ факты ея также измышлены. Измышлена вся исторія рожденія и дѣтства; разсказы о чудесахъ Іисуса составлены по ветхозавѣтнымъ образцамъ, по примѣру тѣхъ чудесъ, которыя совершалъ израильскій богъ Larbe или его пророки, Илія и Елисей; а нѣкоторыя, изъ ряду вонъ выходящія чудеса, какъ напр. чудеса четвертаго евангелія, прямо придуманы заново. Разсказъ о послѣднихъ дняхъ, страданіяхъ, смерти и воскресеніи Іисуса также вымышленъ, по образцу восточныхъ сказаній о смерти и воскресеніи нѣкоторыхъ восточныхъ боговъ. Такъ, у вавилонянъ было сказаніе о богѣ растительности Тамузѣ, который зимою умираетъ, сходитъ въ подземное царство и тамъ терпитъ мученія отъ злыхъ духовъ; его супруга, Иштаръ, спускается въ подземное царство и добивается отъ богини мертвыхъ, Эрешкигаль, чтобы окропленъ былъ Тамузъ живой водою и воскресъ; вмѣстѣ съ Тамузомъ воскресаетъ отъ зимняго сна вся природа, и мертвые выходятъ изъ подъ земли и услаждаются жертвами, которыя приносятъ имъ живые. Подобные же разсказы существовали о сирійскомъ богѣ Адонисѣ, почитаніе котораго существовало въ Іудеѣ (священная роща Адониса была около Виѳлеема) и малоазіатскаго бога Аттиса. Про того и другого, легенды разсказывали, что они гибнутъ мучительной смертью отъ враговъ, но на другой день или черезъ день воскресаютъ. Поклоненіе Аттису и Адонису было очень распространено въ I в. по Р. Х. и въ Греціи, и въ Италіи; весною совершались празднества въ честь смерти и воскресенія этихъ боговъ, очень похожія на богослуженія страстной недѣли и пасхи у христіанъ. Отсюда ученые, сомнѣвающіеся въ суще-

ствованіи Іисуса, полагаютъ, что и разсказы о страданіяхъ, смерти и воскресеніи также измышлены съ цѣлью отождествить идеальнаго основателя христіанства съ любимыми народными богами того времени, Аттисомъ и Адонисомъ.

Выходитъ, что какъ будто мы не только почти ничего не знаемъ объ Іисусѣ, но и то, что о немъ разсказывается —это смѣсь чужихъ изреченій, чужихъ чудесъ, чужихъ сказаній, которыя были подобраны первыми евангелистами, чтобы написать воображаемую исторію воображаемаго Іисуса. Тѣ ученые, которые совсѣмъ отрицаютъ существованіе Іисуса, подкрѣпляютъ свой взглядъ еще однимъ доказательствомъ: они говорятъ, что, кромѣ евангелій, объ Іисусѣ нѣтъ нигдѣ упоминанія, ни въ тогдашней іудейской литературѣ, ни въ тогдашней языческой литературѣ. Между тѣмъ, говорятъ они, Іисусъ если онъ былъ такимъ, какимъ его изображаютъ евангелія, не могъ остаться незамѣченнымъ, Іудейскій историкъ того времени, Іосифъ Флавій, очень подробно разсказываетъ въ двухъ своихъ сочиненіяхъ „Іудейскія древности“ и „о іудейской войнѣ“ всѣ событія первыхъ 70 лѣтъ нашей эры, упоминаетъ многихъ „царей іудейскихъ“—народныхъ вождей, выдававшихъ себя за Мессію, но не упоминаетъ среди нихъ Іисуса. Правда въ „Іудейскихъ древностяхъ“ есть такое мѣсто (XVIII, 3, 3): „былъ въ это время Іисусъ, мудрый мужъ, если только должно называть его мужемъ. Ибо онъ былъ совершителемъ чудесныхъ дѣлъ, учителемъ людей, съ радостію принимавшихъ истину. Христосъ онъ былъ. И когда по жалобѣ нашихъ первыхъ людей Пилатъ присудилъ его къ кресту, не отпали тѣ, кто первые возлюбили его: ибо онъ явился на третій день снова живымъ, какъ изрекли о немъ это и безчисленное другое чудесное божіи пророки. И доселѣ не прекратился родъ христіанъ, называющихся по нему“. Какъ признаютъ наиболѣе авторитетные ученые, это мѣсто не могло быть написано Іосифомъ, такъ какъ онъ не могъ признавать Іисуса Христомъ; полагаютъ, что это мѣсто вставлено въ разсказъ Іосифа христіанами. Не упоминаютъ объ Іисусѣ и римскіе писатели того времени. Это молчаніе,— говорятъ противники существованія Іисуса,—скорѣе всего вовсе не случайно, но причина его заключается въ томъ, что Іисуса никогда не было.

Отрицая существованіе Іисуса, такіе ученые объясняютъ происхожденіе христіанства такимъ образомъ: первая христіанская община въ Іерусалимѣ была одной изъ многихъ тогдашнихъ іудейскихъ сектъ. Были тогда секта зелотовъ (ревнителей), секта ессеевъ (коммунистовъ), сикаріеевъ (кинжальщиковъ); всѣ онѣ неизвѣстно кѣмъ были основаны; появилась еще и секта христіанъ, т. е. ожидающихъ Мессію. Какъ и ессеи, первые христіане были коммунистами, считали существующій порядокъ во вселенной и въ обществѣ несправедливымъ и ожидали, что все зло будетъ исправлено пришествіемъ Мессіи, который совершитъ страшный судъ, поразитъ насильниковъ и богатыхъ и отдастъ царство кроткимъ и нищимъ. Среди этихъ христіанъ,—предполагаютъ далѣе названные ученые,—появились впослѣдствіи книжные люди, которые и составили легендарную исторію Іисуса, воображаемаго основателя христіанства, и вложили ему въ уста наиболѣе ходкія въ общинѣ изреченія. Іисусъ—такой же сказочный полубогъ, какъ греческій Орфей, поэтъ-полубогъ, которому приписывалось составленіе гимновъ и поучительныхъ книгъ о томъ свѣтѣ, какъ индійскій Будда, въ существованіи котораго также многіе ученые сомнѣваются.

Разберемся въ этихъ сомнѣніяхъ. Нѣтъ спора, что очень многія изреченія и притчи Іисуса похожи на изреченія ветхозавѣтныхъ пророковъ и іудейскихъ раввиновъ; мы видѣли также, что многихъ изреченій и притчъ Іисусъ не могъ произносить самъ, онѣ принадлежатъ его послѣдователямъ. Но если сравнивать изреченія Іисуса съ изреченіями пророковъ и раввиновъ, то найдется всего два—три изреченія, совпадающихъ буквально, или почти буквально. Но что же удивительнаго, необыкновеннаго и сомнительнаго въ томъ, что Іисусъ, слушавшій, какъ и всѣ іудеи, чтеніе изъ пророковъ въ синагогахъ и поученія раввиновъ, въ своихъ поученіяхъ пользовался выраженіями, образами и и сравненіями, которыя ему приходилось слышать? Рабскаго подражанія тутъ большею частью не было; напротивъ, было творчество новаго. Вотъ нѣсколько примѣровъ. Равви Іозе бенъ-Іохананъ говорилъ: „пусть домъ твой будетъ открытъ настежь, пусть

бѣдные будутъ твоими домочадцами"; въ евангеліи отъ Луки эта заповѣдь развита такимъ образомъ: „когда дѣлаешь ужинъ, не зови друзей твоихъ, ни братьевъ твоихъ, ни родственниковъ твоихъ, ни сосѣдей богатыхъ, чтобы и они тебя не позвали какъ нибудь и не получилъ ты воздаянія; но когда дѣлаешь пиръ, зови нищихъ, увѣчныхъ, хромыхъ, слѣпыхъ, и блаженъ будешь, что они не могутъ воздать тебѣ, ибо воздастся тебѣ въ воскресеніе праведныхъ". Равви Іаковъ говорилъ: „этотъ міръ подобенъ преддверію въ будущій міръ, приготовься въ преддверіи, чтобы могъ вступить ты въ чертогъ трапезы"; въ евангеліи отъ Матѳея есть притча, уподобляющая царство небесное брачному пиру, участіе въ которомъ дается только избраннымъ въ брачной одеждѣ, а кто не въ брачной одеждѣ, тотъ изгоняется вонъ. Далѣе, аргументы ученыхъ, старающихся доказать, что всѣ изреченія евангелія откуда-либо заимствовалъ, не выдерживаютъ критики и съ общей точки зрѣнія. Именно, если основываться только на сходствѣ изреченій болѣе поздняго пророка съ изреченіями болѣе ранняго пророка, то можно всякаго болѣе поздняго пророка объявить не существовавшимъ, такъ какъ такія черты сходства всегда могутъ быть найдены въ достаточномъ количествѣ. Наконецъ, при такихъ сравненіяхъ забывается самое главное: увлекаются сравненіями отдѣльныхъ изреченій и выраженій и *забываютъ о цѣломъ*. Пусть отдѣльныя изреченія и выраженія близко подходятъ къ изреченіямъ и выраженіямъ пророковъ и раввиновъ; въ цѣломъ, несмотря на нѣкоторыя противорѣчія, проповѣдь Іисуса, какъ почувствуетъ всякій, внимательно читавшій синоптиковъ, проникнута однимъ духомъ, однимъ тономъ, однимъ содержаніемъ. Если мы выдѣлимъ то, что навѣрное не принадлежитъ Іисусу, то эта цѣльность будетъ еще замѣтнѣе, еще рѣзче. Прочитавъ синоптиковъ, мы почувствуемъ, что въ нихъ, дѣйствительно, записано много подлинныхъ рѣчей Іисуса, почувствуемъ его личность, стремленія, настроеніе. Можно сочинить отдѣльныя изреченія и притчи; но нельзя, расположивъ ихъ въ безпорядкѣ, какъ у синоптиковъ, все-таки достичь того, что за ними будетъ чувствоваться живой проповѣдникъ.

Говорятъ, что вся исторія Іисуса состоитъ изъ заимствованныхъ легендъ и разсказовъ о чудесахъ. Конечно, легенды о рожденіи Іисуса—прямое подражаніе индійскимъ и греческимъ образцамъ; и родословіе его отъ Давида—вымышлено. Но въ евангеліи отъ Марка этихъ сказаній о родословіи нѣтъ; тамъ говорится просто, что „пришелъ Іисусъ изъ Назарета галилейскаго". Родина его указана, указана профессія —плотникъ, названы отецъ и мать—Іосифъ и Марія, и при томъ—согласно всѣми четырьмя евангеліями; ученики его— всѣ тоже галилеяне; мѣсто проповѣди по синоптикамъ— Галилея. Нравы и обычаи, мѣстность— все это вполнѣ соотвѣтствуетъ тогдашней дѣйствительности. Если Іисуса выдумали, то почему назвали его плотникомъ изъ Назарета, почему всѣ согласно называютъ его отца и мать, города и селенія, гдѣ онъ дѣйствовалъ? Чтобы это объяснить, надо предположить, что былъ какой-то одинъ вымышленный разсказъ объ Іисусѣ, болѣе краткій, чѣмъ наши синоптики, и этому разсказу почему то всѣ вѣрили, какъ истинной правдѣ, не переиначивали его, какъ бываетъ всегда съ легендами, нарочно измышленными. Вѣдь о рожденіи Іисуса, очевидно, не знали никакихъ подробностей, поэтому составляли легенды, и мы видимъ, что легенды были противорѣчивыя: то, что разсказываетъ Матѳей, во многомъ противорѣчитъ разсказу Луки, а въ другихъ, такъ наз. апокрифическихъ евангеліяхъ, есть много легендъ о рожденіи и дѣтствѣ Іисуса, непохожихъ ни на разсказъ Матѳея, ни на разсказъ Луки. Ясно, что тутъ мы имѣемъ дѣло съ вымысломъ, а не съ твердой памятью о событіи. Но когда всѣ, и каноническія, и апокрифическія евангелія, въ одинъ голосъ говорятъ, что Іисусъ—изъ Назарета, плотникъ, или сынъ плотника, отецъ его—Іосифъ, мать —Марія,—то тутъ мы имѣемъ дѣло, очевидно, съ общеизвѣстнымъ фактомъ, о которомъ никакихъ споровъ не было. Поэтому, нельзя говорить, что всѣ подробности біографіи Іисуса вымышлены.

Далѣе, отвергаютъ цѣликомъ разсказы о чудесахъ. Конечно, чудесъ не бываетъ; но что бываютъ люди, которые искренне вѣрятъ, что они могутъ творить чудеса, и находятъ вѣрующихъ въ ихъ чудотворную силу, это мы знаемъ даже

изъ нашего современнаго опыта. Несомнѣнно, что нѣкоторые разсказы о чудесахъ Іисуса совершенно вымышлены до конца; но нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, что въ основѣ нѣкоторыхъ разсказовъ о чудесахъ лежатъ дѣйствительныя происшествія. Таковы, напр., разсказы объ исцѣленіи бѣсноватыхъ, т. е. больныхъ, страдающихъ приступами безумія. Извѣстно, что подобнаго рода больные легко поддаются вліянію со стороны, излечиваются если не навсегда, то на болѣе или менѣе продолжительное время внушеніемъ. Такіе случаи удачныхъ внушеній, ослабившіе или прекратившіе приступъ безумія, въ тогдашнее время, конечно, сходили за самыя подлинныя чудеса: болѣзнь приписывали дѣйствію бѣса, вселившагося въ больного, если больной переставалъ мучиться, то, согласно тогдашимъ взглядамъ, бѣсъ принужденъ былъ изъ него выйти. Больше того: разсказы о чудесахъ не только не говорятъ противъ существованія Іисуса, но, напротивъ, утверждаютъ насъ въ увѣренности, что онъ дѣйствительно историческое лицо. Никогда ни одинъ религіозный проповѣдникъ не привлекалъ послѣдователей одною проповѣдью, всегда онъ долженъ былъ проявлять себя чудесами. Чудеса творилъ Магометъ; чудеса творилъ Францискъ Ассицкій, русскій знаменитый святой Сергій Радонежскій; боролся съ бѣсами старообрядческій святой, протопопъ Аввакумъ; народъ шелъ за ними не только потому, что они учили правдѣ, но и потому, что они помогали людямъ своими чудесами. Въ чудотвореніи была одна изъ главныхъ причинъ популярности Іисуса: онъ самъ упрекаетъ народъ, что они ходятъ за Іисусомъ только потому, что ѣлъ хлѣбъ и насытился.

Остается исторія страданій, смерти и воскресенія Іисуса. Конечно, разсказы о воскресеніи и вознесеніи созданы воображеніемъ первыхъ учениковъ Іисуса; они противорѣчатъ другъ другу, какъ должны противорѣчить всякія далекія отъ дѣйствительности легенды. Но разсказы о судѣ надъ Іисусомъ, о его казни и смерти, передаваемые совершенно одинаково всѣми евангелистами, не могутъ считаться вымышленными легендами. Говорятъ, что эти легенды составлены по образцу миѳовъ о страдающихъ и воскресающихъ богахъ Востока. Но ни въ одномъ изъ этихъ миѳовъ мы не находимъ ничего

подобнаго евангельскому разсказу. Осирисъ, Адонисъ, Аттисъ, Тамузъ гибнутъ отъ враждебныхъ боговъ, или отъ враждебныхъ стихій; тамъ нѣтъ ничего человѣческаго, естественнаго, похожаго на историческую дѣйствительность. Іисусъ погибаетъ въ неравной борьбѣ съ правящими іудейскими сферами: его преслѣдуютъ за то, что онъ сталъ народнымъ героемъ, что его готовы провозгласить „царемъ іудейскимъ", какъ провозглашали въ ту эпоху многихъ вождей народныхъ возстаній; его ведутъ къ римскому прокуратору, которому именно и были подсудны дѣла о бунтѣ, онъ приговаривается къ смертной казни черезъ распятіе—обычной казни, примѣнявшейся римлянами къ возставшимъ рабамъ. Тутъ нѣтъ ничего несообразнаго, напротивъ, все чрезвычайно стройно укладывается въ рамки тогдашней бурной іудейской жизни, и въ то же время все вполнѣ соотвѣтствуетъ тѣмъ порядкамъ, какіе были установлены римлянами. Прокураторомъ названъ Понтій Пилатъ, который, дѣйствительно, былъ въ это время правителемъ Іудеи (съ 26 по 36 г. по Р. Х.); о его жестокомъ своекорыстномъ и хищническомъ управленіи подробно разсказываютъ іудейскіе писатели, Іосифъ Флавій и Филонъ. И опять сравнимъ эти событія съ несомнѣнно вымышленной исторіей: будто бы Іосифъ и Марія должны были итти во время переписи въ тотъ городъ, изъ котораго былъ родомъ ихъ родоначальникъ Давидъ. Мы знаемъ, что такого нелѣпаго правила при переписи римляне никогда не предписывали, имъ не было никакого дѣла до родословій изъ подданныхъ; каждый долженъ былъ подавать свѣдѣнія о себѣ и своемъ состояніи по мѣсту жительства. Но автору этой легенды нужно было обязательно разсказать, что Іисусъ родился въ Виѳлеемѣ, и потому приходилось придумывать способъ, какъ бы хоть на время переселить Іосифа и Марію въ Виѳлеемъ. Онъ вспомнилъ, что римляне около времени рожденія Іисуса производили перепись, и прибѣгъ къ этому случаю, но выдалъ себя съ головой нелѣпымъ правиломъ о записи каждаго на мѣстѣ происхожденія его рода. А по ближайшей провѣркѣ оказывается, что и самая перепись, о которой говоритъ евангеліе отъ Луки (перепись Квиринія, намѣстника Сиріи и Палестины), происходила на 6—7 году послѣ Р. Х., и самъ

Квириній сталъ намѣстникомъ только въ 6 году по Р. Х. Легенда сама выдаетъ себя своими несообразностями и ошибками. Совсѣмъ другое вцечатлѣніе производятъ евангельскіе разсказы о послѣднихъ дняхъ Іисуса. Тутъ сходятся разсказы *всѣхъ* четырехъ евангелистовъ, а также и разсказы апокрифическихъ евангелій, напр., евангелія Петра; въ общемъ и главномъ они передаютъ одну и ту-же картину и ни въ чемъ не противорѣчатъ тѣмъ даннымъ какія у насъ имѣются о судебно-уголовныхъ порядкахъ въ Іудеѣ I в. Очевидно, что эти разсказы евангелій построены не на домыслахъ и вымыслахъ, какъ исторія рожденія и дѣтства Іисуса, а на прочной и вѣрной традиціи воспоминаній учениковъ Іисуса, которые были свидѣтелями его послѣднихъ дней и, конечно, должны были особенно крѣпко запомнить эти страшные дни внезапной катастрофы.

Не можетъ быть вполнѣ убѣдительнымъ и послѣдній доводъ ученыхъ, отрицающихъ существованіе Іисуса, именно, спорность замѣтки о немъ у Іосифа Флавія и отсутствіе упоминанія римскихъ писателей. Но, хотя большинство современныхъ ученыхъ считаютъ замѣтку Іосифа объ Іисусѣ цѣликомъ вставкой, находятся все-же и такіе, которые не отвергаютъ замѣтки Іосифа цѣликомъ, но считаютъ ее подправленной христіанами. Признаемъ, однако, что скептики правы; пусть ни одно слово изъ этой замѣтки не принадлежитъ Іосифу; что же изъ этого? Говорятъ, что о столь значительномъ лицѣ, какъ Іисусъ, обязательно упомянулъ бы Іосифъ въ своихъ сочиненіяхъ. Но въ этомъ разсужденіи есть одна коренная ошибка: если Іисусъ былъ великимъ учителемъ и чудотворцемъ для его послѣдователей, то іудейское правящее общество, къ которому принадлежалъ и Іосифъ Флавій, смотрѣло на него, какъ на одного изъ многихъ народныхъ проповѣдниковъ, выдававшихъ себя за Мессію, и при томъ не выдающагося въ сравненіи съ другими. Въ самомъ дѣлѣ: проповѣдь Іисуса была очень кратковременна, всего не болѣе года, если вѣрить синоптикамъ; въ противоположность другимъ „царямъ іудейскимъ“, поднимавшимъ возстанія и группировавшимся вокругъ себя рѣшительныхъ, боевыхъ противниковъ господствовавшаго строя, Іисусъ не призывалъ къ возстанію, или не успѣлъ

призвать къ нему. До прихода въ Іерусалимъ Іисусъ, повидимому, не былъ даже извѣстенъ и римскимъ властямъ; а когда онъ былъ представленъ на судъ Пилата, то послѣдній, при всей строгости и подозрительности, свойственнсй римскимъ прокураторамъ въ постоянно волновавшейся Іудеѣ, не находилъ достаточныхъ основаній для смертнаго приговора и осудилъ Іисуса только подъ давленіемъ синедріона. Такъ Іисусъ былъ казненъ въ числѣ многихъ другихъ, падавшихъ жертвою римскихъ и іудейскихъ властей. Все это показываетъ, что для іудейскаго правящаго общества Іисусъ былъ однимъ изъ рядовыхъ враговъ, но не изъ главныхъ; и то обстоятельство. что правящіе круги іудейскаго общества не оцѣнили истиннаго значенія Іисуса, свидѣтельствуетъ только о ихъ близорукости, которою они отличались и въ другихъ отношеніяхъ. Если римскіе писатели не упоминаютъ объ Іисусѣ, то это объясняется молчаніемъ іудейскихъ источниковъ—всѣ свои свѣдѣнія объ Іудеѣ и событіяхъ въ этой странѣ римскіе писатели почерпали почти исключительно изъ іудейскихъ источниковъ.

Итакъ, мы считаемъ, что Іисусъ былъ дѣйствительнымъ, историческимъ лицомъ. Но вся задача заключается въ томъ, чтобы установить, что̀ именно онъ проповѣдывалъ, какія ставилъ себѣ цѣли и какими средствами хотѣлъ ихъ достигнуть. Задача эта крайне трудная. Какъ мы видѣли, синоптики не были очевидцами дѣятельности Іисуса, писали по устнымъ преданіямъ и разнымъ записямъ словъ и дѣлъ Іисуса и вложили въ уста Іисуса много изреченій чужихъ, которыхъ онъ не могъ произносить. Если мы выдѣлимъ все то, что не можетъ навѣрное принадлежать Іисусу, останется еще очень много изреченій. Принадлежатъ ли всѣ они Іисусу или нѣтъ? Если не всѣ, то какими способами можно выдѣлить тѣ изреченія, которыя несомнѣнно должны принадлежать Іисусу? Если такой способъ существуетъ, то стоитъ заниматься проповѣдью Іисуса; если такого способа нѣтъ, то лучше прямо сказать: основателемъ христіанства первые христіане считали назаретскаго плотника Іисуса, казненнаго въ 30 или 31 г. нашей эры; но каково было содержаніе его проповѣди, мы навѣрное не знаемъ, такъ какъ въ евангеліяхъ его изреченія безнадежно спутаны и смѣшаны съ изреченіями его послѣдователей.

Но понятно, что тѣ ученые, которые считаютъ Іисуса историческимъ лицомъ, не хотятъ сказать: „не знаемъ“, Къ сожалѣнію, громадное большинство этихъ ученыхъ принадлежатъ къ числу богослововъ, главнымъ образомъ нѣмецкихъ. Эти богословы имѣютъ большія заслуги передъ наукой: они долго и много занимались изслѣдованіемъ новозавѣтной литературы и сдѣлали относительно ея происхожденія, состава и характера тѣ общепризнанные въ наукѣ выводы, которые изложены въ первой главѣ. Но когда тѣ-же критическіе богословы начинаютъ разсказывать о проповѣди Іисуса, то изъ ученыхъ они превращаются въ завзятыхъ церковныхъ проповѣдниковъ. Многіе изъ нихъ, и притомъ такіе выдающіеся, какъ Гарнакъ, Вернле или Юлихеръ, приписываютъ Іисусу тѣ изреченія, которыя соотвѣтствуютъ современнымъ протестанскимъ взглядамъ на христіанство, соединяютъ ихъ одно съ другимъ такъ, чтобы показать, что въ проповѣди Іисуас дѣйствительно заключается единая, истинная, высшая религія. Толкуя изреченія Іисуса, они влагаютъ въ нихъ особенный, духовный смыслъ, сообразно съ современной философской моралью, забывая, что для толкованія изреченій Іисуса надо обращаться не къ современнымъ учителямъ нравственности, а къ тѣмъ ожиданіямъ, настроеніямъ и мечтамъ, которыми горѣли слушатели Іисуса, и которыми горѣлъ онъ самъ. Изъ всѣхъ ученыхъ, писавшихъ о жизни Іисуса, только одинъ французскій Ренанъ попытался разсказать объ Іисусѣ не какъ богословъ, но какъ художникъ психологъ. Но Ренанъ приписалъ Іисусу очень много такого, чего Іисусъ не говорилъ; напр., многія рѣчи Іисуса, находящіяся въ четвертомъ евангеліи, Ренанъ считаетъ подлинными рѣчами Іисуса. Кромѣ того, многіе поступки и рѣчи Іисуса Ренанъ объясняетъ совершенно произвольно, такъ, какъ кажется ему правильнымъ. Поэтому, и „Жизнь Іисуса“ Ренана не можетъ считаться правильнымъ изображеніемъ личности и проповѣди Іисуса.

Что же дальше? Выходъ изъ этого положенія только одинъ: считать Іисуса только тѣмъ, чѣмъ онъ былъ, и не стараться набрать возможно больше изреченій, которыя могутъ ему принадлежать, а довольствоваться немногимъ, но несомнѣннымъ. Іисусъ былъ плотникомъ изъ Назарета, т. е.

человѣкомъ неученымъ, человѣкомъ изъ народа, но съ горячей вѣрой въ грядущее царство правды и съ горячей любовью къ такимъ же обездоленнымъ, какъ и онъ самъ. Онъ могъ учить только тому, что могло утѣшить и ободрить обездоленныхъ, и такимъ, какимъ способомъ вообще тогда учили провѣдники и раввины. Въ чемъ искали тогда утѣшенія обездоленные, какія были ихъ надежды и ожиданія, мы можемъ легко узнать изъ многочисленныхъ произведеній тогдашней іудейской литературы; какъ учили тогда и проповѣдники и раввины, мы также прекрасно знаемъ изъ Мишны, древнѣйшей части Талмуда. Наконецъ, Іисусъ былъ казненъ за то, что объявляя себя „царемъ іудейскимъ"; мы знаемъ, что такихъ „царей іудейскихъ" было немало въ то время, знаемъ, что означаетъ это старинное названіе, и какія стремленія связывались съ появленіемъ царей іудейскихъ. Другими словами, когда мы заглянемъ въ народную жизнь, въ народныя нужды и волненія того времени, мы сразу найдемъ ключъ къ разрѣшенію загадки, личности и проповѣди Іисуса.

III. Народная жизнь въ эпоху Іисуса.

Родина Іисуса, Галилея—сѣверная область Палестины, —была одною изъ двухъ областей, подчиненныхъ власти іудейскаго синедріона (совѣта) въ Іерусалимѣ; другой областью была собственно Іудея, южная часть Палестины, съ главнымъ городомъ Іерусалимомъ. Когда то, между 1100—600 годами до Р. Х., въ Палестинѣ были самостоятельныя еврейскія царства, сѣверное, царство Израиля или Ефрема, и южное, царство Іуды, въ которомъ правила династія Давида, съ резиденціей въ Іерусалимѣ. За 720 лѣтъ до Р. Х. погибло подъ ударами ассирійскихъ царей завоевателей царство Ефрема, а въ 586 г. вавилонскій царь Навуходоносоръ покончилъ и съ царствомъ Іуды. Знатныя и богатыя фамиліи были переселены въ Халдею; на мѣстѣ остались только мелкіе земледѣльцы и ремесленники. Черезъ 50 лѣтъ вавилонская держава была разрушена персами. Персидскій царь Киръ разрѣшилъ іудейскимъ изгнанникамъ вернуться на родину, а черезъ 100 лѣтъ одинъ изъ его преемниковъ предоставилъ Іудеѣ право

управляться по ея священнымъ законамъ, составленнымъ жрецами изъ старинныхъ постановленій и новыхъ правилъ, вошедшихъ въ обиходъ въ изгнаніи и послѣ изгнанія. Главой Іудеи былъ признанъ іерусалимскій первосвященникъ; судъ, управленіе и сборъ податей были возложены либо на жрецовъ, либо на учрежденія, подчиненныя іерусалимскому жречеству. Персидскіе государи поддерживали власть іерусалимскаго первосвященника, а за то первосвященникъ отвѣчалъ за вѣрность Іудеи персамъ, за исправный платежъ налоговъ и исправное несеніе военной службы. Этотъ порядокъ былъ подтвержденъ и греческими царями, когда персидское царство пало подъ ударами Александра Македонскаго, и римскимъ полководцемъ Помпеемъ, завоевавшимъ Іудею въ 63 г. до Р. Х. Со времени греческаго владычества при первосвященникѣ создался совѣтъ изъ 70 лицъ, такъ называемый синедріонъ; первосвященникъ былъ его предсѣдателемъ, а членами были жрецы и книжники, т. е. ученые знатоки закона и пророковъ, толковавшіе законъ для примѣненія его къ жизни.

Синедріонъ былъ прежде всего высшей церковной властью. Онъ собиралъ сборы на содержаніе храма и жречества, которое служило въ храмѣ и кормилось на доходы храма. Доходы эти были немалые. По закону въ пользу клира и храма шла «всякая десятина во Израилѣ», т. е. десятая часть почти всѣхъ продуктовъ и притомъ не только тѣхъ, которые производились въ самой Палестинѣ, но и привозныхъ. Книжники учили, что даже зерна, найденныя въ муравьиной кучѣ, если эта куча находилась подлѣ зерна, подлежащаго десятинѣ, должны были очищаться десятинной пошлиной, ибо муравьи могли перетаскать зерна именно изъ зерна, подлежащаго оплатѣ десятиной. Затѣмъ, въ пользу храма и клира шли первинки всѣхъ плодовъ. Наконецъ въ пользу храма была установлена денежная повинность въ размѣрѣ 1/3 шекеля съ души въ годъ. Всѣ эти сборы синедріонъ имѣлъ право собирать со всѣхъ сыновъ Іуды, гдѣ бы они ни жили, въ Іудеѣ, въ Галилеѣ, или въ разсѣяніи въ разныхъ провинціяхъ Римской имперіи. Но принудительный характеръ эти сборы имѣли только въ Іудеѣ и въ Галилеѣ. Тутъ для принужденія неисправныхъ плательщиковъ къ услугамъ синедріона всегда была воинская сила Рима.

Но власть синедріона была не только церковная; въ Іудеѣ, а въ нѣкоторые отдѣльные моменты и въ Галилеѣ, синедріону принадлежала также и гражданская власть, административная и судебная. Римскія власти требовали только уплаты общеимперскихъ налоговъ и натуральныхъ повинностей, и выставленія вспомогательныхъ военныхъ отрядовъ; во всемъ остальномъ власть была оставлена въ рукахъ іерусалимскаго синедріона. Всѣ его рѣшенія и приговоры были окончательные; только смертные приговоры шли на утвержденіе римскаго прокуратора. Такимъ образомъ, все управленіе страною было въ рукахъ жрецовъ и книжниковъ, которые правили на основаніи закона, якобы даннаго самимъ богомъ черезъ Моисея, и на основаніи толкованій этого закона, дававшихся книжниками. Древнѣйшее собраніе этихъ толкованій относится къ эпохѣ Іисуса и называется Мишной; это—древнѣйшая частъ такъ наз. Талмуда, обширной литературы толкованій на законъ, создававшейся въ Іудеѣ и въ разсѣяніи на протяженіи нѣсколькихъ столѣтій послѣ Р. Х.

Какъ же жилось подъ властью жрецовъ и книжниковъ народу? Положеніе народныхъ массъ въ Іудеѣ и Галилеѣ было неодинаково. Сами эти области сильно отличались одна отъ другой, и по своимъ природнымъ особенностямъ, и по населенію. Галилея—густо населенная страна, съ плодородной почвой, пестрѣющая пашнями, лугами и садами. Когда Іисусъ говорилъ свои притчи о сѣятелѣ, о виноградникѣ и виноградаряхъ, онъ вдохновлялся тѣми картинами сельской жизни, въ которыхъ протекала жизнь галилеянина, и отъ этого притчи эти имѣли такой успѣхъ. Селенія смѣнялись въ Галилеѣ городами, изъ которыхъ даже самые небольшіе насчитывали не менѣе 15.000 жителей. Огромное и привѣтливое Галилейское озеро кишѣло рыбой и было опоясано цѣлымъ рядомъ рыбачьихъ деревушекъ, давшихъ Іисусу первыхъ учениковъ. Непривѣтливы и дики были только сѣверныя окраины Галилеи, около Меромскаго озера, гдѣ начинались лѣса и болота и дикія скалы горъ Гермона.

Напротивъ, Іудея была несравненно болѣе бѣдной и суровой страной. Лишь въ западной ея части, ближе къ морю,

было возможно земледѣліе; восточная часть Іудеи, примыкавшая къ Мертвому морю, была дикой пустыней, изборожденной руслами высохшихъ рѣкъ (арабы называютъ ихъ теперь „вади“). Эта пустыня была ареной для дѣятельности Іоанна Крестителя, а впослѣдствіи туда скрывались первые христіанскіе монахи, уходившіе отъ міра и его страстей. Въ Іудеѣ населеніе было рѣдкое, а изъ городовъ крупнымъ былъ только Іерусалимъ, вообще самый большой городъ въ Іудеѣ и въ Галилее. Онъ былъ главнымъ центромъ іудейской жизни, можно сказать, поглощалъ собою всю Іудею. Тамъ жило многочисленное жречество, были главныя школы книжниковъ; вокругъ храма жило и кормилось многочисленное ремесленное населеніе, было много торговыхъ заведеній, гостинницъ и постоялыхъ дворовъ, обслуживавшихъ ученое и духовное населеніе города и постоянно смѣнявшуюся волну паломниковъ. Эти паломники стекались въ Іерусалимъ обыкновенно на три главные праздника, особенно къ Пасхѣ, изъ Іудеи, Галилеи и изъ всѣхъ концовъ римскаго міра, гдѣ только были іудейскія общины. Съ ними вливался въ Іерусалимъ потокъ золота и серебра, которое богомольцы оставляли огромными количествами въ карманахъ жрецовъ, левитовъ, книжниковъ, торговцевъ, трактирщиковъ и содержателей гостинницъ. Іерусалимъ жилъ закономъ, кормился храмомъ, дышалъ куреніемъ жертвъ; онъ не производилъ никакихъ матеріальныхъ продуктовъ, но плелъ безконечную сѣть тонкихъ разъясненій закона, увѣщаній его соблюдать, обѣщаній всяческихъ наградъ, за исполненіе и грозныхъ казней за пренебреженіе. «Слушай, Израиль: господь-богъ твой, господь—одинъ. И люби господа бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею душою твоею, и всею силою твоею. И пусть будутъ слова эти, которыя я заповѣдаю тебѣ сегодня, на сердце твоемъ; и внуши ихъ сынамъ твоимъ, и говори ихъ, когда ты сидишь въ домѣ твоемъ, и когда ты идешь по дорогѣ, когда ты ложишься спать и когда ты встаешь; и обвяжи ихъ, какъ знакъ для памяти, вокругъ руки твоей, и пусть подобно повязкѣ, они будутъ предъ очами твоими; напиши ихъ на косякахъ дверей дома твоего и на воротахъ. И если вы будете повиноваться заповѣдямъ

моимъ, которыя я заповѣдаю вамъ нынѣ—будете любить господа бога вашего всѣмъ сердцемъ и всею душою, —то я буду посылать землѣ вашей дождь благовременный, дождь ранній и поздній, и соберешь ты, (Израиль), свой хлѣбъ, вино свое и масло свое; и дамъ скоту твоему траву въ полѣ твоемъ, и ты будешь ѣсть его и насытишься. Берегитесь, чтобы не впало въ обманъ сердце ваше, и чтобы не отклонились вы отъ господа и не стали служить и молиться богамъ другимъ. Ибо возгорится на васъ гнѣвъ господа, и заключитъ онъ небо, такъ что не будетъ дождя, и земля не дастъ плодовъ своихъ, и исчезнете вы скоро съ прекрасной земли, которую господь дастъ вамъ». Эта молитва,—отрывокъ изъ закона— читалась въ началѣ каждой общественной молитвы; каждый іудей три раза въ день долженъ былъ повторять ихъ; пергаментные свитки, на которыхъ была написана эта молитва, привѣшивались каждымъ ревностнымъ іудеемъ въ особыхъ ящичкахъ къ воротамъ дома и въ особыхъ трубочкахъ привязывались къ лѣвой рукѣ и къ серединѣ лба кожаными ремешками. А когда за богослуженіемъ выступалъ ученый проповѣдникъ, книжникъ-раввинъ, онъ повторялъ безъ устали тѣ же увѣщанія. „Каковъ правильный путь, который долженъ избрать себѣ человѣкъ? (Дѣлать) все, что есть слава тому, кто дѣлаетъ это, и приноситъ ему честь отъ людей. Будь внимателенъ къ легкой заповѣди, какъ къ трудной, ибо ты не знаешь награды за исполненіе заповѣди; сопоставляй убытокъ, который ты получишь отъ исполненія заповѣди, съ наградой, и прибыль, которую ты получишь отъ грѣха, съ наказаніемъ; наблюдай три вещи, и ты не впадешь въ грѣхъ: помни, что надъ тобою око видящее и ухо слышащее, и что всѣ дѣла твои записываются въ книгу". „Любимъ у бога человѣкъ, ибо онъ созданъ по образу его; любимы израильтяне, ибо они названы сынами бога; любимы израильтяне, ибо имъ дано сокровище, которымъ созданъ міръ, какъ сказано: я преподалъ вамъ доброе ученіе, не оставляйте закона". „Семь родовъ казней приходятъ на міръ за семь родовъ прегрѣшеній: если одни отдѣляютъ десятину, а другіе не отдѣляютъ, то приходитъ голодъ отъ засухи, такъ что одни голодаютъ, а другіе сыты; если пере-

станутъ совсѣмъ отдѣлять десятину, то приходитъ голодъ отъ военныхъ бѣдствій и отъ засухи; если перестанутъ давать жертву отъ закваски, то приходитъ голодъ всеистребляющій; чума приходитъ въ міръ, если суду не преданы преступленія, достойныя смерти, о которыхъ говоритъ законъ, и если (не отдѣляютъ) плодовъ седьмого года; мечъ приходитъ въ міръ за медленное судопроизводство, за кривой судъ и за (грѣхъ) тѣхъ, кто учитъ закону несогласно съ преданіемъ; дикіе звѣри приходятъ на міръ за ложныя клятвы и за оскверненіе (божьяго) имени; изгнаніе приходитъ на міръ за идолопоклонство, блудъ, пролитіе крови и за несоблюденіе отдыха на землѣ".

Іудея и Іерусалимъ повелѣвали и собирали, Галилея повиновалась и платила. Но повиноваться и платить Галилеѣ было нелегко, гораздо труднѣе, чѣмъ Іерусалиму повелевать и собирать. Книжники „связываютъ бремена тяжелыя и неудобоносимыя и возлагаютъ на плечи людямъ, а сами не хотятъ и перстомъ двинуть ихъ". Если мы поближе познакомимся съ положеніемъ народной массы, и ея жизнью подъ властью закона, то мы увидимъ, что въ этихъ евангельскихъ словахъ врядъ ли есть большое преувеличеніе. Въ Галилеѣ и въ западной Іудеѣ разстилались цвѣтущія пашни; но эти пашни принадлежали немногимъ богачамъ, которые въ хорошій урожай не знали, куда имъ собрать плоды свои, и говорили душѣ своей; „много добра у тебя лежитъ на многіе годы; покойся, ѣшь, пей, веселись" (Лук., XII, 16—19). Надъ этими пашнями трудились мелкіе арендаторы, которые должны были отдавать господамъ половину или двѣ трети урожая, и сельскіе рабочіе, которые могли получать свою поденную плату лишь съ большимъ трудомъ, если не знали всѣхъ тонкостей закона. Законъ говорилъ: „плата наемнику не должна оставаться у тебя до утра" (Лев. 19, 13); книжники вывели отсюда очень удобное для хозяевъ правило относительно срока, въ теченіе котораго наемный рабочій могъ получать поденную плату безъ всякихъ формальностей. Именно, срокъ былъ установленъ такой; ночь непосредственно слѣдующая за рабочимъ днемъ, для дневного рабочаго, и день, непосредственно елѣдующій за ночью, для ночного рабочаго;

рабочій, пропустившій эти сроки, долженъ былъ уже возбуждать судебный искъ. Такъ отягощалось и безъ того трудное положеніе сельскихъ рабочихъ. А для городскихъ рабочихъ и ремесленниковъ законъ ставилъ цѣлый рядъ ограниченій и запрещеній работы на язычниковъ. Галилея нерѣдко въ просторѣчіи звалась «языческой»—населеніе тамъ было не чисто іудейское, а смѣшанное, и около половины всего городского населенія составляли богатые греки, сирійцы, римляне, постоянно нуждавшіеся въ работѣ ремесленниковъ. А такъ какъ законъ ради соблюденія религіозной чистоты, запрещалъ іудеямъ тѣсныя сношенія съ язычниками, то книжники воспользовались этимъ общимъ запрещеніемъ, чтобы совсѣмъ запретить галилейскимъ и іудейскимъ ремесленникамъ работать на язычниковъ или поставить столько условій, что работа все равно становилась невозможной. Напримѣръ, плотникамъ безусловно было запрещено строить базилики (зданія для административныхъ и общественныхъ учрежденій), эшафоты, ристалища, мѣста для зрителей; разрѣшалось строить для язычниковъ общественныя зданія и бани, но лишь до того свода, въ которомъ должна по плану зданія находиться «авода зару»—т. е. какое-либо украшеніе, статуя, изреченіе, относящееся къ языческой религіи. Понятно, что при такихъ условіяхъ язычники очень рѣдко нанимали на постройки іудеевъ. Такія же ограниченія и запрещенія были относительно торговли. Язычникамъ нельзя было сдавать въ аренду дома, потому, что язычники могли бы внести въ снятый домъ «аводу зара» и тѣмъ осквернить его; нельзя было продавать язычникамъ дома и поля по той же причинѣ. Кромѣ того, нельзя было продавать язычникамъ множества продуктовъ и животныхъ, которые язычниками могли быть употреблены для жертвоприношеній. Тутъ перечисляются и кедровые орѣхи, и смоквы, благовонная ливанская смола, финики, вино, бѣлые пѣтухи (такихъ пѣтуховъ приносили въ жертву богу Эскулапу). И эти же продукты нельзя было покупать у язычниковъ, если было подозрѣніе, что изъ запаса продаваемыхъ продуктовъ приносились жертвы богамъ. Можно было покупать у язычниковъ всякую утварь для хозяйственнаго обихода, но все покупаемое нужно было подвергать обяза-

тельному очищенію. Отъ всѣхъ этихъ ограниченій труднѣе всего было именно галилейскимъ іудеямъ, которые жили бокъ-о-бокъ съ язычниками. Ремесленники нуждались въ работѣ; но работать безъ всякихъ ограниченій можно было только у своихъ же іудевъ. Работниковъ было много, а работодателей мало, ихъ число искусственнымъ образомъ сокращалось вдвое. Такое же положеніе было и для торговцевъ. Многіе галилеяне ходили разносчиками и коробейниками по всей Палестинѣ и Сиріи; но не всякому они могли продать свой товаръ и не у всякаго могли купить нужные имъ продукты. Іудейскіе предприниматели и капиталисты пользовались этими запретами себѣ на пользу: они эксплуатировали наемный трудъ на самыхъ выгодныхъ для себя условіяхъ. Жалобы каменщиковъ плотниковъ на плохое житье слышатся изъ книги Еноха,—сборнаго апокрифа, появившагося въ эпоху Іисуса. Одна надежда ихъ—говоритъ книга Еноха—на праведный судъ божій, который воздастъ имъ сторицею за всѣ капли пота, за каждый положенный ими кирпичъ, за каждый голодный день. Нелегко было иго закона. Десятина, первинки, многочисленныя обязательныя жертвы, постоянныя самоограниченія въ работѣ и торговлѣ—все это, дѣйствительно, для небогатаго труженика нерѣдко становилось «бременами неудобоносимыми».

Но кромѣ ига закона приходилось еще нести иго римлянъ. Какъ и всѣ прочія провинціи, Палестина была для римлянъ прежде всего источникомъ дохода, доходной статьей. Подати были двоякаго рода: прямыя—поземельная и подушная, и косвенныя—разные акцизные, таможенные и рыночные сборы. Но не такъ тяжелы были эти подати, какъ способъ ихъ взиманія. Всѣ косвенныя подати сдавались на откупъ; откупщики при помощи своихъ сборщиковъ, называемыхъ въ евангеліяхъ мытарями, буквально выжимали изъ населенія послѣднюю копейку; прямыя подати собирались іерусалимскимъ синедріономъ. Затѣмъ, приходилось нести воинскую, дорожную и подводную повинности. Послѣднею очень часто злоупотребляли римскіе чиновники, требовавшіе лошадей и не возвращавшіе послѣ ихъ владѣльцамъ. Всякое проявленіе недовольства или ропота безпощадно подавлялось: и Пилатъ

и другіе прокураторы не разъ производили жестокія избіенія безоружной толпы.

Синедріонъ и римскія власти, конечно, не всегда жили мирно и согласно, бывали между ними случаи рѣзкихъ конфликтовъ, въ особенности, когда римскіе прокураторы посягали на казну храма. Но въ этихъ случаяхъ іерусалимскіе жрецы всегда скоро умѣли находить управу на зарвавшихся чиновниковъ, и миръ возстанавливался. Миръ нуженъ былъ и той и другой сторонѣ, такъ какъ у той и другой стороны былъ общій врагъ: стонущія народныя массы. Для нихъ строй, установленный Мишной, былъ тяжкимъ игомъ; смуты и волненія, постоянно происходившія въ Іудеѣ и въ Галилеѣ въ теченіе всего I вѣка, были революціонными попытками сверженія этого ига. Дерзость, неповиновеніе народныхъ массъ увеличивались съ каждымъ десятилѣтіемъ; и нѣкоторые вдумчивые и боязливые представители іудейской интеллигенціи съ ужасомъ смотрѣли въ будущее. Казалось, что растущая анархія есть признакъ скораго крушенія жреческаго строя, пришествія Мессіи. „Передъ пришествіемъ Мессіи—говорили нѣкоторые раввины,—дерзость увеличится, и дороговизна дастъ себя знать; лоза будетъ давать плодъ свой—а вино вздорожаетъ; дома собраній будутъ служить для блуда, мудрость книжниковъ испортится, богобоязненные будутъ въ презрѣніи, истина будетъ ограничена, юноши заставятъ блѣднѣть стариковъ, старики будутъ вставать передъ молодыми, Галилея будетъ опустошена, жители будутъ ходить изъ города въ городъ, и никто не сжалится.... На кого тогда опереться? На отца нашего, что въ небесахъ". Но пока дѣло не дошло до такой крайности, для правящихъ сферъ была другая, болѣе близкая и надежная опора. Равви Ханина говорилъ: „молись о благополучіи правительства, ибо если бы не страхъ передъ нимъ, одинъ другого проглотилъ бы живьемъ". И принося ежедневную торжественную жертву за римскаго императора, первосвященникъ и жрецы дѣлали это не только изъ страха передъ завоевателями, но и въ надеждѣ на ихъ опору и защиту. Для нихъ было важно сохраненіе въ цѣлости храма, безпрерывное и безпрепятственное совершеніе богослуженія, исправное полученіе всѣхъ приношеній

и жертвъ, установленныхъ закономъ. Если все это имъ обезпечивали римляне, то ихъ власть нужно было поддерживать и уважать.

Поэтому жреческая партія была партіей вѣрноподданной. Жрецовъ и ихъ сторонниковъ звали саддукеями, по имени Садока, перваго верховнаго жреца Іерусалимскаго храма; первосвященникъ и жрецы считали этого Садока своимъ предкомъ. Ловкіе политики, саддукеи мало интересовались религіозными вопросами и спорами. По одному и тому же строго заведенному порядку, согласно предписаніямъ Торы (т. е. закона Моисеева), совершали они богослуженіе въ храмѣ, засѣдали въ синедріонѣ, толкались въ преторіи римскаго прокуратора или во дворцѣ бутафорскихъ царей, въ родѣ Ирода, которыхъ для декораціи держали римляне въ странѣ въ началѣ нашей эры. Сытые и довольные, поглощенные практическими заботами, церковными и гражданскими, саддукеи не задумывались надъ новыми вопросами вѣры, возникавшими въ народной средѣ, и предоставляли вѣдаться и спорить съ народомъ и другъ съ другомъ книжникамъ.

Книжники, ученые знатоки закона, принадлежали къ другой партіи,—фарисеевъ. Это прозвище значитъ по русски *обособившіеся, отдѣлившіеся*; такъ ихъ звали въ народѣ, сами же они называли себя *хаберимъ*, т. е. товарищами по знанію закона и святой жизни. Мы видѣли, что безъ ихъ помощи не могли обойтись жрецы въ синедріонѣ; имъ же жречество ввѣрило заботу учить народъ вѣрѣ и правильной жизни по закону. Это ученіе производилось двумя путями: въ школѣ и въ синагогѣ. Синагога—мѣсто собранія для молитвы; въ каждомъ городѣ Іудеи, Галилеи и расѣянія, гдѣ только была іудейская колонія, устраивалась синагога. По субботамъ и въ праздничные дни въ синагогахъ устраивались молитвенныя собранія. Они начинались чтеніемъ молитвъ и положенныхъ мѣстъ изъ писанія; затѣмъ, всякій желающій могъ произнести проповѣдь. Проповѣдниками обыкновенно и выступали книжники и раввины, представители фарисейской проповѣди. Они внушали необходимость самаго строгаго исполненія закона именно такъ, какъ они его толковали и понимали. Только такимъ способомъ, говорили они, народъ

можетъ приблизить осуществленіе своихъ идеаловъ. Фарисеи говорили, что они раздѣляютъ народные идеалы и народныя ожиданія: вѣрятъ и въ пришествіе Мессіи, и въ воскресеніе мертвыхъ, и въ загробное воздаяніе, въ божественный судъ надъ всѣми насильниками, угнетающими народъ; но первое условіе награды — исполненіе закона. „Твой работодатель надеженъ“ — говорилъ равви Таффонъ: „онъ заплатитъ тебѣ за трудъ твой; знай, воздаяніе праведникамъ—въ будущемъ, послѣ воскресенія мертвыхъ“. И фарисеи старались сами подавать добрый примѣръ строгаго и неуклоннаго исполненія закона. Однако, многіе изъ нихъ обращали все свое вниманіе исключительно на соблюденіе мельчайшихъ обрядовъ и правилъ, не заботясь совершенно о дѣйствительной праведности—справедливости, милосердіи и любви. Подобно современнымъ, по своему очень религіознымъ людямъ, которые строго соблюдаютъ посты, не пропускаютъ ни одной службы, бьютъ поклоны и ставятъ свѣчи, но въ обыденной жизни на каждомъ шагу лгутъ, обманываютъ, крадутъ и нарушаютъ элементарныя требованія нравственности, нѣкоторые фарисеи лицемѣрно долго молились, чтобы видѣли ихъ люди, и поѣдали домы вдовъ, давали десятину даже съ анису, мяты и тмину, и забывали „важнѣйшее въ законѣ“—судъ, милость и вѣру, заботились о чистотѣ чашъ и блюдъ, но сами внутри были полны „костей мертвыхъ и всякой нечистоты“, подобно ярко раскращеннымъ гробамъ. Лицемѣрная праведность такихъ представителей фарисейства соединялась съ высокомѣріемъ и суетнымъ искательствомъ почестей: они „любятъ возлежать на первомъ мѣстѣ на пиршествахъ и предсѣдательствовать въ синагогахъ, любятъ привѣтствія въ народныхъ собраніяхъ, и чтобы люди звали ихъ: учитель, учитель“. Конечно, такими были худшіе представители фарисейства и книжничества; но по ихъ дѣламъ судили всю партію. Книжники и фарисеи вошли въ исторію съ эпитетомъ „лицемѣры“, фарисейство стало санонимомъ ханжества. И негодованіе противъ этихъ худшихъ представителей іудейской интеллигенціи заставило забыть о лучшихъ ея представителяхъ. У тѣхъ не расходилось слово съ дѣломъ, какъ показываетъ хотя бы прозвище *праведный*, данное равви

Симону; они не забывали, что за правдой закона существуетъ еще и правда жизни, какъ показываютъ ихъ изреченія. Симонъ праведный постоянно говорилъ: „на трехъ вещахъ стоитъ міръ: на законѣ, на богослуженіи, на дѣлахъ любви"; Гилель говорилъ: „будь въ числѣ учениковъ Аарона, любящимъ миръ и старающимся о мирѣ, любящимъ творенія и превлекая ихъ къ закону"; Іозе говорилъ: „пусть домъ твой будетъ открытъ настежь, пусть бѣдные будутъ твоими домочадцами"; равви Симонъ говорилъ: „когда молишься, не дѣлай молитву свою пустымъ заклятіемъ, но моленіемъ и горѣніемъ къ (святому) мѣсту; ибо сказано: милостивъ и милосердъ богъ, мстителенъ въ гнѣвѣ и щедръ въ милости, и снисходителенъ къ злому;—да не будетъ неисправимаго злодѣя въ глазахъ его". Другіе предостерегали отъ самомнѣнія и непогрѣшимости. Тотъ же Гилель говорилъ: „кто распространяетъ свое имя, того имя погибнетъ"; Арбталіонъ предостерегалъ: „вы, мудрые, будьте осторожны въ словахъ вашихъ; случится—и вы подвергнете себя карѣ изгнанія, и пойдете въ изгнаніе на мѣсто дурной воды (т. е. дурного ученія), и ученики, которые пойдутъ за вами, будутъ пить отъ нея и умрутъ"; поэтому равви Симонъ, сынъ Гамаліила предпочиталъ молчаніе: „всю жизнь мою я возсталъ среди мудрыхъ, и не нашелъ для человѣка ничего лучшаго, какъ молчаніе; не изученіе писанія главная задача, но исполненіе; всякій, кто тратитъ много словъ, навлекаетъ на себя грѣхъ". И если фарисеи и книжники худшаго сорта выставляли себя на показъ, были нетерпимы ко всякому иному мнѣнію и не гнушались политикой въ синедріонѣ, то фарисеи и книжники типа Симона Праведнаго и Гилеля были погружены въ дѣло личнаго усовершенствованія и рекомендовали дѣлать то же самое другимъ. Для нихъ міръ съ его суетой казался обреченнымъ на погибель, лежащимъ во злѣ. Равви Нехунья молился: „благодарю тебя, господи, боже мой, что ты далъ мнѣ удѣлъ среди посѣщающихъ школу, а не среди сидящихъ на улицѣ; я встаю рано, и они встаютъ рано; но я встаю рано для занятій закономъ, а они—для занятій суетой; я тружусь, и они трудятся; но я за свой трудъ получу награду, а они трудятся попусту; я спѣшу, и

они спѣшатъ; но я спѣшу къ жизни грядущаго, а они—къ погибели".

Народная масса, стонавшая подъ игомъ жрецовъ, законниковъ и римлянъ, была проникнута другимъ настроеніемъ, другою вѣрою. Между ея религіозностью и религіозностью фарисейства лежала цѣлая пропасть. Наиболѣе мыслящіе и непримиримые люди изъ народа не задумались прямо пойти на расколъ и отдѣлились отъ общины, во главѣ которой стояли столь недостойные руководители. Они ушли изъ Іудеи въ пустыню по сосѣдству съ Мертвымъ моремъ и тамъ, въ небольшихъ оазисахъ образовали земледѣльческія общины и артели *ессеевъ*, т. е. благочестивыхъ, (отъ арамейскаго слова hase) законъ они соблюдали неупустительно: въ субботу даже не двигались и не отправляли естественныхъ потребностей, въ храмъ посылали всѣ установленныя приношенія, тщательно соблюдали всѣ омовенія, но сами въ храмъ никогда не ходили и не вступали ни въ какія личныя сношенія съ іерусалимскимъ клиромъ. А общины свои они устроили такъ, чтобы въ нихъ не было ни приниженной нищеты, ни высокомѣрнаго богатства, ни рабовъ, ни хозяевъ; и это имъ удалось, такъ что даже противники говорили про нихъ, что по образу жизни это самые лучшіе люди. Ихъ общины были общежитіями, въ родѣ нашихъ монастырей, и сами они давали обѣты въ родѣ монашескихъ: не жениться, не имѣть никакой собственности, не открывать никому тайнъ своего ученія, безусловно подчиняться выборнымъ попечителямъ; и одежда ихъ, у всѣхъ одинаковая, напоминала монашескую: бѣлая длинная туника, вродѣ рясы, подвязанная поясомъ, а за поясомъ кирка. Новыхъ членовъ общины принимали не сразу, но послѣ трехлѣтняго испытанія: послѣ перваго года новичка допускали къ омовеніямъ, которыя у ессеевъ были священными обрядами, имѣвшими очистительную силу, а послѣ слѣдующихъ двухъ лѣтъ новичекъ принимался окончательно въ общину. Все имущество находилось у ессеевъ въ общемъ владѣніи; никто ничего не могъ ни продавать другому, ни покупать у другого, все складывалось въ общую кассу, которой завѣдывали выборные попечители; о старыхъ и слабыхъ должны были заботиться болѣе молодые и сильные, о больныхъ—здоровые. Если ессей

ѣхалъ въ другой городъ или селеніе, то онъ находилъ себѣ пріютъ въ тамошней ессейской общинѣ; если же такой общины въ какомъ либо городѣ не было, то въ такой городъ назначался особый попечитель, который обязанъ былъ помогать путешествующимъ братьямъ и удовлетворять ихъ нужды. Такимъ образомъ, ессеи откололись не только отъ іудейской церкви, но и отъ своего іудейскаго общества. Они считали его царствомъ насилія, нечестія и неправды; но, не мечтая о чудесномъ будущемъ, они хотѣли исправить и улучшить свою жизнь въ настоящемъ, не останавливаясь передъ самыми тяжелыми жертвами и обязанностями.

Однако нелегко было всякому отречься отъ міра, отказаться отъ брака, отъ своего угла, отъ своего, хоть плохенькаго, хозяйства. Въ ессейскія общины шли немногіе, наиболѣе рѣшительные и сильные духомъ люди; ессеевъ было немного. Народная масса не могла понять и усвоить идеалы ессейства и искала для себя другихъ путей для утѣшенія, жила другими надеждами, не мудрствуя, но попросту, не разрывая формально съ офиціальной церковью, но понимая ея ученіе и обряды по своему. Народъ исполнялъ привычные традиціонные обряды, приносилъ установившіеся изъ вѣка въ вѣкъ жертвы; но для него книжническія разсужденія о законѣ и праведности были чужды, и онъ не исполнялъ всѣхъ мелочей, предписываемыхъ Мишной. За это книжники и фарисеи звали народную массу ám haares—народомъ земли. „Народъ земли—невѣжда въ законѣ; проклятъ онъ“. Однако, это проклятіе мало смущало народную массу. Она понимала религію такъ, какъ понимали ее и исполняли дѣды и прадѣды, вѣрила и дѣлала такъ, какъ учили старики.

Откуда зло на свѣтѣ? Отчего такъ трудно жить? Отчего простой, бѣдный и честный труженикъ стонетъ, а богатый и оборотливый бездѣльникъ благоденствуетъ? Какъ помочь горю? Какъ разрѣшить загадку?—Эти вопросы больше всего занимали народную массу, и въ религіи она искала ихъ разрѣшенія.

Горе, болѣзнь и смерть—всему этому причина злые духи, *бѣсы*, какъ они называются въ евангеліи. Много этихъ бѣсовъ, и живутъ они въ пустынныхъ мѣстахъ или кладби-

щахъ, любятъ вселяться въ человѣка, а если приходится изъ человѣка уходить, то злой духъ скитается съ воемъ и тоскою, не находя себѣ мѣста. Вселившійся въ человѣка бѣсъ мучаетъ его, причиняетъ ему тяжкую болѣзнь; если выгнать изъ человѣка бѣса, то больной выздоровѣетъ. Смерть—отъ болѣзни; великое это горе, и иногда посылается богомъ въ наказаніе за грѣхи. Главные злые духи—Сатана и Веельзевулъ. Сатана —значитъ, собственно, противникъ; въ старину Сатаною называли небеснаго духа, который долженъ былъ слѣдить за людскими грѣхами и обвинять грѣшниковъ передъ Іагве—былъ своего рода небеснымъ прокуроромъ. Но съ теченіемъ времени Сатана въ народномъ представленіи изъ прокурора превратился въ провокатора, изъ обвинителя въ грѣхѣ—въ соблазнителя по грѣху. Чтобы побудить человѣка ко грѣху, Сатана входитъ въ него: такъ вошелъ Сатана въ Іуду-предателя во время тайной вечери, Іуда сейчасъ же всталъ и пошелъ къ членамъ синедріона. Веельзевулъ—это князь бѣсовскій. Это имя въ старину произносилось Ваалзевувъ и значило „господинъ мухъ“. Его почитали въ филистимскомъ городѣ Экронѣ, и въ старину, и въ эпоху Іисуса. А такъ какъ мухи, въ особенности въ Палестинѣ,—насѣкомыя ядовитыя и грязныя, переносящія всякую заразу, то, естественно, народъ, видя, что отъ укуса мухи человѣкъ часто заболѣваетъ и даже умираетъ, считалъ мухъ воплощеніемъ бѣсовъ, а ихъ господина—бѣсовскимъ княземъ. Переиначили произношеніе *Ваалзевувъ* въ Веельзевулъ ради легкости: легче произнести „зевулъ“, чѣмъ „зевувъ“; но вмѣстѣ съ тѣмъ имя это пріобрѣло еще болѣе дурной смыслъ. Zivvul—значитъ *калъ*; отсюда по созвучію, стали толковать: Веельзевулъ—господинъ кала; недаромъ и мухи такъ любятъ садится на калъ и навозъ. Подъ началомъ Веельзевула—легіоны бѣсовъ, которые служатъ ему и исполняютъ его приказанія. Всякій грѣшникъ—слуга Сатаны; всякій праведникъ—врагъ Сатаны. Тогда, впрочемъ, выражались еще рѣзче: грѣшники—сыны Сатаны*) праведники—сыны божіи.

У бога то-же есть подвластные духи—ангелы. Богъ посылаетъ ихъ къ праведнымъ людямъ открывать имъ свою

*) Въ Новомъ завѣтѣ—сыны діавола, Діаволъ—греческое слово, значитъ—„обвинитель“ „клеветникъ“—переводъ евр. Сатана.

волю и охранять ихъ на всѣхъ путяхъ ихъ. Это *ангелы* (греч. слово, означающее собств. посланникъ, переводъ евр. maleakyh). У каждаго человѣка есть свой ангелъ-хранитель; выше ангелов-хранителей—ангелы-покровители народовъ, напр. Михаилъ, покровитель народа еврейскаго. Другіе высшіе ангелы, или *архангелы*, исполняли спеціальныя божественныя порученія. Такъ, по народной вѣрѣ, архангелъ Гавріилъ обыкновенно посылался къ людямъ для возвѣщенія имъ божественной воли—какъ къ дѣвѣ Маріи, къ Захаріи, отцу Іоанна Крестителя; архангелъ Рафаилъ представлялъ къ престолу божества молитвы праведныхъ. Эта вѣра въ добрыхъ и злыхъ духовъ, существовавшая и у древняго Израиля, въ эпоху послѣ плѣна стала особенно живой и распространенной подъ вліяніемъ вавилонской и персидской религіи, въ которыхъ представленія о добрыхъ и злыхъ духахъ и ихъ вѣчной борьбѣ были очень развиты, составляли цѣлую систему и дали основаніе для созданія особой священной науки заклинаній и заговоровъ.

Въ здѣшней земной жизни идетъ постоянная борьба праведниковъ и грѣшниковъ, бога и Сатаны, ангеловъ и бѣсовъ Сыны божіи, люди божіи могутъ помогать въ борьбѣ съ бѣсами. Праведный, пророкъ, истинный сынъ божій можетъ получить отъ бога особую власть надъ бѣсами, можетъ изгонять ихъ, исцѣлять болѣзни и такимъ образомъ облегчать жизнь, уменьшать страданія. Поэтому любимыми народными пророками древности были Илія и Елисей, исцѣлявшіе больныхъ, кормившіе голодныхъ, воскресавшіе мертвыхъ. Когда въ синагогахъ читались разсказы о дѣятельности этихъ пророковъ, народъ слушалъ, затаивъ дыханіе, и страстно желалъ, чтобы и теперь появился пророкъ, равный Иліи по силѣ. Учителей было много, чудотворцевъ мало; іудейскій историкъ Іосифъ упоминаетъ только одного такого знаменитаго чудотворца, Элеазара, изгонявшаго бѣсовъ при помощи волшебнаго корня, который былъ указанъ, по преданію, еще царемъ Соломономъ. Этотъ корень растетъ въ Заіорданѣ, жжетъ, точно пламень, и просто руками взять его нельзя, нельзя даже близко подойти къ нему. Надо полить его женской мочей или менструальной кровью, тогда можно къ нему

приблизиться; потомъ, чтобы извлечь его изъ земли, надо окопать его кругомъ, привязать къ нему собаку и гнать ее; собака побѣжитъ и сейчасъ же окалѣетъ, но за то вытянетъ изъ земли драгоцѣнный корень, и тогда его можно взять безопасно руками. Этотъ-то коренъ Элеазаръ подносилъ къ носу людей, одержимыхъ злыми духами, и извлекалъ бѣсовъ черезъ ноздри. О чудесахъ Элеазара была громкая слава во времена Веспасіана, уже много лѣтъ спустя послѣ казни Іисуса; но во время Іисуса чудотворцевъ знаменитыхъ не было, были только простые колдуны, пытавшіеся лечить больныхъ заклинаніями, составленными по преданію тѣмъ же царемъ Соломономъ. Учителей внимательно слушали; но если бы явился необыкновенный чудотворецъ, то за нимъ стали бы ходить толпы народа.

Но здѣшняя земная жизнь кончается смертью. Тутъ была роковая загадка. Прожилъ жизнь честный труженикъ въ бѣдности и мукахъ, не видавъ счастія; умеръ,—и нѣтъ его; и та-же участь постигаетъ и богатаго нечестивца. Жребій всѣхъ—одинъ. Гдѣ-же божественная справедливость? Гдѣ-же божественная сила? Праведность должна получить награду, а зло должно быть наказано. Между тѣмъ, праведные живутъ сплошь и рядомъ въ страданіяхъ и скорби, мучимые болѣзнями и невзгодами, попираемые и притѣсняемые высокомѣрными насильниками—гдѣ-же тутъ правда? И вотъ укрѣплялась мысль, что смерть—это не конецъ жизни, а только ея временное прекращеніе. Вѣдь не всѣ люди умерли. Великій пророкъ Илія не умеръ—богъ взялъ его живымъ на небо; такъ же былъ взятъ живымъ на небе и праведный допотопный патріархъ Енохъ; нѣкоторые книжники учили, что и Моисей не умеръ, а взятъ на небо. Были въ писаніи легенды, разсказывавшія, что и умершіе люди воскресали: народъ хорошо запомнилъ, какъ Илія воскресилъ сына вдовы въ Сарептѣ, а Елисей—сына одной женщины изъ Сунема. Вѣрилось, что люди, гонимые и умирающіе за правду, не могутъ умереть навѣки; народная мысль не мирилась съ этимъ. И съ величайшимъ увлеченіемъ разсказывали и повторяли сказаніе объ одной матери и семи ея сыновьяхъ, которые были замучены за вѣру свирѣпымъ царемъ Антіохомъ за полтора вѣка до

эпохи Іисуса. Одного разсѣкли на части, съ другого содрали кожу, третьяго жгли на медленномъ огнѣ; но мать мужественно взирала на всѣ эти мученія и говорила: „я не знаю, какъ вы явились въ чревѣ моемъ, не я дала вамъ дыханіе и жизнь, не я стройно составила строеніе ваше; посему творецъ міра, устроившій происхожденіе человѣка и измысливший происхожденіе всѣхъ, вновь дастъ милостиво вамъ дыханіе, жизнь, ибо вы теперь презрѣли самихъ себя за его законы". А сыновья повторяли то-же самое мучителю, и одинъ сказалъ такъ: „лишающемуся жизни чрезъ людей утѣшительно предаться надеждамъ, даннымъ отъ бога, на то что опять онъ воскресаетъ насъ; для тебя же не будетъ воскресенія въ жизнь". Эти разсказы утверждали народъ въ вѣрѣ, что праведные и притѣсненные воскреснутъ и получатъ воздаяніе за гробомъ, а злые и нечестивые насильники не увидятъ воскресенія. Вѣра въ воскресеніе мертвыхъ была распространена не только среди народа. Ее раздѣляли и книжники, и фарисеи; они разсуждали, что если бы мертвымъ не суждено было воскреснуть, то незачѣмъ было бы о нихъ и молиться. Они также ожидали въ той жизни воздаянія за свои труды и старанія по исполненію закона. „Воздаяніе праведникамъ въ будущемъ, послѣ воскресенія мертвыхъ" — говорилъ равви Таффонъ; другіе учили, что знаніе и исполненіе закона даетъ жизнь вѣчную; кто не вѣритъ въ воскресеніе мертвыхъ, тотъ не получитъ доли въ вѣкѣ будущемъ. Раздѣляли народную вѣру въ воскресеніе и нѣкоторые крупные аристократы того времени: Иродъ серьезно считалъ Іисуса за воскресшаго Іоанна Крестителя, котораго онъ приказалъ обезглавить; въ народѣ многіе считали Іисуса также за воскресшаго древняго пророка. Только одни саддукеи смѣялись надъ вѣрою въ воскресеніе. Они отрицали существованіе ангеловъ и бѣсовъ и воздаяніе въ будущемъ мірѣ, имъ жилось хорошо и на этомъ свѣтѣ. Въ евангеліи разсказывается, какъ саддукеи задали Іисусу насмѣшливый вопросъ: было семь братьевъ, умершихъ одинъ за другимъ безъ потомства; жена перваго по праву ужичества становилась по очереди женою каждаго; спрашивается, по воскресеніи мертвыхъ чьей женой должна она быть? Іисусъ будто бы отвѣ-

тилъ на этотъ вопросъ, что по воскресеніи мертвыхъ люди не будутъ ни жениться, ни выходить замужъ, но будутъ какъ ангелы на небесахъ; однако, народная масса смотрѣла на дѣло проще. Мы увидимъ, что жизнь вѣчная представлялась народу той же земной жизнью, только безпечальной, сытой и блаженной.

Когда же произойдетъ воскресеніе мертвыхъ? Тогда когда кончится этотъ вѣкъ, этотъ міръ—былъ простой и естественный отвѣтъ. Въ этомъ вѣкѣ, въ этомъ мірѣ, идетъ постоянная борьба бога и его ангеловъ съ сатаною и его бѣсами. Придетъ время рѣшительнаго боя между небесными и адскими силами, послѣдней борьбы между добромъ и зломъ; это будутъ послѣдніе дни міра. Послѣ окончательной побѣды надъ сатаною установится царство божіе, въ которомъ участниками будутъ праведные сыны Израиля, живые и мертвые: земля отдастъ тѣхъ, кто покоится въ ней, прахъ отпуститъ тѣхъ, кто спитъ въ немъ. Нѣизвѣстный поэтъ влагаетъ въ уста Моисея такую картину грядущей катастрофы, суда и установленія божьяго царства:

И тогда проявится правленіе божье надъ всей тварью его,
Тогда будетъ кончина діаволу,
И съ нимъ скорбь отнимется.

Тогда руки наполнятся ангела*),
Что на вышнемъ мѣстѣ—стоитъ
И отомститъ за народъ онъ врагамъ его,

Ибо небесный царь возстанетъ съ трона своего,
Изыдетъ изъ святой храмины своей
Въ возмущеніи и гнѣвѣ противъ сыновъ своихъ.

Тогда задрожитъ земля, сотрясется до своихъ концовъ,
И горы высокія понизятся и поколеблются,
И долины провалятся.

Не дастъ больше свѣта солнце, превратится въ тьму,
Рога луны сломаются, вся она превратится въ кровь,
И чередъ звѣздъ въ безпорядкѣ закружится.

---

*) Наполнять руку—давать порученіе.

Отхлынетъ море, обнажится бездна,
Изсякнутъ источники водъ,
И рѣки остановятся.
Ибо возстанетъ вышній богъ, единый и вѣчный,
Воочію выступитъ покарать язычниковъ,
Уничтожить всѣ кумиры ихъ.
Тогда блаженъ ты будешь, о Израиль,
Хребетъ и крыло орла ты ногою—попрешь
И дни орла исполнятся!
И возвыситъ богъ тебя,
И вознесетъ на небо звѣздное,
На мѣсто своего пребыванія.
И тогда изъ выси воззришь ты на враговъ своихъ на землѣ,
И они узнаютъ тебя и возрадуются,
И возблагодарятъ тебя передъ твоимъ создателемъ!

Вернутся тогда блаженныя времена царя Давида, царствованіе котораго казалось сказочнымъ временемъ всеобщаго благополучія, славы и правды. И народъ трепеталъ, когда въ синагогѣ читалось знаменитое изреченіе Исаіи о грядущемъ царствѣ Помазанника (Мессіи) Іагве: «тогда пробьется отпрыскъ изъ древа Іессея, и вырастетъ ростокъ изъ его корня, на него снизойдетъ духъ Іагве, духъ мудрости и разума, духъ совѣта и мужества, духъ страха и богопознанія. Онъ будетъ дышать страхомъ Іагве; онъ будетъ судить не по взору очей своихъ, и будетъ рѣшать не по слуху ушей своихъ; онъ будетъ судить правосудно малыхъ, и дѣла несчастныхъ въ странѣ будетъ рѣшать по справедливости; но преступника онъ будетъ поражать жезломъ устъ своихъ и дыханіемъ губъ своихъ, и грѣшника будетъ убивать онъ. Праведность будетъ опоясаніемъ чреслъ его, и вѣрность будетъ опоясаніемъ бедръ его. Тогда волкъ будетъ жить вмѣстѣ съ ягненкомъ, и барсъ будетъ лежать около козленка, теленокъ и львенокъ будутъ ѣсть вмѣстѣ, и маленькій мальчикъ будетъ пасти ихъ, Тогда будутъ рядомъ пастись корова и медвѣдица, рядомъ будутъ лежать дѣтеныши ихъ, и левъ будетъ ѣсть солому, какъ волъ; грудной младенецъ будетъ гладить усики ехидны, и отнятый отъ груди протянетъ руку къ глазамъ василиска; и не будетъ ни преступленій, ни

несправедливостей на всей святой горѣ моей». Исаія писалъ эти строки въ такое же тревожное время, какъ и во времена Іисуса. И тогда внутри были тяжелыя смуты и свары, неправда въ судахъ, притѣсненія крестьянъ богатыми помѣщиками, военныя опасности; только-что сѣверное царство Ефрема погибло подъ ударами Ассиріи, и Іуда съ трепетомъ ждалъ своей очереди. Теперь такъ-же тяжело жилось простому человѣку, а иго иноплеменниковъ давало себя чувствовать на каждомъ шагу. И потому слово Исаіи пріобрѣтало особую силу. Въ него вчитывались и вдумывались и книжники и вдумчивые люди изъ народа; и тѣ и другіе сошлись на вѣрѣ, что грядущій судъ и грядущее царство принадлежатъ Мессіи, царю изъ рода Давидова.

Каковъ же будетъ этотъ Мессія? Просто-ли человѣческій царь, который будетъ орудіемъ въ рукахъ божества, исполнителемъ его воли? Что Мессія явится, какъ человѣкъ, въ этомъ никто не сомнѣвался: это будетъ «сынъ человѣческій», т. е. изъ рода человѣческаго. Онъ будетъ помазанникомъ, какъ прежніе цари и пророки, на которыхъ чрезъ помазаніе священнымъ масломъ Іагве изливалъ особые свои дары: проникать въ волю божества, открывать ее людямъ, судить ихъ, совершать чудеса. Но такъ какъ Мессія долженъ былъ явиться въ послѣдніе дни міра, въ дни его катастрофы, и создать на развалинахъ стараго испорченнаго міра новый совершенный міръ, то понемногу стали представлять себѣ Мессію особымъ существомъ, настоящимъ сыномъ божіимъ, полубогомъ. Въ особенности любили разсуждать о божественной природѣ будущаго Мессіи книжники. Въ одномъ откровеніи, которое приписывалось преданіемъ книжнику Езрѣ, изображается, какъ во время кончины міра Мессія выходитъ изъ моря; а богъ толкуетъ это видѣніе Езрѣ такъ: „какъ никто не можетъ изслѣдовать и узнать, что есть въ глубинахъ моря, такъ никто изъ обитателей земли не можетъ видѣть сына моего и тѣхъ, кто въ свитѣ его, до часа того дня“. Мессія—„тотъ, кого всевышній приберегалъ долгіе вѣка, чрезъ котораго онъ хочетъ искупить твореніе; онъ и есть тотъ, кто создастъ новый порядокъ среди оставшихся“.

Народъ охотно слушалъ эти разсужденія о сверхъестественной природѣ будущаго Мессіи, „сына человѣческаго“, но „сокрытаго у бога раньше творенія міра“. Мессія будетъ обладать божественной, чудесной силой, это будетъ полубогъ; но пришествіе и судъ его народъ представлялъ по своему, не такъ, какъ учили книжники. Книжники думали, что Мессія долженъ искупить міръ отъ грѣха; народъ ожидалъ, что Мессія покараетъ всѣхъ угнетателей и возвеличитъ угнетенныхъ, и сдѣлаетъ это самыми простыми, земными способами, только съ божественной помощью и съ чудесною силою. Сначала будутъ признаки, знаменія, по которымъ можно будетъ узнать о приближеніи пришествія Мессіи. Явится Илія, какъ обѣщалъ Іагве устами пророка Малахіи: „поистинѣ, пошлю я вамъ пророка Илію передъ пришествіемъ дня Іагве великаго и страшнаго“. Въ это время жить съ каждымъ днемъ, будетъ все труднѣе и опаснѣе. „Тогда будетъ среди обитателей земли великое возмущеніе духомъ, и будутъ они замышлять войны другъ противъ друга, городъ противъ города, область противъ области, народъ противъ народа, царство противъ царства. Тогда, когда сіе произойдетъ, и придутъ знаменія, которыя я предрекъ тебѣ, тогда явится мой сынъ. И когда всѣ народы услышатъ его голосъ, оставятъ они всѣ свои земли и взаимныя войны; и соберется безчисленное войско въ одномъ мѣстѣ, и они придутъ туда, и нападутъ на него. А онъ самъ вступитъ на вершину горы Сіона; Сіонъ явится и всѣмъ откроется, великолѣпно отстроенный... А онъ, мой сынъ покараетъ за грѣхи тѣ народы, которые выступятъ противъ него —и сіе будетъ подобно бурѣ; онъ припомнитъ имъ ихъ злые помыслы и представитъ имъ ихъ будущія мученія—и сіе будетъ подобно огню; и затѣмъ неустанно будетъ онъ уничтожать ихъ повелѣніемъ своимъ“. Такъ погибнутъ всѣ народы, цари и владыки, притѣсняющіе теперь сыновъ Израиля, и прежде всѣхъ ненавистный Римъ: дни орла исполнятся. Погибнутъ и всѣ грѣшники—лучше имъ было бы никогда и не родиться. „Изъ нихъ тѣ, кто владѣетъ землею, не будутъ болѣе могущественными и высоко стоящими, и не смогутъ зрѣть лика праведныхъ. Цари и владыки будутъ въ тѣ вре-

мена уничтожены и переданы въ руки святыхъ и праведныхъ... жизни ихъ придетъ конецъ".

Больше всего и ярче всего горѣла мечта о близкомъ пришествіи Мессіи въ средѣ вольнаго и бѣглаго люда, скрывавшагося на сѣверѣ Галилеи, въ дикихъ окрестностяхъ Меромскаго озера. Туда стекались всѣ тѣ, кто не могъ ужиться подъ игомъ законниковъ и римлянъ и хотѣлъ борьбою свергнуть это иго. Тамъ было много „зелотовъ", т. е. ревнителей, рѣшительныхъ и смѣлыхъ борцовъ за правду закона; было много и простой вольницы, бѣглыхъ рабовъ, арендаторовъ, преступниковъ, скрывавшихся отъ суда и казни. Изъ вольницы Меромскаго озера составлялись шайки разбойниковъ, дѣлавшіе набѣги на города, гдѣ они грабили и громили дома богатыхъ и римлянъ. Ожиданія Мессіи были широко распространены и среди этой вольницы. Оставалось только появиться вождю, который назвалъ бы себя „царемъ іудейскимъ„—и за нимъ готовъ былъ пойти весь Меромъ, а затѣмъ и вся Галилея. И въ теченіе перваго вѣка нашей эры такіе цари іудейскіе появляются нѣсколько разъ, поднимая каждый разъ возстаніе; первое возстаніе въ 6 г. поднялъ Іуда Гавлонитоникъ, первый „царь іудейскій", послѣднее возстаніе въ 66—70 г. г. разгорѣлось въ настоящую революцію противъ правящихъ іудейскихъ верховъ и римскаго владычества и лишь съ большимъ трудомъ было подавлено римскими войсками. Кромѣ „царей іудейскихъ", появлялось немало пророковъ, призывавшихъ къ покаянію. Они говорили, что въ ожиданіи пришествія Мессіи надо очиститься и душою, и тѣломъ: покаяться въ грѣхахъ своихъ и омыться въ водахъ Іордана. Такимъ пророкомъ былъ Іоаннъ Креститель, отшельникъ, жившій въ іудейской пустынѣ. И къ этимъ проповѣдникамъ ходили толпы народа, слушали ихъ рѣчи, крестились у нихъ, брали на себя обѣтъ поста и воздержанія.

Что же говорили народные проповѣдники. Учили они новой вѣрѣ или чему другому? О новой вѣрѣ не было и рѣчи въ ихъ проповѣди; напротивъ, зелоты даже хвалились ревностнымъ исполненіемъ закона. Но вся мысль, все стремленіе народныхъ проповѣдниковъ и вождей были направлены на обличеніе неправды, властвующихъ, на предстоящій судъ и

воздаяніе всѣмъ по дѣламъ ихъ. Рѣчи ихъ передавались изъ устъ въ уста, записывались, и писатели изъ народа сохранили отрывки изъ нихъ въ откровеніяхъ, книгахъ о послѣднихъ временахъ міра, которыхъ много появилось въ I вѣкѣ нашей эры. Жестоко бичевали народные проповѣдники власть имущихъ. „Подошли времена къ концу... Надъ людьми господствуютъ люди безбожные и порочные, а сами учатъ, что праведны! Люди они вѣроломные, лишь на радость себѣ живутъ, во всѣхъ дѣлахъ притворщики, во всякій часъ дня бражничаютъ, и набиваютъ глотку... Пожираютъ они добро бѣдныхъ и утверждаютъ, что дѣлаютъ такъ изъ жалости... Гонители, ищущіе свары, вѣроломные, но прячущіеся, чтобы узнать нельзя было ихъ, безбожники, исполненные преступленій и неправды, говорятъ они съ утра до ночи: мы хотимъ удовольствій и пышности, сладко ѣсть и пить, точно мы князья. Руки ихъ и сердца творятъ нечистое, уста ихъ хвастаются, и говорятъ притомъ они: не касайся меня, ты осквернишь меня". Всѣмъ этимъ лицемѣрамъ—богачамъ, саддукеямъ, самодовольнымъ книжникамъ и фарисеямъ предвѣщали проповѣдники горе въ день суда. „Горе тѣмъ, кто утверждаетъ неправду и насиліе, и обманъ дѣлаетъ главою угла, ибо внезапно будутъ истреблены они, и не будетъ имъ мира. Горе вамъ, могущественные, насиліемъ поражающіе праведнаго, ибо придетъ день вашей гибели: во время то, когда придетъ надъ вами судъ, будетъ для праведныхъ много счастливыхъ дней. Горе вамъ богатые, ибо на богатство ваше надѣялись вы, и отъ сокровищъ вашихъ будете извержены: ибо въ дни богатства вашего не думали о всевышнемъ вы, неправду творили и нечестіе, и заслужили день пролитія крови вашей, тьмы и великаго суда! Горе вамъ, пріобрѣтающимъ серебро и золото неправдою, говорящимъ притомъ: мы стали богаты весьма, имѣемъ сокровища и владѣемъ всѣмъ, чѣмъ хотимъ; нынѣ исполнимъ мы все, о чемъ помышляли мы, ибо собрали мы серебро, и наши закрома наполнены, какъ рѣка полной водой, и какъ полная вода, многочисленны люди въ домахъ нашихъ:—какъ вода, разольется ваша ложь, ибо богатство ваше не останется у васъ, но внезапно отнимется у васъ, ибо всѣ вы стяжали неправедно, и будете пре-

даны великому осужденію! Горе вамъ, дѣлающимъ неправильные вѣсы, и соблазняющимъ другихъ, ибо чрезъ сіе будетъ вамъ конецъ! Горе вамъ, строющимъ дома трудомъ другихъ—ибо строите вы изъ камня и кирпича грѣха, и оторваны будете отъ основанія домовъ вашихъ и отъ меча падете вы! Горе вамъ, поѣдающимъ пшеницу отборную, пьющимъ силу лучшаго источника, и попирающимъ униженныхъ своею силою, ибо внезапно воздастся вамъ: вы зачахнете и изсохнете, ибо источникъ жизни оставили вы! Навѣшивайте на себя, мужи, больше украшеній, чѣмъ женщина, и больше бездѣлушекъ, чѣмъ дѣвица — вотще царское достоинство, величіе и мощь повелителя, серебро, пурпуръ и золото, питія и яства: какъ вода, будете вылиты вы, со всѣми вашими сокровищами, со всею вашей славой и честью погибнете вы, и со срамомъ, подъ смертельными ударами, въ нищетѣ будете брошены въ печь огненную! Сіе говорю я и возвѣщаю вамъ: создатель вашъ до послѣдняго истребитъ васъ; никто не сжалится о вашемъ крушеніи, а создатель возрадуется вашей гибели". Наиболѣе рѣшительные вожди народа изображали судъ и гибель враговъ народа въ видѣ ихъ повальнаго кроваваго истребленія. „И еще, клянусь вамъ, грѣшникамъ, что принесутъ вамъ грѣхи день непрекращающагося кровопролитія. Будете молиться вы камнямъ, другіе сдѣлаютъ кумиры изъ золота, серебра, дерева и глины; третьи, по неразумію будутъ молиться нечистымъ духамъ, демонамъ и всяческимъ кумирамъ, но не получатъ отъ нихъ никакой помощи. Въ тѣ дни отцы съ сыновьями будутъ убиты въ одномъ мѣстѣ, и братья будутъ убиты одинъ подлѣ другого, такъ что кровь ихъ потечетъ потокомъ. Отъ утреннихъ сумерекъ до захода солнца будутъ убивать другъ друга. Конь по грудь будетъ ступать въ крови грѣшниковъ, и колесница погрузится въ кровь до верхушки". Но истребленіемъ не кончится казнь грѣшниковъ. Въ то время, какъ всѣ праведные и гонимые воскреснутъ для вѣчной жизни, перебитые насильники и гонители будутъ преданы второй смерти: вѣчному огню въ геенѣ, уготованному для злыхъ духовъ и грѣшниковъ. „Увидѣлъ я нѣчто страшное"—разсказывалъ одинъ проповѣдникъ—„былъ тамъ великій огонь, который

бушевалъ и ярко пылалъ; и мѣсто сіе имѣло провалъ до бездны, все полно великими низвергающимися огненными столпами; пространство и ширину его не могъ я ни окинуть окомъ, ни изслѣдовать... Тогда сказалъ мнѣ Уріилъ: мѣсто сіе—темница злыхъ ангеловъ, и тамъ будутъ они заключены на вѣки вѣковъ; тамъ будетъ и плачъ и скрежетъ зубовный".

Подобныя проповѣди горячили воображеніе, воодушевляли на борьбу; еще ярче и заманчивѣе были картины блаженства праведниковъ. „Я клянусь вамъ, праведные"—говорили проповѣдники: „славою того, кто великъ и славенъ и крѣпокъ силою, и его величіемъ клянусь я вамъ: я знаю тайну сію, я читалъ сіе на небесныхъ скрижаляхъ и видѣлъ книгу святыхъ. Я читалъ въ ней и нашелъ въ ней записаннымъ о нихъ, что всяческое добро, радость и честь уготованы для душъ умершихъ въ праведности, что дано будетъ вамъ много добра въ награду за труды ваши, и что жребій вашъ будетъ лучше, чѣмъ жребій живыхъ. Не погибнутъ души ваши, ваши души будутъ жить, радоваться и веселиться". И какъ мученія грѣшниковъ будутъ физическія, такъ и блаженство праведныхъ будетъ матеріальное. Проповѣдники говорили, что царство божіе будетъ здѣсь, на землѣ, только земля перемѣнится, станетъ чудесно плодородною. ,,Всякому злому дѣлу придетъ конецъ, и появятся деревья правды и истины, и благословеннымъ будетъ всякій трудъ. Тогда будутъ жить всѣ праведные, пока не народятъ по тысячѣ дѣтей, и всѣ дни ихъ юности и старости въ мирѣ проживутъ они. Въ дни тѣ облечется вся земля правдою, вся обсажена будетъ деревьями и полна будетъ благословенныхъ даровъ. Всякія деревья зрачныя произрастутъ на ней; будутъ посажены на ней виноградники, и дадутъ они безъ конца вина; сѣмя всякое, на землѣ посѣянное, принесетъ урожай въ тысячу кратъ, одна мѣра оливъ десять мѣръ масла дастъ... Кто былъ голоденъ, досыта упитается; каждый день чудеса узрятъ праведные. Будутъ вѣтры дуть, богомъ посланные, по утрамъ навѣвать ароматовъ духъ, по вечерней зарѣ нагонять облака живоносной росы. И во время то съ небесъ манна спадетъ; и вкушать ее будутъ праведные, ибо дожили до конца временъ". Первымъ среди народовъ будетъ Израиль, и его царю, Мессіи, поклонятся всѣ народы земли,

принесутъ дары и знаки подданства. Слушая такія проповѣди, народная масса проникалась страстною тоскою, страстнымъ стремленіемъ къ этому будущему блаженному царству и горячо молилась о его скорѣйшемъ наступленіи: „Да возвысится и святится имя божіе въ мірѣ, который онъ создалъ по своей волѣ! Да воздвигнетъ онъ свое царство, и да произрастетъ избавленіе его, и да приблизится его Мессія, и да избавитъ онъ народъ въ дни жизни вашей и въ дни жизни всего дома Израилева, быстро и вскорѣ".

Въ такой разгоряченной атмосферѣ ожиданій, мечтаній, покаянія, борьбы, жажды кровавой мести и войны всѣхъ противъ всѣхъ—жили Іудея и Галилея въ эпоху Іисуса. Въ особенности, всѣ черты описаннаго кризиса остро чувствовались и переживались въ Галилѣе. Теперь, зная обстановку и настроенія той среды, въ которой жилъ и дѣйствовалъ Іисусъ, мы можемъ попытаться понять его дѣятельность и значеніе. Каждый религіозный и соціальный проповѣдникъ, какъ бы ни былъ онъ талантливъ и ярокъ самъ по себѣ, можетъ говорить и думать только о тѣхъ вопросахъ, которые поставлены жизнью его времени, и разрѣшать ихъ онъ можетъ также только однимъ изъ тѣхъ способовъ, какіе указываются его современниками, и притомъ сообразно съ желаніями и настроеніями той общественной группы, къ какой онъ принадлежитъ. Соціальное положеніе Іисуса намъ извѣстно; мы опредѣлили теперь чаянія и ожиданія галилейской бѣдноты; остается только найти въ евангеліяхъ отвѣты Іисуса на роковые вопросы жизни.

IV. Проповѣдь Іисуса.

Около 30-го года нашей эры въ Галилеѣ пошла молва о необыкновенномъ „святомъ божіи", Іисусѣ. Встрѣчавшіе его, видѣвшіе и слышавшіе „чрезвычайно дивились и говорили: все хорошо дѣлаетъ—и глухихъ дѣлаетъ слышащими, и нѣмыхъ—говорящими". Разсказывали, что онъ очищаетъ прокаженныхъ и изгоняетъ изъ людей злыхъ духовъ, даже воскрешаетъ мертвыхъ; постоянными спутницами его были „нѣкоторыя женщины, которыхъ онъ исцѣлилъ отъ злыхъ

духовъ и болѣзней: Марія, называемая Магдалиною, изъ которой вышло семь духовъ, Іоанна, жена Хузы, домоправителя Иродова, и Сусанна, и многія другія, помогавшія ему своимъ имѣніемъ". Съ ними и съ учениками, по большей части изъ рыбодововъ, Іисусъ ходилъ въ окрестностяхъ Капернаума, заходилъ и въ самый Капернаумъ, вездѣ проповѣдывалъ и училъ и велъ постоянные споры съ книжниками и фарисеями. Когда люди, первый разъ его видѣвшіе и слышавшіе, спрашивали, кто онъ такой, то получали въ отвѣтъ, что онъ—плотникъ изъ Назарета, сынъ плотника же Іосифа и Маріи.

„Святой божій"— называли его толпившіеся вокругъ него люди, жаждавшіе чудесъ и добраго слова о лучшемъ будущемъ. Святой божій—значитъ человѣкъ, въ которомъ живетъ духъ божій: есть духи—нечистые, которые вселяются въ человѣка, чтобы мучить его и погубить; есть духи божіи —ихъ богъ поселяетъ въ своихъ избранникахъ, святыхъ, чтобы помогать людямъ бороться съ болѣзнями и злыми духами. Такими „божьими людьми", въ которыхъ говорилъ и дѣйствовалъ „божій духъ", считались въ старину пророки. Первые пророки составляли цѣлыя товарищества такихъ „одержимыхъ духомъ" людей: съ воспаленными глазами, восторженными пѣснями, неистовыми плясками, бичуя и терзая себя, ходили такіе пророки во времена царя Саула по всему Израилю. Другіе пророки, жившіе позже—Илія, Осія, Амосъ, Исаія, Іеремія,—также считали себя орудіями духа божія. Въ моменты религіознаго восторга имъ казалось, что имъ является самъ богъ Іагве, со свитою изъ огненныхъ духовъ въ образѣ змѣй, *сарафовъ* (наши серафимы), и внушаетъ имъ, что они должны говорить, такъ что пророкъ послѣ видѣнія говоритъ уже не то, что хочетъ, а что велитъ духъ божій. Вообще, какъ всякій народъ, такъ и народъ іудейскій не могъ себѣ представлять святого и пророка иначе, какъ одержимыхъ духомъ. Такъ было и по отношенію къ Іисусу. Во всемъ образѣ жизни и поведеніи Іисуса было что-то такое, что заставляло окружающихъ думать, будто онъ одержимъ духомъ. Повидимому, это была какая-то экзальтація, восторженность и полное равнодушіе къ практической жизни, ея нуждамъ и заботамъ. "Лисицы и звѣри имѣютъ норы, а сынъ человѣческій

не имѣетъ, гдѣ преклонить голову". Іисусъ самъ не заботился ни о пищѣ, ни объ одеждѣ и то-же совѣтовалъ и своимъ послѣдователямъ.,, Не заботьтесь для души вашей, что вамъ ѣсть, ни для тѣла, во что одѣться; посмотрите на вороновъ —они не сѣютъ, не жнутъ, нѣтъ у нихъ ни ларей, ни житницъ, а богъ питаетъ ихъ: насколько же вы лучше птицъ"? Родные, считая его одержимымъ, ходили за нимъ и старались увести его домой, но онъ отказывался идти съ ними и съ негодованіемъ отрицалъ обвиненіе, будто бы въ немъ сидитъ нечистый духъ и будто бы онъ изгоняетъ бѣсовъ самого Веельзевула. Да—соглашался Іисусъ—въ немъ обитаетъ духъ, и онъ самъ чувствуетъ, какъ во время исцѣленій изъ него выходитъ сила; но это—духъ божій, и кто говоритъ, что въ немъ нечистый духъ, тотъ изрыгаетъ хулу на святого духа, а этотъ грѣхъ не простится ни въ семъ вѣкѣ, ни въ будущемъ. Іисусъ говорилъ, что сатана не можетъ изгонять сатану—это значило бы, что сатана возсталъ на себя самого; но если какое либо царство раздѣлится само въ себѣ, такое царство устоять не можетъ. Изгонять бѣсовъ, вѣчныхъ противниковъ бога и слова божія,—говорилъ Іисусъ,—можно только вѣрою, молитвою и постомъ. Кто вѣритъ, молится и постится, тотъ становится чистымъ и праведнымъ, и такимъ богъ даетъ власть противъ всякой силы вражіей; такой человѣкъ будетъ изгонять бѣсовъ и исцѣлять болѣзни. И, убѣжденный, что въ немъ обитаетъ такая сила божія, такой святой духъ, Іисусъ старался исцѣлять больныхъ. Онъ прибѣгалъ при этомъ къ тѣмъ же самымъ пріемамъ, какіе употребляли другіе народные цѣлители, врачевавшіе болѣзни заговорами и молитвами. Нужно было, чтобы сила, обитавшая въ Іисусѣ, перешла на больного; поэтому Іисусъ вкладывалъ въ уши глухихъ пальцы, слѣпымъ мазалъ своею слюною глаза, на больныхъ возлагалъ руки и при этомъ громкимъ и повелительнымъ голосомъ выражалъ свое требованіе: языку, ушамъ и глазамъ говорилъ: ,,отверзись", бѣсноватымъ говорилъ, чтобы злой духъ оставилъ больного. Кто не рѣшался попросить Іисуса объ исцѣленіи, тѣ старались дотронуться до него, чтобы, такъ сказать, украсть у него чудесную силу. Много разсказовъ такого рода читаемъ мы въ евангеліяхъ и видимъ, что Іисусъ

всецѣло раздѣлялъ вѣрованія своего народа въ добрыхъ и злыхъ духовъ, въ постоянную борьбу между людьми и злыми духами, и между добрыми и злыми духами.

Чудеса—это первое, что распространило славу объ Іисусѣ. Другое—это проповѣдь Іисуса. Онъ не говорилъ длинныхъ проповѣдей, какія приписываетъ ему первое евангеліе; онъ училъ въ отвѣтъ на вопросы, задававшіеся ему и его послѣдователями, и его врагами. Такой способъ проповѣдей былъ тогда обычнымъ: всѣ знаменитые раввины излагали свое ученіе въ видѣ отвѣтовъ на вопросы; изъ такихъ отвѣтовъ состоитъ вся Мишна, и такую же форму имѣетъ вся проповѣдь Іисуса, какъ она изложена въ евангеліи отъ Марка. Книжники и фарисеи задаютъ ему разные ядовитые вопросы: почему его ученики не соблюдаютъ постовъ, почему они ѣдятъ, не умывшись, какою властью дѣлаетъ Іисусъ свои чудеса, откуда было крещеніе Іоанново, отъ бога или отъ діавола, нужно ли платить дань кесарю и т. д. Ученики спрашиваютъ его больше всего о томъ, что будетъ въ царствіи божіемъ, когда и какъ оно придетъ, какъ надо къ нему готовиться. На все Іисусъ даетъ отвѣты въ формѣ краткихъ образныхъ изреченій и сравненій или притчъ; онъ говоритъ задушевно и просто, сразу умѣетъ заглянуть человѣку въ сердце, отвѣтить на наболѣвшее горе, умѣетъ на хитрыя западни книжниковъ отвѣтить своимъ нападеніемъ, съ большою находчивостью и остроуміемъ. Онъ не терялся въ спорѣ съ этими учеными людьми. Они хотѣли поразить его своими книжными познаніями, начитанностью въ писаніи, опытностью въ спорахъ; Іисусъ отвѣчалъ имъ доводами здраваго смысла и твердой вѣры въ свое призваніе. Поэтому, хотя онъ и не былъ профессіональнымъ учителемъ, ученики и даже нѣкоторые посторонніе звали его „равви“—„учитель“—почетнымъ именемъ, которымъ звались официальные учителя изъ школъ книжниковъ.

Что же проповѣдывалъ Іисусъ? „Пришелъ Іисусъ въ Галилею, объявляя добрую вѣсть о царствѣ божіемъ и говоря, что исполнился срокъ, и приблизилось царство божіе: покайтеся!“ (Маркъ, 1, 14 — 15). Вчитываясь въ евангелія синоптиковъ, мы увидимъ, что таково, дѣйствительно, было

главное содержаніе проповѣди Іисуса. Царство божіе близко, у порога; надо приготовиться къ нему и ждать его пришествія; кто будетъ достоинъ, тотъ будетъ участникомъ царства, кто будетъ недостоинъ, тотъ будетъ ввержень въ геенну огненную. О скорѣйшемъ пришествіи царства надо молиться; надо жить достойно исполнять заповѣди, чтобы не лишиться участія въ царствѣ. Молиться надо такъ: „Отче, да святится твое имя, да пріидетъ твое царство, хлѣбъ нашъ дай намъ на каждый день, и отпусти намъ наши грѣхи, ибо и мы отпускаемъ всякому, кто намъ долженъ, и не введи насъ во искушеніе, но избавь насъ отъ нечистаго (духа)". Тутъ четыре просьбы: о пришествіи царства, о насущномъ хлѣбѣ, о прощеніи грѣховъ, объ избавленіи отъ бѣсовъ. Кто будетъ имѣть насущный хлѣбъ, тотъ доживетъ до царства; а кому простятся грѣхи и кого не введетъ въ искушеніе нечистый, тотъ будетъ участникомъ царства. Все было просто и понятно народной массѣ, толпившейся вокругъ Іисуса. Желанно царство божіе; но развѣ доживутъ до него голодные, развѣ голодъ— не лучшій союзникъ нечистаго, вводящаго въ искушеніе?

Исполнился срокъ, приблизилось царство небесное—говорилъ Іисусъ. Но какъ-будто нѣтъ никакихъ его признаковъ—возражали ему. На это Іисусъ отвѣчалъ притчею: царство божіе подобно тому, какъ если человѣкъ броситъ сѣмя въ землю, и спитъ, и встаетъ ночью и днемъ, и какъ сѣмя всходитъ и растетъ, не знаетъ онъ. Сейчасъ царство божіе —какъ зерно горчичное, самое малое изъ всѣхъ сѣмянъ, посѣянное въ землю; незамѣтно и подъ спудомъ созрѣваетъ оно, но когда созрѣетъ и взойдетъ, то становится больше всѣхъ злаковъ, такъ что подъ тѣнью его могутъ укрываться и птицы небесныя. И слушатели вѣрили Іисусу. Они вѣрили, что духъ сказалъ ему, и открылъ ему божественную тайну тамъ, на небѣ, уже все приготовлено, царство созрѣло, и вдругъ появится оно, какъ ростокъ изъ подъ земли, раньше невидимый.

„Покайтеся" — призывалъ Іисусъ всѣхъ въ предверіи царства. То же самое говорилъ и Іоаннъ-Креститель, который погружалъ каявшихся въ воду Іордана, какъ бы смывая съ нихъ грѣхи. Кто не покается, тотъ не войдетъ въ царство.

Но мало покаяться; надо впредь жить по заповѣдямъ, слѣдовать божіему слову. Въ царство божіе войдутъ только тѣ, кто слушаетъ и исполняетъ слово божіе, которое проповѣдуетъ Іисусъ. Онъ—какъ сѣятель; слово—какъ сѣмя. Иное сѣмя падаетъ при дорогѣ—прилетаютъ птицы и клюютъ его; иное сѣмя падаетъ на каменистое мѣсто, гдѣ немного земли, скоро всходитъ, потому что земля тутъ не глубока, но скоро и вянетъ подъ лучами солнца; иное сѣмя падаетъ въ терновникъ, который своимъ ростомъ заглушаетъ сѣмя и не даетъ ему принести плодъ; и только то сѣмя приноситъ добрый плодъ въ тридцать, и въ шестьдесятъ и въ сто кратъ, которое падаетъ на хорошую землю. Такъ и слово, обращенное къ людямъ: одни слышатъ его, но сейчасъ же приходитъ къ нимъ сатана и похищаетъ слово, другіе съ радостью слушаютъ, но непостоянны и скоро забываютъ или соблазняются, третьи слушаютъ слово, но обольщены и связаны богатствомъ и страстями, заглушающими въ нихъ слово; и только тѣ, кто слушаетъ всею душою, принимаютъ слово, приносятъ и плодъ сторицею. Ихъ и будетъ царство божіе.

Въ чемъ же состоитъ слово, которое надо соблюдать? Въ заповѣдяхъ закона, въ преданіяхъ и толкованіяхъ книжниковъ, или въ какомъ-нибудь новомъ законѣ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ можно дать только предположительный. Какъ было уже сказано, въ евангеліяхъ подлинныя изреченія Іисуса крайне перепутаны съ изреченіями его послѣдователей, измѣнены и искажены; въ особенности трудно установить, какъ относился Іисусъ къ соблюденію закона. Безусловно, онъ считалъ необходимымъ соблюдать законъ; иначе впослѣдствіи его ближайшіе ученики не стали бы такъ упорно спорить съ Павломъ о необходимости соблюдать законъ и для язычниковъ. Трудно себѣ представить обратное: какъ ни клеймилъ Іисусъ показное лицемѣрное благочестіе книжниковъ и фарисеевъ, все же онъ, какъ сынъ своего народа, съ молокомъ матери впиталъ въ себя и уваженіе къ основнымъ требованіямъ закона. И когда его спрашивали, какъ получить жизнь вѣчную, онъ отвѣчалъ: „знаешь заповѣди: не прелюбодѣйствуй, не убивай. не кради, не лжесвидѣтельствуй, не удерживай у себя причитающагося другому, почитай отца своего и мать“. Тутъ Іисусъ своими

словами изложилъ, какъ помнилъ и какъ понималъ, общеизвѣстныя десять заповѣдей кн. Исходъ. На другой вопросъ, заданный книжникомъ, который хотѣлъ испытать Іисуса, о томъ, какая главная заповѣдь въ законѣ, Іисусъ отвѣтилъ буквальными цитатами изъ закона, которыя онъ постоянно слышалъ въ синагогѣ: „Первая изъ всѣхъ заповѣдей: слушай, Израиль! Господь—богъ твой, господь—одинъ. И люби господа бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, всею душой твоею, и всею силою твоею—вотъ первая заповѣдь. А вторая подобная ей: возлюби ближняго твоего, какъ самого себя. Другой, большей этихъ, заповѣди нѣтъ". Правда, и официальные раввины признавали эти заповѣди; но многіе изъ нихъ напирали больше всего на исполненіе обрядовыхъ предписаній о соблюденіи субботняго отдыха, постовъ, установленныхъ жертвъ. Іисусъ также говорилъ: „если не поститесь, не обрящете царствія божія, и если не празднуете субботу, не узрите отца"; но онъ не относился къ соблюденію обрядовыхъ заповѣдей такъ же строго, какъ къ соблюденію нравственныхъ заповѣдей. „Не человѣкъ для субботы, но суббота для человѣка"—отвѣчалъ онъ на упреки книжниковъ, когда тѣ замѣчали, что его ученики не соблюдаютъ всѣхъ правилъ о субботнемъ отдыхѣ. Впослѣдствіи вспоминали другое изреченіе Іисуса, относящееся къ субботѣ, но не вошедшее въ синоптическія евангелія: „въ тотъ же день увидалъ Іисусъ нѣкоего работающаго въ субботу, и сказалъ ему: человѣкъ, если ты знаешь, что дѣлаешь, то блаженъ ты; но если не знаешь, то проклятъ ты и преступникъ закона". Этими словами Іисусъ хотѣлъ сказать, что сознательное, по необходимости, нарушеніе субботы не только не вмѣняется въ грѣхъ, но и одобряется. Такой же взглядъ высказывалъ Іисусъ и по отношенію къ постамъ. Посты нужно соблюдать; но кто по нуждѣ нарушаетъ постъ, не грѣшитъ, если соблюдаетъ любовь и милость и воздерживается отъ грѣха. Человѣка оскверняетъ не пища, но то, что исходитъ изъ злыхъ помысловъ его сердца, грѣхи и пороки: прелюбодѣянія, любодѣянія, убійства, кражи, лихоимство, злоба, коварство, непотребство, зависть, богохульство, гордость, безуміе. Всѣ эти пороки были отличительной чертой іерусалимской аристократіи

того времени. Лѣтопись двора Ирода и первосвященника полна скандальныхъ исторій: заговоровъ, убійствъ, разнузданнаго разврата, кутежей, грабительства; скандальные разсказы ходили изъ устъ въ уста и возмущали народную совѣсть. Столь же общеизвѣстно было и вошло въ поговорку ханжество многихъ книжниковъ и фарисеевъ. Противъ ихъ показной набожности Іисусъ рѣзко возставалъ. „Остерегайтесь книжниковъ, любящихъ ходить въ длинныхъ одеждахъ и привѣтствія на площадяхъ, сидѣть впереди въ синагогахъ и возлежать на первомъ мѣстѣ на пирахъ: сіи поѣдающіе домы вдовъ и напоказъ долго молящіеся получатъ тягчайшее осужденіе“,—говорилъ онъ. Горе имъ—ибо они тщательно моютъ руки, чашки и блюда, но сердце ихъ исполнено хищничества и лукавства, даютъ десятину съ аниса, мяты и тмина, и всякихъ овощей, но забыли судъ, милость и правду; надо соблюдать законъ, но прежде всего блюсти праведность и внутреннюю чистоту. Естественно, что Іисусъ въ своихъ проповѣдяхъ и притчахъ больше всего говорилъ о милосердіи и любви. Надо полагать, что несомнѣнно ему принадлежатъ такія изреченія: „будьте милостивы, какъ отецъ вашъ небесный“, „любите враговъ вашихъ“, „не судите, да не судимы будете“, „просящему у тебя дай“ и т. д. Проповѣдь Іисуса не была проповѣдью гнѣва и мщенія, но проповѣдью покаянія и милосердія. Другіе проповѣдники призывали народъ немедленно выступить противъ господствующихъ классовъ, обѣщая, что сейчасъ же на помощь возставшему народу явятся силы ангельскія; Іисусъ призывалъ только приготовиться къ пришествію царства, чтобы сумѣть дать отвѣтъ на страшномъ судѣ. Его ученіе было просто, доступно; онъ выбиралъ изъ закона и изъ житейской нравственности все то, что было близко сердцу трудящагося человѣка, какъ бы просѣивалъ сквозь сито всю ту пеструю кучу разныхъ предписаній и толкованій, которыя нагромождены были книжниками, и всю шелуху и соръ отметалъ, а здоровое, сильное зерно оставлялъ.

Но въ ученіи Іисуса была, кромѣ всѣхъ этихъ общихъ правилъ, еще одна особая заповѣдь; самъ Іисусъ нигдѣ не называлъ ее главной, но она на самомъ дѣлѣ была въ его ученіи

третьей главнѣйшей заповѣдью. „Смотрите, берегитесь любостяжанія, ибо жизнь человѣка—не въ изобиліи его достоянія". Только *бѣдные* войдутъ въ царство божіе, богатые его не получатъ. Поэтому, бѣдные должны оставаться бѣдными, а богатые должны раздать свое имущество и стать бѣдными. Іисусъ говорилъ: и блаженны нищіе, ибо ваше царствіе божіе: блаженны голодные нынѣ, ибо насытитесь; блаженны плачущіе, ибо засмѣетесь... Но горе вамъ, богатые, ибо получили уже вы утѣшеніе ваше; горе вамъ, сытымъ нынѣ, ибо будете вы голодать; горе вамъ, смѣющимся нынѣ, ибо восплачете". Первые будутъ послѣдними, а послѣдніе первыми. И жадно слушавшей толпѣ разсказывалъ Іисусъ яркую притчу о судьбѣ богача и нищаго Лазаря. Жилъ богачъ, одѣвавшійся въ порфиру и виссонъ и каждый день пировавшій; жилъ нищій Лазарь, который лежалъ въ струпьяхъ у воротъ дома богача и радъ былъ напитаться хоть крошками, падающими со стола богача. Умеръ нищій, и ангелы отнесли его на лоно Авраамово; умеръ и богачъ, и въ аду, пребывая въ мукахъ, поднялъ глаза свои и увидалъ вдали Авраама и Лазаря на лонѣ его. И сталъ просить Авраама послать Лазаря, чтобы смочилъ тотъ концомъ пальца языкъ его, изсохшій отъ пламени; но Авраамъ сказалъ: вспомни, что ты получилъ уже доброе въ жизни твоей, а Лазарь злое; нынѣ же онъ здѣсь утѣшается, а ты страдаешь... Легче корабельному канату пройти сквозь игольное ушко, чѣмъ богатому войти въ царствіе небесное! А бѣднымъ царствіе божіе доступно. Міръ этотъ—какъ мостъ, говорилъ Іисусъ: переходи черезъ него, но не строй на немъ жилища твоего. У бѣдныхъ нѣтъ въ этомъ мірѣ жилища какъ у богатыхъ, и потому они могутъ заботиться больше всего о царствѣ божіемъ, въ то время какъ богатые заботятся о стяжаніи и сохраненіи своего богатства. Богатые—дѣти міра сего; бѣдные—наслѣдники царства будущаго; поэтому они вообще должны отречься отъ всѣхъ земныхъ заботъ и суеты. „Не заботьтесь для души вашей, что вамъ ѣсть, ни для тѣла, во что одѣться... Ищите прежде всего царствія божія, и остальное все приложится къ вамъ". Слѣдуетъ пренебречь и здоровьемъ, и красотой, если исполненіе заповѣди изуродуетъ человѣка: если глазъ собла-

няетъ, надо вырвать его, если рука соблазняетъ, надо отсѣчь ее: лучше слѣпымъ и безрукимъ войти въ царство небесное, чѣмъ зрячимъ и съ обѣими руками вѣчно горѣть въ огнѣ геенны. Такъ надо готовиться къ пришествію Мессіи и наступленію его царства. А придетъ оно скоро, говорилъ Іисусъ, еще на глазахъ его учениковъ; пришествіе его наступитъ внезапно, когда никто не будетъ его ждать. Какъ молнія вспыхиваетъ отъ одного края неба до другого, такъ явится и сынъ человѣческій въ день его; и какъ было во дни Ноя, такъ будетъ и въ дни сына человѣческаго: ѣли, пили, женились, выходили замужъ до того дня, какъ вошелъ Ной въ ковчегъ, и пришелъ потопъ и погубилъ всѣхъ. Или будетъ такъ же, какъ въ дни Лота: ѣли, пили, покупали, продавали, сажали, строили, но въ тотъ день, когда вышелъ Лотъ изъ Содома, пролился съ неба дождь огненный и сѣрный и истребилъ всѣхъ. Такъ внезапно наступитъ и страшный день пришествія сына человѣческаго, и будетъ такое же истребленіе. И кого гдѣ застигнетъ этотъ день, тому лучше тамъ и остаться, чтобы не погибнуть: кто будетъ думать въ этотъ день о спасеніи жизни своей, тотъ потеряетъ ее. И въ то время, какъ земля будетъ усѣяна трупами, надъ которыми соберутся коршуны, явится сынъ человѣческій въ славѣ своей со всѣми ангелами и сядетъ онъ на престолѣ славы своей, какъ царь. И соберутся передъ нимъ всѣ народы земные, всѣ живые и воскресшіе мертвые, и онъ будетъ судить ихъ, отдѣлитъ однихъ отъ другихъ, какъ пастухъ отдѣляетъ овецъ отъ козловъ, и поставитъ овецъ по правую сторону, а козловъ—по лѣвую сторону*). Тогда скажетъ царь стоящимъ по правую руку его: пріидите, благословенные отца моего, наслѣдуйте царство, уготованное вамъ отъ созданія міра: ибо давали вы ѣсть голоднымъ, пить жаждущимъ, пріютъ странникамъ, одежду нагимъ, посѣщали больныхъ и заключенныхъ въ темницѣ. А стоящимъ по лѣвую сторону скажетъ: идите отъ меня, проклятые, въ огонь вѣчный, уготованный діаволу и ангеламъ его, ибо не кормили вы голодныхъ, не поили жаждущихъ, не давали пріюта странникамъ, не одѣвали нагихъ, не посѣщали больныхъ и узниковъ. И повелитъ сынъ человѣческій,

*) Овцы въ Палестинѣ по большей части бѣлыя, а козлы черные.

и ввергнутъ ангелы грѣшниковъ въ печь огненную; тамъ будетъ плачъ и скрежетъ зубовный, тамъ не угасаетъ палить огонь и не перестаетъ червь точить тѣло грѣшниковъ. А изъ геенны огненной, великой пропасти, черезъ которую никто не можетъ перейти, будутъ видны грѣшникамъ селенія праведныхъ.

Въ райскихъ селеніяхъ праведныхъ, гдѣ ожидаетъ избранниковъ жизнь вѣчная, будутъ вѣрные наслаждаться всѣмъ тѣмъ, чего не было у нихъ при жизни. Царство божіе— царство матеріальнаго благополучія и славы; блаженство тамъ не какое либо духовное, но чисто тѣлесное. Прежде всего, вѣрные получатъ тамъ жизнь вѣчную, т. е. не будутъ ни хворать, ни умирать. Они пріобщатся тамъ къ древнимъ патріархамъ, Аврааму, Исааку и Іакову, и будутъ возлежать съ ними за однимъ столомъ, вкушать райскую пищу и пить райское вино; а на первомъ мѣстѣ за столомъ райскимъ будетъ возсѣдать самъ Мессія, и будетъ всѣмъ возлежащимъ великая радость господня. Кто былъ бѣденъ, тотъ станетъ богатымъ. Притѣсненные въ здѣшнемъ мірѣ въ будущемъ царствѣ наслѣдуютъ землю. Всякій, кто теперь сирымъ и безпріютнымъ скитается вслѣдъ за Іисусомъ, оставивъ домъ, или братьевъ, или сестеръ, или отца, или мать, или жену, или дѣтей, или землю, получитъ во сто кратъ больше домовъ, и братьевъ, и сестеръ, и отцовъ, и матерей и дѣтей, и земли. А земля будетъ тогда не скудной почвой Палестины, но чудесной плодородной страной. Папій передаетъ такое пророчество Іисуса: „придутъ дни, когда произрастутъ виноградныя деревья, каждое съ 10000 лозами, и на лозѣ 10000 вѣтвей, и на вѣтви 10000 побѣговъ, и на каждомъ побѣгѣ 10000 кистей, и на каждой кисти 10000 ягодъ, и каждая выжатая ягода дастъ 10000 мѣръ вина. И если святой возьметъ изъ нихъ одну кисть, то другая воскликнетъ: я лучше, возьми меня, восхвали во мнѣ господа. Подобно сему одно пшеничное зерно принесетъ 10000 колосьевъ, каждый колосъ будетъ вмѣщать 10000 зеренъ, и каждое зерно дастъ пять двойныхъ фунтовъ свѣтлой чистой и пшеничной муки; точно такъ же и остальные плоды и сѣмена, и растенія въ той же мѣрѣ; и всѣ звѣри, которые получатъ въ пищу то, что собирается съ земли, будутъ жить во взаимномъ мирномъ согласіи и будутъ

безпрекословно слушаться людей". Такъ въ будущемъ царствѣ будетъ постоянно повторяться то чудесное насыщеніе, о которомъ ходила молва среди послѣдователей Іисуса.

Такова была проповѣдь Іисуса. Главная ея тема не отличается ничѣмъ особеннымъ отъ проповѣди другихъ народныхъ проповѣдниковъ той эпохи: въ полномъ согласіи съ ними Іисусъ проповѣдывалъ, что близко пришествіе царства Мессіи, и что всѣ униженные, оскорбленные и обездоленные получатъ въ немъ первое мѣсто, утѣшеніе и благополучіе. Почему же проповѣдь его имѣла такой успѣхъ? Почему имена другихъ проповѣдниковъ забылись, никто ихъ не знаетъ и ими не интересуется, имя же Іисуса стало славно, объединило вокругъ себя вѣрныхъ послѣдователей въ общину, сначала, правда, маленькую, какъ горчичное зерно, но впослѣдствіи разросшуюся во всемірную христіанскую церковь, покрывшую, подобно мощному дереву, всю землю тѣнью отъ своихъ разросшихся вѣтвей? Почему Іисусъ, самъ не провозглашавшій себя Мессіей, сталъ Мессіей для своихъ учениковъ и будущихъ послѣдователей?

Причина этого коренится въ одномъ существенномъ различіи между проповѣдью Іисуса и другихъ „царей іудейскихъ". Многочисленные проповѣдники и „цари іудейскіе" безпощадно обличали тогдашнее общество, бичевали пороки и насильничанье владѣющихъ классовъ и рисовали огненныя картины будущаго воздаянія всѣмъ по дѣламъ ихъ. Но обличая настоящее и рисуя будущее, они не отвѣчали на вопросъ „что дѣлать сейчасъ"? Правда, нѣкоторые призывали къ оружію, собирали вокругъ себя наиболѣе горячихъ и воспламененныхъ фанатизмомъ послѣдователей, поднимали возстаніе и гибли, безъ пользы, отъ римскаго меча и креста. Но эти попытки насильственно установить на землѣ „царство божіе" въ эпоху Іисуса не пользовались еще популярностью среди народа. Это были отдѣльныя вспышки, но не массовое народное движеніе.

Въ противоположность всѣмъ другимъ проповѣдникамъ „царства" Іисусъ не только обличалъ настоящее и рисовалъ будущее, но теперь же, на дѣлѣ, своей дѣятельностью и проповѣдью стремился какъ бы *положить начало* будущему цар-

ству. За нимъ ходили толпы народа, потому что онъ исцѣлялъ больныхъ и насыщалъ голодныхъ. Толпа всегда будетъ жадно слушать обѣщанія всяческихъ благъ въ будущемъ; но ея героемъ будетъ тотъ, кто хотя бы отчасти дастъ благо въ настоящемъ. „Всѣ воскреснутъ“ — говорили народные проповѣдники. „Іисусъ воскресилъ мертвыхъ“—шла о немъ восторженная молва. „Въ будущемъ царствѣ всѣ насытятся отъ чудеснаго плодородія“—говорили „цари іудейскіе“. „Іисусъ накормилъ пять тысячъ человѣкъ пятью хлѣбами“— неслась навстрѣчу слава Іисуса. Іисусъ не только обличалъ враговъ народа, но онъ самъ болѣлъ недугами народа и старался ихъ излечить силою того „духа“, который, по его убѣжденію, жилъ въ немъ.

Далѣе, Іисусъ училъ, что именно надо сейчасъ дѣлать, чтобы приблизилось царство Мессіи. И въ этомъ отношеніи его проповѣдь давала на глазахъ его-же современниковъ практическіе результаты. Другіе громили богатыхъ и описывали въ самыхъ мрачныхъ краскахъ ихъ будущую судьбу и вѣчныя мученія. Іисусъ говорилъ то же самое; но онъ къ этому прибавлялъ, что если богатые не хотятъ себѣ вѣчной гибели, они должны раздать свое имѣніе нищимъ и идти за Іисусомъ. И многіе богатые люди дѣлали это: въ числѣ постоянныхъ спутницъ Іисуса были богатыя женщины, которыя служили ему и его послѣдователямъ имѣніемъ своимъ. Іисусъ и его послѣдователи не имѣли постояннаго пріюта и вели бродячую жизнь; но вмѣстѣ съ тѣмъ, они были живымъ примѣромъ блаженства избранныхъ уже теперь въ здѣшнемъ мірѣ. Отрекшись отъ міра и его заботъ, они имѣли все общее и не голодали; со всѣхъ сторонъ навстрѣчу имъ шли поддержка и помощь; сами они собирали не только для себя, но и для нищихъ и постоянно дѣлились съ ними. По словамъ Іисуса, нищіе постоянно ходили за нимъ и за его учениками: „нищихъ вы всегда имѣете съ собою“. Милосердіе и любовь Іисусъ не только проповѣдывалъ, но и осуществлялъ на дѣлѣ. Онъ привлекалъ къ себѣ не только словомъ, но и дѣломъ.

Потому и слава его была иная, чѣмъ слава другихъ проповѣдниковъ. Его можно сравнить со старообрядческимъ пророкомъ Аввакумомъ. Вмѣстѣ съ Аввакумомъ дѣйствовали

многіе его друзья, которые такъ же, какъ и онъ, иногда даже удачнѣе, чѣмъ онъ, громили царя и патріарха Никона, обличали церковные пороки, защищали старую вѣру отъ нововведеній Никона. Но изъ нихъ народнымъ героемъ, святымъ и пророкомъ, сдѣлался только одинъ Аввакумъ, и потому именно, что онъ, подобно Іисусу, не только бичевалъ и обличалъ, но и дѣлалъ практическое дѣло. Всю свою жизнь,—говорилъ онъ,—провелъ онъ въ борьбѣ съ бѣсами, одолѣвавшими и его, и его паству, т. е. исцѣлялъ больныхъ отгонялъ бѣсовъ отъ куръ, прогонялъ бѣсовъ, отъ которыхъ происходила засуха и моръ. Всякому, приходившему къ нему, Аввакумъ давалъ совѣтъ и утѣшеніе и безстрашно вступался за обиженныхъ передъ воеводами и другими сильными людьми, не боясь ни ссылки, ни мученій. И потому къ Аввакуму, когда онъ сидѣлъ въ земляной тюрьмѣ, со всѣхъ сторонъ стекались паломники, а другіе дѣятели старообрядчества жили въ одиночествѣ, и народъ скоро забывалъ о нихъ.

Поэтому неудивительно, что хотя самъ Іисусъ не объявлялъ себя Мессіей, народная молва не сомнѣвалась въ томъ, что онъ не вполнѣ обыкновенный пророкъ. Одни считали Іисуса за воскресшаго Іоанна Крестителя, другіе—за воскресшаго пророка Илію, который долженъ явиться передъ пришествіемъ Мессіи. Нѣкоторые изъ ближайшихъ учениковъ считали Іисуса прямо Мессіей; двое изъ нихъ Іаковъ и Іоаннъ даже просили Іисуса, чтобы онъ въ будущемъ своемъ царствѣ далъ имъ мѣсто рядомъ съ собою, по правую и по лѣвую руку. По мѣрѣ того, какъ выростала слава о чудесахъ и рѣчахъ Іисуса, его послѣдователи все болѣе и болѣе настойчиво приписывали ему достоинство Мессіи, царя іудейскаго, сына Давидова.

На Пасху 30—33 года (годъ въ точности установить трудно) Іисусъ пошелъ въ Іерусалимъ, вмѣстѣ со своими ближайшими учениками и постоянно сопутствовавшими ему женщинами. Съ этимъ путешествіемъ ученики Іисуса связывали большія надежды: они были увѣрены, что ихъ учитель объявитъ себя въ Іерусалимѣ Мессіей, и сбудется все то, о чемъ такъ пламенно проповѣдывалъ и самъ Іисусъ, и

другіе пророки. Хотѣлъ ли поступить такъ самъ Іисусъ, мы не знаемъ; возможно, что громкій успѣхъ, выпавшій ему на долю, окрылилъ и его самого надеждами и внушилъ ему болѣе дерзновенныя мысли о себѣ, чѣмъ раньше. Во всякомъ случаѣ, путешествіе въ Іерусалимъ было со стороны Іисуса весьма рѣшительнымъ и смѣлымъ шагомъ. Въ Галилеѣ онъ давно уже былъ на дурномъ счету у мѣстныхъ фарисеевъ и книжниковъ; молва о немъ распространилась широко, дошла и до Іерусалима и до дворца Ирода. А въ Іерусалимѣ была главная цитадель всего враждебнаго Іисусу лагеря. Тамъ господствовали саддукеи, довольно равнодушные ко всякимъ новымъ религіознымъ ученіямъ, но до смерти боявшіеся, какъ бы новые учителя не подняли такой же смуты, какъ Іуда Гавлонитянинъ или Захарія сынъ Варахіинъ. Саддукейство во всѣхъ случаяхъ борьбы съ народнымъ движеніемъ шло рука объ руку съ Римомъ; а фарисейство и книжничество всегда было готово для расправы со своими идейными противниками оперется на саддукейство, въ распоряженіи котораго была матеріальная сила. Въ это-то осиное гнѣздо и направился Іисусъ, быть можетъ безъ точно опредѣлившихся намѣреній и плановъ, но готовый во всякомъ случаѣ принять рѣшительный бой и выдержать его до конца.

Восторженное настроеніе учениковъ Іисуса вылилось уже въ моментъ прибытія въ Іерусалимъ. Спутники Іисуса у воротъ Іерусалима посадили его на ослика, усыпали путь передъ нимъ пальмовыми вѣтвями и шли вслѣдъ за нимъ съ криками: „Осанна! Благословенъ грядущій во имя господне! Благословенно грядущее во имя господа царства отца нашего Давида! Осанна въ вышнихъ"! Крикомъ „осанна" въ Израилѣ привѣтствовали въ старину царей; „осанна" соотвѣтствуетъ нашему „ура". Эта демонстрація, устроенная спутниками Іисуса, сразу обратила на него всеобщее вниманіе. Поведеніе самого Іисуса еще болѣе подогрѣло настроеніе и возбудило мнительную подозрительность іерусалимскихъ властей. Осматривая великолѣпный іерусалимскій храмъ и дивясь ему съ простодушіемъ галилейскаго провинціала, Іисусъ наткнулся на самое обычное для іеру-

салимлянина, но позорное для вѣрующаго, явленіе. На дворахъ храма, окружавшихъ самое святилище, куда доступъ былъ открытъ только для жрецовъ, шла оживленная торговля жертвенными животными и предметами. По закону за всякій грѣхъ, за всякое нарушеніе закона, а также въ разныхъ случаяхъ жизни, по поводу рожденія, смерти, брака, выздоровленія отъ болѣзни и т. д., вѣрующіе должны были приносить въ храмѣ установленныя жертвы, главнымъ образомъ, мелкимъ скотомъ и мелкой птицей. Торговцы жертвенными животными располагались со своими столами и палатками во дворахъ храма, и передъ Пасхой, когда посѣтители храма стекались со всей Іудеи, Галилеи и изъ всего разсѣянія, дворы храма превращались въ шумный и грязный базаръ. Рядомъ съ торговцами птицей и скотомъ располагались мѣнялы, которые размѣнивали на священные іерусалимскіе кешели разнообразную монету, приносимую богомольцами изъ разныхъ странъ: уплата шекельнаго сбора допускалась только священными іерусалимскими шекелями. Видъ этого торжища возмутилъ Іисуса. Онъ сталъ гнать продавцовъ и покупателей, опрокинулъ столы мѣнялъ и торговцевъ голубями и громко воскликалъ, что храмъ—домъ молитвы, а его сдѣлали вертепомъ разбойниковъ. Эта гнѣвная выходка была столь неожиданна, что жрецы растерялись и не успѣли арестовать Іисуса; но участь его была тутъ же рѣшена, и изъ осторожности Іисусъ сталъ уходить изъ города на ночлегъ въ сосѣднее селеніе Виѳанію. Каждый день онъ приходилъ въ храмъ, проповѣдывалъ тамъ и смѣло спорилъ съ фарисеями, саддукеями и книжниками; настроеніе окружавшей толпы было явно за Іисуса, и власти не осмѣливались арестовать его въ храмѣ среди дня, боясь столкновенія съ толпой. Прибѣгли къ обычному способу: подкупили одного изъ учениковъ Іисуса, Іуду, и тотъ ночью, за два дня до Пасхи, привелъ вооруженный отрядъ храмовой стражи въ Геѳсиманскій садъ, между Іерусалимомъ и Масличной горой (на востокъ отъ Іерусалима), гдѣ въ это время находился Іисусъ съ остальными учениками. Іисусъ былъ арестованъ и немедленно приведенъ на судъ синедріона. Съ дѣломъ его спѣшили, чтобы покончить все до наступленія Пасхи.

На судѣ Іисусу было предъявлено обвиненіе, что онъ называетъ себя Мессіей, сыномъ Благословеннаго, т. е. сыномъ божіимъ. По свидѣтельству синоптиковъ, Іисусъ не сталъ отрицать этого. Было ли такъ или нѣтъ, мы не знаемъ; на судебныя засѣданія публика не допускалась, а всякіе послѣдующіе разсказы судей Іисуса, на основаніи которыхъ сложился разсказъ синоптиковъ, нельзя не считать пристрастными. Съ другой стороны, и сами послѣдователи Іисуса могли вложить Іисусу въ уста торжественное объявленіе себя Мессіей передъ лицомъ разгнѣванныхъ судей. Такъ или иначе, но вина Іисуса синедріону показалась доказанной, и онъ былъ объявленъ повиннымъ смерти, согласно закону, какъ ложный пророкъ. Смертный приговоръ утверждался римскимъ прокураторомъ; поэтому изъ синедріона Іисусъ былъ отведенъ въ преторію, къ Пилату. Пилатъ задалъ Іисусу тотъ же вопросъ: „ты ли царь іудейскій?“—и получивъ утвердительный отвѣтъ, приговорилъ Іисуса къ распятію на крестѣ, обычной казни, примѣнявшейся римлянами къ разбойникамъ и рабамъ.

Казнь Іисуса была совершена на Голгоѳѣ, т. е. на мѣстѣ, называвшемся „Лобное“. Такъ назывался холмъ, на которомъ производились казни; названіе онъ получилъ, очевидно вслѣдствіе своей формы, похожей на черепъ. Гдѣ находилась Голгоѳа, въ точности до сихъ поръ не установлено; синоптики даютъ только указаніе, что она лежала за городомъ и около большой дороги, по которой мимо распятыхъ проходили прохожіе, осыпавшіе казненныхъ насмѣшками. Крестъ, на которомъ былъ распятъ Іисусъ, былъ, несомнѣнно, обычнаго римскаго типа, въ видѣ столба съ перекладиной наверху, т. е. имѣлъ форму буквы Т; современная форма креста, употребляемаго при богослуженіи, установилась впослѣдствіи, по образцу египетскихъ крестовъ, съ которыми изображались египетскіе боги. Страданія распятыхъ были чрезвычайно мучительны, пока не наступала потеря сознанія; но такъ какъ при распятіи потеря крови отъ пригвожденія на кресту была незначительной, то смерть наступала довольно медленно, и въ этой-то медленности и заключалась жестокость казни черезъ распятіе. Согласно евангелію отъ Марка, смерть Іисуса наступила черезъ шесть часовъ послѣ

распятія; но это была очень быстрая смерть, такъ какъ Пилатъ выразилъ при извѣстіи о смерти Іисуса большое удивленіе.

Въ моментъ ареста Іисуса ученики его разбѣжались; суровый и быстрый судъ и осужденіе учителя еще болѣе усилили ихъ панику. Паника прошла только тогда, когда ученики послѣ Пасхи вернулись въ Галилею. Тутъ впервые появилась вѣра въ воскресеніе Іисуса. Чѣмъ она была вызвана, въ точности мы не знаемъ. По всей вѣроятности, основу для этой вѣры дали сновидѣнія и галлюцинаціи наиболѣе восторженныхъ послѣдователей Іисуса. Стали вѣрить, что Іисусъ воскресъ и вознесся на небо; но онъ скоро придетъ вновь во славѣ, какъ царь-Мессія, чтобы судить всѣ народы и отдать своимъ вѣрнымъ мессіаническое царство. На этой вѣрѣ образовались первыя *мессіаническія*, или, по гречески, *христіанскія* общины.

V. Первыя христіанскія общины.

Первая христіанская община, община *ожидающихъ Мессію*, образовалась не въ Галилеѣ, но въ Іерусалимѣ, изъ ближайшихъ учениковъ Іисуса. Мы не знаемъ, когда и при какихъ обстоятельствахъ произошло возвращеніе учениковъ Іисуса въ Іерусалимъ и основаніе іерусалимской общины. Въ евангеліи отъ Луки и въ Дѣяніяхъ, написанныхъ тѣмъ же авторомъ, что и третье евангеліе, объ этомъ есть лишь преданіе, составленное много позже основанія іерусалимской общины. Это преданіе ничего не говоритъ о возвращеніи учениковъ въ Галилею послѣ смерти Іисуса, какъ объ этомъ разсказываютъ евангелія отъ Марка и отъ Матѳея. Напротивъ, Іисусъ по воскресеніи, будто бы повелѣлъ ученикамъ: „не отлучайтесь изъ Іерусалима, но ждите обѣщаннаго отъ отца... вы примете силу, когда сойдетъ на васъ духъ святой, и будете мнѣ свидѣтелями въ Іерусалимѣ, во всей Іудеѣ и Самаріи и даже до края земли“.

Это преданіе оправдываетъ повелѣніемъ, якобы изъ устъ самого Іисуса, ту цѣль, какую поставили себѣ и осуществляли ученики Іисуса, образовавшіе первую общину. Считая себя

первыми будущими участниками мессіаническаго царства, они не хотѣли держать при себѣ свою вѣру, но стали распространять ее. Они думали, что не ихъ дѣло знать точныя времена и сроки возстановленія царства Израиля, но ихъ долгъ свидѣтельствовать объ Іисусѣ и его мессіаническомъ достоинствѣ передъ всѣми, кто не зналъ Іисуса. И они стали сознавать себя апостолами, т. е. посланниками Іисуса для проповѣди *евангелія*, т. е. доброй вѣсти о его скоромъ пришествіи. Они считали себя блаженными, что ихъ очи видѣли Іисуса и его дѣла и слышали его рѣчи, ибо, казалось имъ, многіе пророки и цари желали видѣть то, что они видѣли, и слышать то, что они слышали, но не видѣли и не слышали. И то, что они видѣли и слышали, они излагали въ проповѣдяхъ народу, излагали, конечно, со всѣми тѣми преувеличеніями и пріукрашеніями, какія невольно создавались ихъ вѣрой и надеждой. Ихъ цѣль была доказать, что Іисусъ есть именно тотъ самый Мессія, котораго предрекали пророки и котораго такъ пламенно ждали въ народной средѣ. „Итакъ, твердо знай, весь домъ Израилевъ“,—говорилъ Петръ,—„что богъ сдѣлалъ господиномъ и Мессіей сего Іисуса, котораго вы распяли“. Богъ воскресилъ его послѣ распятія, а затѣмъ онъ вознесся на небо, чтобы вскорѣ вновь явиться на облакахъ небесныхъ съ силами ангельскими—и все это, и распятіе, и воскресеніе, и вознесеніе—было предречено ранѣе пророками. Подражая Іисусу, въ экстазѣ апостолы пробовали совершать чудеса, и такъ какъ имъ удавалось иногда давать облегченіе „бѣсноватымъ“, то ихъ проповѣдь пріобрѣтала особую силу. Имъ начинали вѣрить, что они, дѣйствительно, вѣстники евангелія, и число христіанъ стало быстро возрастать. Образовались общины по всей Іудеѣ и Самаріи (въ Лиддѣ, Іоппіи и Тарсѣ); оттуда проповѣдь перекинулась въ сосѣднюю Сирію и Киликію, гдѣ образовались общины въ Дамаскѣ, Кесаріи и Антіохіи; далѣе, христіанство проникло на Кипръ, въ Малую Азію (общины въ Ефесѣ, Галатіи, Смирнѣ, Пергамѣ, Ѳіатирѣ, Сардахъ, Филадельфіи, Лаодикіи), въ Грецію (общины въ Коринѳѣ, Солуни), оттуда, уже въ половинѣ I вѣка христіанство проникло и въ Римъ, столицу тогдашняго міра.

Такое широкое и быстрое распространеніе христіанства возможно было только потому, что къ первоначальному небольшому кружку учениковъ Іисуса прибавилось много новыхъ ревностныхъ проповѣдниковъ евангелія. Іудейство отнеслось къ христіанству крайне недружелюбно и стало преслѣдовать общины; многіе члены общинъ бѣжали, спасаясь отъ преслѣдованій, въ Сирію, Финикію и другія мѣстности. Эти бѣженцы сдѣлались усердными проповѣдниками христіанства въ тѣхъ областяхъ и городахъ, куда имъ удалось скрыться отъ гоненій. Опорными пунктами для проповѣди христіанства были синагоги общинъ іудейскаго разсѣянія. Приходившіе проповѣдники были іудеями, не отрицали іудейскаго закона и проповѣдывали о томъ самомъ Мессіи, котораго такъ жадно ожидалъ весь іудейскій міръ. Поэтому, начальники синагогъ охотно допускали проповѣдниковъ говорить въ синагогахъ; проповѣди происходили по субботамъ, а слушателями и первыми новообращенными были іудеи разсѣянія.

Но одновременно съ этимъ проповѣдь христіанства проникла и въ среду языческаго міра. Мѣсто „апостола народовъ“ занялъ апостолъ Павелъ*). Ученый іудей, прошедшій строгую книжническую школу, но не лишенный знакомства съ греческой философіей, Павелъ сначала былъ однимъ изъ самыхъ яростныхъ гонителей христіанства. Но по своей натурѣ онъ былъ человѣкомъ восторженнымъ, склоннымъ къ галлюцинаціямъ и быстрой и глубокой смѣнѣ настроеній. Въ періодъ крайняго нервнаго возбужденія въ немъ произошелъ переломъ: онъ впослѣдствіи разсказывалъ, что ему были видѣнія и откровенія, и въ одномъ изъ такихъ видѣній будто бы явился ему самъ Іисусъ и спрашивалъ: „Савлъ, Савлъ, зачѣмъ ты меня гонишь“? Съ этихъ поръ Павелъ сдѣлался такимъ же ревностнымъ поборникомъ христіанства, какъ ранѣе былъ его гонителемъ. Изъ Іудеи ему пришлось сейчасъ же скрыться, чтобы спастись отъ преслѣдованій своихъ прежнихъ соратниковъ, и именно его трудами христіанство широко распространилось за предѣлами Іудеи, среди греческаго міра.

*) Какъ іудей изъ эллинизированнаго Тарса, Павелъ, сообразно тогдашнему обыкновенію, носилъ два имени: іудейское—Савлъ, и греческое—Павелъ.

„Евангеліе распространено мною",—говоритъ о себѣ Павелъ: „отъ Іерусалима до Иллиріи; притомъ я старался благовѣствовать не тамъ, гдѣ уже было извѣстно имя Христово, дабы не созидать на чужомъ основаніи". Собственное основаніе для общинъ Павла составили христіане изъ язычниковъ, и Павелъ съ полнымъ правомъ называетъ себя „апостоломъ народовъ". Можно сказать безъ преувеличенія, что если бы не было Павла, христіанство осталось бы мелкой іудейской сектой и исчезло бы столь же быстро и безъ остатка, какъ и другія іудейскія секты послѣ разрушенія Іерусалима въ 70 г.

Павелъ былъ создателемъ христіанства въ греко-римскомъ мірѣ не только въ смыслѣ привлеченія вѣрующихъ и образованія христіанскихъ общинъ, но и въ смыслѣ созданія *новаго христіанскаго вѣроученія*. Онъ никогда не видалъ Іисуса и не слышалъ его ученія, познакомился съ ученіемъ Іисуса по разсказамъ другихъ. Но онъ понялъ ученіе Іисуса по своему, придалъ ему совершенно новый видъ и такую форму, какая была одинаково привлекательна и доступна для всякаго человѣка, всякой вѣры и всякой національности. Конечно, это христіанское богословіе Павла не было похоже на подлинное ученіе Іисуса; но оно имѣло для будущаго развитія христіанства огромное значеніе. Когда погибла Іудея, перевѣсъ среди христіанскихъ общинъ перешелъ на сторону греко-римскихъ общинъ, основанныхъ Павломъ, и церковные учителя II—III вѣка стали развивать христіанское вѣроученіе въ томъ самомъ направленіи, какое намѣтилъ Павелъ. Поэтому, Павла принято называть вторымъ, послѣ Іисуса, основателемъ христіанства.

Проповѣдь апостоловъ была обращена къ тѣмъ же обездоленнымъ и притѣсненнымъ, къ которымъ обращался со своимъ ученіемъ и Іисусъ. Апостолы, изложивъ ученіе Іисуса, заповѣди, которыя онъ велѣлъ соблюдать, и картину будущаго царства, которое онъ обѣщалъ своему „малому стаду", кончали свои проповѣди такимъ призывомъ отъ имени Іисуса: „Пріидите ко мнѣ всѣ трудящіеся и обремененные, и я успокою васъ. Возьмите иго мое на себя и научитесь отъ меня, ибо я кротокъ и смиренъ сердцемъ; и найдете покой душамъ вашимъ—ибо иго мое благо, и легко бремя

мое". И въ отвѣтъ на этотъ пламенный призывъ шли въ христіанскія общины бѣдные ремесленники и рабы, убогіе и калѣки, всѣ, кому тяжко и трудно было жить; только единицами считались христіане изъ людей образованныхъ и съ достаткомъ. Апостолы считали такой составъ христіанскихъ общинъ вполнѣ соотвѣтствующимъ заповѣдямъ Іисуса и промыслу божію. Въ коринѳской общинѣ, по словамъ ея основателя, апостола Павла, было „мало мудрыхъ по плоти, мало могущественныхъ, мало благоразумныхъ; но глупое міра избралъ богъ, чтобы посрамить мудрыхъ, и немощное міра избралъ богъ, чтобы посрамить сильныхъ, и безродное міра и униженное избралъ богъ и нестоющее, чтобы посрамить стоющее". Богатымъ апостолы повторяли изреченіе Іисуса богатому юношѣ: „все, что имѣешь, продай и раздай нищимъ, и будешь имѣть сокровище въ небесахъ; возьми крестъ свой и слѣдуй за мной".

Въ ожиданіи „успокоенія" въ будущемъ царствѣ приходилось позаботиться о томъ, чтобы облегчить бремя здѣшней жизни. Общины устраивались поэтому на началахъ коммунизма и взаимопомощи, на подобіе коммунистическихъ общинъ іудейской секты ессеевъ. Іерусалимская община, служившая образцомъ для другихъ общинъ, была своего рода общежительной коммуной. Всѣ вѣрующіе жили вмѣстѣ, имѣли все общее; всѣ, у кого было какое-либо имущество, продавали его и вырученныя деньги передавали апостоламъ, которые распредѣляли общее имущество общины такъ, чтобы среди членовъ общины не было никого нуждающагося. Ежедневно происходила раздача всѣмъ нуждающимся „потребностей", т.-е. предметовъ первой необходимости; для вкушенія пищи вѣрующіе собирались за общимъ столомъ; изъ этихъ собраній, такъ называемыхъ „вечерей любви", развилось впослѣдствіи таинство причащенія. При распредѣленіи предметовъ первой необходимости преимущество оказывалось, повидимому, вдовамъ и сиротамъ; дѣло не обходилось однако безъ злоупотребленій и пристрастія, когда іерусалимская община разрослась и увеличилась пришельцами изъ іудеевъ разсѣянія. Вдовы изъ числа этихъ послѣднихъ не всегда получали столько же, сколько доставалось вдовамъ изъ коренного іудейства, близкимъ и по духу и по родству влія-

тельнымъ лицамъ въ общинѣ; апостолы не могли за всѣмъ услѣдить и всѣхъ знать, и ропотъ, поднявшійся въ общинѣ, заставилъ ихъ принять мѣры къ упорядоченію этого дѣла. Было созвано общее собраніе членовъ общины, и апостолы предложили оставить впредь за ними только заботу о „словѣ божіемъ", т.-е. о проповѣди и поученіи; а для хозяйственныхъ заботъ избрать семь особыхъ лицъ, *діаконовъ* (попечителей), изъ числа опытныхъ, мудрыхъ и исполненныхъ святаго духа членовъ общины; на нихъ и возложить заботу о трапезахъ и прочихъ хозяйственныхъ потребностяхъ. Предложеніе апостоловъ было принято, и такъ произошло первое раздѣленіе функцій въ управленіи общиной: за апостолами осталось главное руководство, проповѣдь и совершеніе богослуженія; діаконы стали завѣдывать хозяйственной частью. Въ другихъ общинахъ старались слѣдовать примѣру іерусалимской. Такъ какъ апостолы, основывавшіе новыя общины, не могли управлять одновременно всѣми своими общинами, то во главѣ новыхъ общинъ они ставили особыхъ старѣйшинъ, *пресвитеровъ*, посредствомъ возложенія рукъ на голову избранныхъ: такимъ образомъ они передавали свою власть и силу духа рукополагаемымъ. Съ теченіемъ времени въ общинахъ, кромѣ апостоловъ, пресвитеровъ и діаконовъ, появились еще спеціальныя званія пророка, истолкователя и учителя. Пророки—это особенно восторженные члены общины, которые по временамъ „исполнялись духа", т.-е. приходили въ состояніе религіознаго восторга и „пророчествовали"; такъ какъ ихъ изреченія обычно носили характеръ отрывочныхъ словъ и восклицаній, то нужны были истолкователи, которые умѣли бы разъяснять смыслъ пророчества. Учителя должны были наставлять въ вѣрѣ и вновь вступающихъ въ общину, и старыхъ членовъ общины. Эти званія были офиціальными; учителя, пророки и истолкователи считались поставленными самимъ богомъ.

Разсѣянныя по всей Іудеи, Сиріи, Малой Азіи, островамъ Эгейскаго моря и Греціи, общины были связаны единой организаціонной связью. Первой общиной, центромъ всей христіанской жизни, считалась община въ Іерусалимѣ. Апостолы, управлявшіе ею, Петръ, Іаковъ и Іоаннъ, считались „столпа-

ми", первыми между апостолами. Это званіе было имъ присвоено вслѣдствіе того, что они были ближайшими учениками Іисуса. Повидимому, не всѣ одинаково признавали первенство этихъ апостоловъ, и потому ихъ сторонники защищали ихъ первенство ссылками на изреченія, сказанныя по преданію самимъ Іисусомъ. Вспоминали, что Петру будто бы Іисусъ сказалъ, что Петръ—тотъ камень, на которомъ Іисусъ создастъ свою общину, которую не одолѣетъ власть адова, и вручилъ Петру ключи отъ царствія божія. Доказывали, что Іоаннъ былъ любимымъ ученикомъ Іисуса, которому учитель повѣрялъ всѣ свои тайны и предсказалъ, что онъ не умретъ до второго пришествія Іисуса. Но „столпы" не могли единолично рѣшать вопросы, касавшіеся всего христіанскаго міра; въ этихъ случаяхъ рѣшеніе принадлежало собору апостоловъ. Такъ, въ Іерусалимѣ былъ собранъ соборъ всѣхъ апостоловъ, когда послѣ основанія Павломъ общинъ изъ язычниковъ возникъ вопросъ, обязательно ли для христіанъ изъ язычниковъ соблюденіе іудейскаго закона; рѣшеніе этого собора было обязательно для всѣхъ общинъ. На содержаніе „святыхъ" въ Іерусалимѣ всѣ общины обязаны были производить особые сборы: каждый членъ общины по своему достатку дѣлалъ еженедѣльныя отчисленія, и когда накапливалась крупная сумма, она посылалась съ привѣтственнымъ письмомъ въ Іерусалимъ.

Насколько можно судить по отрывочнымъ указаніямъ посланій Павла и книги Дѣяній, въ общинахъ, основанныхъ внѣ Іерусалима и Іудеи, не соблюдался такой-же коммунизмъ, какъ въ Іерусалимѣ. Но и онѣ стремились къ тому же облегченію „бремени міра сего", хотя и другими путями. Общины были союзами взаимопомощи, основанными на братской любви; всякій нуждающійся получалъ вспоможеніе изъ общей кассы отъ особаго раздатчика; но право на вспоможеніе имѣлъ только работающій; праздный и лѣнивый не могъ жить въ христіанской общинѣ. Сверхъ того, общины были обязаны свято соблюдать долгъ страннопріимства: содержать на свой счетъ апостоловъ, учителей и пророковъ, какъ своихъ, такъ приходившихъ къ нимъ. Апостолы посвящали себя исключительно проповѣди евангелія и считали

себя въ правѣ жить „отъ евангелія“. Когда въ коринѳской общинѣ стали было раздаваться голоса противъ содержанія апостоловъ на счетъ общины, Павелъ обратился къ нимъ съ горячей отповѣдью: „развѣ вы не знаете, что священнодѣйствующіе питаются отъ святилища, и что служащіе жертвеннику берутъ долю отъ жертвенника? Такъ и господь повелѣлъ проповѣдующимъ евангеліе жить отъ евангелія“. А когда укоры всетаки не прекратились, Павелъ стыдилъ укоряющихъ описаніемъ невзгодъ и опасностей апостольскаго служенія: „даже донынѣ терпимъ голодъ и жажду, и наготу, и побои, и скитаемся, и трудимся, работая своими руками; злословятъ насъ—мы терпимъ, хулятъ насъ—мы молимся, мы стали точно отбросы для міра, для всѣхъ попраніе до сего дня“. Причиною укоровъ и жалобъ были злоупотребленія недобросовѣстныхъ людей. Въ общины нерѣдко являлись проходимцы, выдававшіе себя за пророковъ, учителей и апостоловъ и старавшіеся пожить возможно дольше на общинный счетъ и выманить у простодушныхъ членовъ общинъ побольше денегъ. Ради борьбы съ этими злоупотребленіями апостолами были составлены правила, какъ отличить истинныхъ пророковъ, учителей и апостоловъ отъ ложныхъ. Всякаго апостола, приходящаго въ общину, община должна была принимать, какъ самого господа; но если онъ оставался въ общинѣ болѣе двухъ дней или требовалъ въ дорогу, кромѣ хлѣба, еще и денегъ, то такой долженъ былъ считаться лжеапостоломъ. Пророкомъ долженъ былъ считаться не всякій, кто говорилъ въ духѣ, но лишь тотъ, кто при этомъ и жилъ по примѣру Іисуса: кто не дѣлаетъ самъ того, чему учитъ, кто требуетъ для себя денегъ, тотъ ложный пророкъ, но всякій истинный апостолъ, истинный пророкъ и истинный учитель достоинъ пропитанія своего, какъ всякій работникъ, честно дѣлающій свое дѣло. Въ общинахъ, членами которыхъ были іудеи, на содержаніе истинныхъ пророковъ предписывалось отдавать первинки отъ винограда, зерна и скота, шедшія по закону въ пользу жрецовъ храма; а если не случится пророка, то эти дары слѣдовало отдавать бѣднымъ.

Апостолы, пресвитеры и пророки учили и управляли, какъ орудія святого духа: и сами они, и члены общинъ вѣро-

вали, что чрезъ апостоловъ, пророковъ и пресвитеровъ говоритъ, дѣйствуетъ и управляетъ святой духъ, посланный Іисусомъ. Самъ Іисусъ вознесся на небо, но тотъ духъ, который пребывалъ въ немъ и силою котораго онъ творилъ чудеса и пророчествовалъ, ниспосланъ на апостоловъ, и апостолы, посредствомъ рукоположенія, надѣляютъ этимъ духомъ пресвитеровъ и діаконовъ. Эта вѣра нисколько не удивительна: мы уже знаемъ, какъ искренне и живо простой народъ вѣрилъ въ то, что пророки и святые одержимы святымъ духомъ и являются его орудіями. Таковъ былъ взглядъ и на Іисуса, и такъ онъ и самъ смотрѣлъ на себя. Естественно, что и ближайшіе его ученики принадлежали также къ числу восторженныхъ людей, съ повышенной нервной чувствительностью, и легко заражались тѣмъ же упоеніемъ и восторгомъ „духа“, которымъ горѣлъ и самъ Іисусъ. Собираясь вмѣстѣ послѣ утраты Іисуса, апостолы проводили время въ пѣніи молитвъ и въ воспоминаніяхъ объ ушедшемъ учителѣ; ихъ нервное состояніе повышалось, каждый шумъ или шорохъ заставляли думать, не идетъ ли воскресшій учитель, нѣкоторые начинали грезить наяву. Имъ начинало казаться, что среди нихъ вѣетъ и носится духъ, который овладѣваетъ ими и проникаетъ все ихъ существо. Въ Дѣяніяхъ такъ описывается это состояніе апостоловъ: „и по молитвѣ ихъ поколебалось мѣсто, гдѣ они были собраны, и исполнились духа божія, и говорили слово божіе съ дерзновеніемъ“. Другими словами, нервное восторженное напряженіе доходило у апостоловъ до головокруженія, до полубезсознательнаго состоянія, когда человѣкъ наполовину бодрствуетъ, наполовину грезитъ, наполовину соображаетъ, наполовину не соображаетъ. Въ такомъ состояніи легко появляются бредъ и галлюцинаціи: человѣку кажется, что онъ видитъ видѣнія и слышитъ неземные голоса. Павелъ такъ описываетъ свое состояніе въ моментъ религіознаго восторга: „Знаю человѣка во Христѣ, который, не знаю въ тѣлѣ ли, не знаю внѣ ли тѣла—богъ знаетъ—восхищенъ былъ до третьяго неба; и знаю о такомъ человѣкѣ,—въ тѣлѣ ли, или внѣ тѣла, не знаю богъ знаетъ—что онъ былъ восхищенъ въ рай и слышалъ несказанныя слова, которыхъ человѣку нельзя говорить“. Одержимый духомъ

старался сейчасъ же разсказать, что онъ видитъ и что слышитъ, но рѣчь его обычно была отрывочна и безсвязна, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ громка и рѣшительна. Такая рѣчь считалась пророческой, это называлось „говорить языками, какъ духъ даетъ провѣщевать". Со стороны собраніе такихъ одержимыхъ духомъ людей казалось собраніемъ пьяныхъ или помѣшанныхъ: про собранія апостоловъ говорили, что они напились сладкаго вина, а про собранія коринѳскихъ христіанъ говорили, что они на своихъ собраніяхъ бѣснуются. Короче говоря, первыя христіанскія общины были „духовными", подобными древнимъ товариществамъ пророковъ временъ Саула, или позднѣйшимъ сектамъ „духовныхъ христіанъ" у насъ и на Западѣ: русскимъ хлыстамъ, нѣмецкимъ анабаптистамъ, англійскимъ индепендентамъ.

Духъ, по вѣрѣ первыхъ христіанъ, повелѣвалъ и управлялъ въ общинахъ и руководилъ жизнью какъ всѣхъ общинъ, такъ и ихъ отдѣльныхъ членовъ. Апостолы и пресвитеры поступаютъ такъ, какъ повелѣваетъ имъ духъ. Когда апостолъ Петръ сталъ проповѣдывать евангеліе въ Кесаріи язычникамъ и навлекъ на себя за это укоры со стороны другихъ апостоловъ, онъ въ оправданіе сослался на символическое видѣніе, которое ему было, и на прямой приказъ духа. Онъ разсказывалъ, что, находясь въ Іоппіи, во время молитвы на крышѣ дома почувствовалъ голодъ и пришелъ „въ изступленіе"; тутъ и было ему видѣніе: спустился съ неба сосудъ, наполненный всякими звѣрями, птицами и пресмыкающимися, и былъ Петру голосъ: встань, заколи и ѣшь. Петръ возразилъ, что никогда ни ѣлъ ничего нечистаго или сквернаго; на это небесный голосъ отвѣтилъ: что̀ богъ очистилъ, того не считай нечистымъ. И какъ разъ въ этотъ моментъ явились посланные къ Петру отъ кесарійскихъ язычниковъ съ просьбой придти къ нимъ. „Духъ сказалъ мнѣ"— разсказывалъ дальше Петръ: „чтобы я шелъ съ ними, нимало не сомнѣваясь". Тутъ и значеніе видѣнія на крышѣ стало для Петра ясно: избранные богомъ ко спасенію всѣ чисты, іудеи ли они, или язычники. Еще любопытнѣе другой примѣръ. Въ антіохійской общинѣ было пять пророковъ и учителей, въ томъ числѣ Варнава и Савлъ; „когда они служили господу и

постились", разсказываютъ Дѣянія,—„духъ святой сказалъ: отдѣлите мнѣ Варнаву и Савла на дѣло, къ которому я призвалъ ихъ". И по приказу духа Варнава и Савлъ были отпущены и пошли проповѣдывать въ Малую Азію, на острова и въ Грецію. Духъ никогда не оставляетъ апостоловъ и пророковъ, не покидаетъ ихъ и въ трудныя минуты. Когда начались гоненія на христіанъ, и многіе были арестованы, они не заботились, что говорить на допросѣ; была твердая вѣра, что духъ подскажетъ необходимыя слова и посрамитъ устами ихъ нечестивыхъ судей. Такъ, на допросѣ у первосвященника Петръ произнесъ рѣчь, „исполнившись духа святого", и на рѣчь его судьи ничего не могли ему сказать, кромѣ просьбы не проповѣдывать больше объ Іисусѣ.

Духъ повелѣвалъ и управлялъ черезъ апостоловъ и пресвитеровъ; другимъ христіанамъ духъ сообщалъ также различные „дары": „каждому дается проявленіе духа на пользу: одному дается чрезъ духа слово мудрости, другому слово знанія, другому вѣра, другому дары исцѣленій, другому проявленіе силъ, другому пророчество, другому разряды языковъ, другому толкованіе языковъ". Самыми важными изъ этихъ даровъ считались тѣ, которыми духъ „утѣшалъ" вѣрующихъ; часто духу присвоивалось прямо названіе „*утѣшитель*". Всѣ дары духа велики, но даръ, которымъ духъ утѣшаетъ человѣка—самый важный. Павелъ говорилъ: „заботьтесь о духовномъ, больше же всего, *чтобы пророчествовать*; ибо кто говоритъ языкомъ, говоритъ не человѣку, а богу... пророчествующій же людямъ говоритъ въ назиданіе, увѣщаніе и утѣшеніе; говорящій языкомъ созидаетъ себя, пророчествующій—созидаетъ общину". Другими словами, безсвязная, непонятная рѣчь одержимаго духомъ—это бесѣда съ богомъ, понятная и спасительная только для говорящаго; но тотъ, кто пророчествуетъ, тотъ открываетъ божественную волю, одинаково важную и спасительную для всей общины. Тяжела и уныла была жизнь первыхъ христіанъ: въ скудости, посреди гоненій и насмѣшекъ окружавшаго ихъ общества, подъ постоянной угрозой заточенія и смерти. Претерпѣть до конца, чтобы спастись—такова была задача первыхъ христіанъ. И претерпѣвать они могли только при помощи „утѣше-

нія“ отъ духа. Это утѣшеніе приходило, когда на собраніяхъ сходилъ на христіанъ духъ, когда они въ религіозномъ восторгѣ доходили до самозабвенія, и когда пророки, исполнившись духа, рисовали картины блаженства, ожидающаго христіанъ въ мессіаническомъ царствѣ. „Блаженны слушающіе пророчество сіе—ибо время близко“—возглашали пророки; „не бойся, малое стадо“—увѣщевали они слабыхъ духомъ во время гоненій,—„ибо господь соблаговолилъ дать вамъ царство“, гдѣ праведные будутъ ѣсть и пить за столомъ Мессіи и судить двѣнадцать колѣнъ Израилевыхъ. Духовная радость, духовное озареніе были предвкушеніемъ будущаго блаженства; пророчества давали о немъ точное знаніе. Вотъ почему послѣ апостоловъ пророки были наиболѣе уважаемыми членами христіанскихъ общинъ.

Но и всякій христіанинъ вообще считался имѣющимъ духа. Новые члены принимались въ общины посредствомъ обряда крещенія, погруженія въ воду, по возможности въ текучую, посредствомъ котораго новообращенный какъ бы смывалъ съ себя прежніе грѣхи и становился чистымъ и достойнымъ принятія въ общину; вѣрили, что во время крещенія на погружаемыхъ въ воду сходитъ святой духъ, какъ бы отмѣчая своей печатью избраннаго. Но духъ утѣшенія, пророчества, толкованія и т. д. можетъ также сойти на каждаго христіанина во время молитвенныхъ собраній. Эти собранія происходили обычно въ „день господень“, соотвѣтствующій нашему воскресенію. „Господнимъ днемъ“ считался первый день недѣли или, по тогдашнему счету, первый день послѣ субботы; онъ праздновался потому, что въ первый день послѣ субботы по преданію Іисусъ воскресъ и также въ первый день послѣ субботы вознесся на небо. Въ „день господень“ христіане собирались для „преломленія хлѣба“, т. е. для общей трапезы, приготовившись къ этому дню наканунѣ строгимъ постомъ. Постъ, общая чаша вина во время преломленія хлѣба, пѣніе молитвъ и слушаніе вдохновенныхъ проповѣдей—все это создавало самую благопріятную почву для всеобщаго изступленія собравшихся. Всѣ точно внезапно впадали въ помѣшательство; всѣ въ одно время начинали „говорить языками“, пророчествовать, пѣть, объяснять

другъ другу сказанное. Молитвенное собраніе превращалось въ безпорядочное бѣснованіе, въ оргію. „Утѣшеніе" получалось великое; но былъ и великій соблазнъ для невѣрующихъ. Поэтому апостолы старались установить порядокъ для „духовныхъ" собраній. „Все должно быть благообразно и по чину", писалъ Павелъ коринѳянамъ. „Если кто будетъ говорить языками, то пусть говорятъ двое или, самое большее, трое, и по очереди, а одинъ пусть толкуетъ; если же не будетъ истолкователя, то молчи на собраніи общины, говори себѣ и богу. И пророки пусть говорятъ двое или трое, а прочіе пусть разсуждаютъ". Особенный безпорядокъ вносили женщины, склонныя къ истерикѣ; Павелъ относился къ нимъ очень строго. „Жены ваши"—писалъ онъ коринѳской общинѣ,—„пусть на собраніяхъ молчатъ, ибо не полагается имъ говорить, но повиноваться, какъ и законъ говоритъ; если же хотятъ чему научиться, пусть спрашиваютъ дома у своихъ мужей; ибо неприлично женѣ говорить на собраніи". Но это запрещеніе плохо соблюдалось. Въ іудейскихъ общинахъ, гдѣ привыкли къ тому строгому закону о повиновеніи женъ мужьямъ, о которомъ говоритъ Павелъ, еще было нетрудно соблюдать его; но въ малоазіатскихъ, островныхъ и греческихъ общинахъ, гдѣ среди христіанъ было много и неіудеевъ, пророчицъ часто бывало не меньше, чѣмъ пророковъ, и „духовныя" собранія христіанъ мало чѣмъ отличались отъ „радѣній" нашихъ хлыстовъ.

Кто же получитъ послѣднее и самое великое утѣшеніе —участіе въ грядущемъ мессіаническомъ царствѣ? „Не всякій, говорящій мнѣ: господи, господи!—войдетъ въ царство небесное"—напоминали апостолы и учителя христіанамъ. „Есть два пути—путь жизни и путь смерти"; и кто хочетъ наслѣдовать жизнь вѣчную, тотъ долженъ идти путемъ жизни. А этотъ путь жизни состоитъ въ соблюденіи главнѣйшихъ заповѣдей Іисуса: любить всѣмъ сердцемъ бога и ближняго, какъ самого себя, благословлять проклинающихъ, молиться за гонителей, давать просящему, подставлять щеку ударяющему, помнить десять заповѣдей закона и соблюдать ихъ, быть кроткими, ибо кроткіе наслѣдуютъ землю, давать милостыню нищимъ, почитать учителей, судить праведно, быть

милосерднымъ къ рабамъ своимъ. Такъ учили іудеи язычниковъ, переходящихъ изъ язычества въ іудейство; такъ же учили свою паству и апостолы. А путь смерти таковъ: убійство, прелюбодѣяніе, блудъ, воровство, идолопоклонство, волшебство, подсыпаніе отравы, грабежъ, лжесвидѣтельство, лесть, двоедушіе, коварство, высокомѣріе, злоба, корыстолюбіе, пустозвонство, зависть, гордость и самохвальство; кто грѣшенъ этими пороками, тотъ подлежитъ проклятію. Это путь сатаны и служителей его; всѣ язычники, іудеи, преслѣдующіе христіанъ—слуги бѣсовскіе, порожденія ехиднины. Много званныхъ, но мало избранныхъ; были призваны и всѣ тѣ, кто не поклоняется истинному богу, хотя познали его чрезъ изслѣдованіе великихъ его твореній; но такъ какъ они, познавъ бога, не прославили его, но предались суетѣ, омрачили свое сердце, обезумѣли, называя себя мудрыми, и славу нетлѣннаго бога измѣнили въ образъ, подобный тлѣнному —человѣку, птицамъ, звѣрямъ, гадамъ,—то за это богъ предалъ ихъ гнѣву своему, отдалъ ихъ во власть постыднымъ страстямъ: женщины ихъ и мужчины стали разжигаться противоестественною похотью другъ на друга, женщина къ женщинѣ, мужчина къ мужчинѣ, исполнились они всякой неправды, блуда, лукавства, корыстолюбія, злобы, зависти, убійства, распрей, обмана, злонравія, и поистинѣ достойны смерти.

Кто же избранъ? Всѣ ли тѣ, кто сами избираютъ „путь жизни“, или только тѣ, кто принадлежитъ къ избранному народу божію, іудеямъ? Первые апостолы были сами іудеи, іудеемъ былъ и Іисусъ, и потому они глубоко были убѣждены, что богъ изначала предопредѣлилъ и избралъ іудеевъ—къ жизни, язычниковъ—къ погибели. Они были убѣждены, что Іисусъ былъ посланъ къ заблудшимъ овцамъ дома Израилева, и что на страшномъ судѣ они сядутъ рядомъ съ Іисусомъ и будутъ судить всѣ народы земные, попиравшіе доселѣ Іудею своею властью. И вѣря твердо въ грядущее царство, они въ то-же время сами соблюдали и учили другихъ соблюдать законъ и предписываемые имъ обряды: ходили въ храмъ на праздники, учили, что прежде чѣмъ принести жертву, надо помириться съ тѣми, кто обиженъ или обидѣлъ, соблюдали

субботу и заповѣдывали молиться, чтобы въ случаѣ гоненій не пришлось бѣжать въ субботу и тѣмъ совершить великій грѣхъ. Заповѣди Іисуса о любви къ ближнему, какъ къ самому себѣ, они понимали въ буквальномъ смыслѣ слова „ближній“: еврейское слово *rea*, стоящее въ текстѣ этой заповѣди, означаетъ ближняго по крови, по племени. Сами они проповѣдывали только среди іудеевъ и галилеянъ и другимъ запрещали ходить къ язычникамъ и самарянамъ: іудеи—дѣти господа, а язычники и самаряне—псы.

Но въ этой національной исключительности христіанство просуществовало недолго. Іисуса не признало и распяло офиціальное іудейство; столь же нетерпимо отнеслось оно и къ первымъ христіанамъ. А когда бѣжавшіе отъ преслѣдованій учителя и апостолы стали проповѣдывать среди іудеевъ разсѣянія, ихъ проповѣди стали слушать и язычники и стали также просить о присоединеніи къ общинамъ. Петръ, будучи въ Кесаріи, обратилъ въ христіанство весь домъ римскаго сотника Корнилія и другихъ язычниковъ, Павелъ также сталъ проповѣдывать язычникамъ. Когда вѣсть объ этомъ дошла до іерусалимской общины, среди ея руководителей поднялось возмущеніе. „Ты ходилъ къ людямъ необрѣзаннымъ и ѣлъ съ ними“—упрекали Петра“. Въ оправданіе Петръ разсказалъ о своемъ, уже упомянутомъ нами, видѣніи и приказаніи духа; тогда іерусалимляне „успокоились и прославили бога, говоря: видно и язычникамъ далъ богъ покаяніе, чтобы получить жизнь“. И Павлу уже не стали препятствовать вести проповѣдь среди язычниковъ. Стали даже говорить, что ни одинъ пророкъ не признается въ своемъ отечествѣ, что за жестокосердіе и упорство богъ можетъ совсѣмъ отнять у сыновъ Авраама царство и передать его язычникамъ и самарянамъ. Ближній человѣку не тотъ, кто родственникъ ему по крови, но всякій, кто помнитъ и исполняетъ по отношенію къ другому заповѣди любви и милосердія: милосердный самарянинъ войдетъ въ царство раньше праведнаго, но черствaго сердцемъ іудея.

Однако, споры на этомъ не кончились. Возникъ вопросъ, слѣдуетъ ли христіанамъ изъ язычниковъ обрѣзываться и соблюдать іудейскій законъ. Одни проповѣдники

говорили язычникамъ: „не обрѣжетесь,—не можете спастись", и требовзли строгого соблюденія субботы и другихъ предписаній закона. Но Павелъ возсталъ противъ этого. Онъ училъ, что время закона кончилось, и законъ теперь ненуженъ ни для кого, ни для язычниковъ, ни для іудеевъ. Законъ былъ данъ по причинѣ первороднаго грѣха. Адамъ согрѣшилъ и умеръ, и вслѣдъ за нимъ, грѣхомъ и смертью одного Адама, пришли въ міръ грѣхъ и смерть для всѣхъ людей. За грѣхъ богъ наложилъ на людей проклятіе закона: далъ суровый законъ и повелѣлъ исполнять его. Это послушаніе за грѣхъ и должны были исполнять люди, пока не пришло время быть искупленнымъ ихъ грѣху; другимъ наказаніемъ была смерть, царствовавшая надъ всѣми, и грѣшными, и праведными, и іудеями, и язычниками; у іудеевъ не было никакого преимущества передъ язычниками, ибо всѣ были подъ властью грѣха и смерти, и дѣлами закона іудеи не могли хвалиться и оправдываться, потому что законъ былъ данъ не во искупленіе, а въ наказаніе. Но вмѣстѣ съ закономъ было дано и обѣтованіе объ искупленіи; искупленіе совершено Іисусомъ —Мессіей, его страданіями, смертью и воскресеніемъ. Какъ раньше грѣхомъ одного вошли въ міръ грѣхъ и смерть для всѣхъ, такъ теперь жертвой и воскресеніемъ одного вошли въ міръ благодать и жизнь для всѣхъ. Христосъ искупилъ отъ проклятія закона и власти смерти всѣхъ, кто вѣритъ въ него; законъ былъ только „воспитателемъ ко Христу, чтобы намъ оправдаться вѣрою; по пришествіи же вѣры мы уже не подъ воспитателемъ, но всѣ сыны божіи по вѣрѣ въ Христа Іисуса, нѣтъ уже ни іудея, ни язычника, ни раба, ни свободнаго, нѣтъ ни мужчинъ, ни женщинъ, ибо всѣ вы одно во Христѣ Іисусѣ". „Для чего же обрѣзываться"?—продолжалъ Павелъ. Обрѣзаніе болѣе не нужно, ибо мы умерли для закона и воскресли для жизни. Противники Павла не соглашались съ нимъ; споръ разгорѣлся, и для разрѣшенія его пришлось собрать въ Іерусалимѣ соборъ изъ пресвитеровъ и апостоловъ.

На соборѣ долго не могли притти ни къ какому рѣшенію. Наконецъ, рѣшительное слово сказалъ Петръ. „Мужи, братья,—сказалъ онъ":—вы знаете, что богъ отъ первыхъ

дней избралъ изъ васъ меня, чтобы изъ устъ моихъ язычники услышали слово евангелія и увѣровали; и сердцевѣдецъ богъ далъ за нихъ свидѣтельство, даровавъ имъ духа святаго, какъ и намъ, и не положилъ никакого различія между нами и ими, вѣрою очистивъ сердца ихъ. Что же нынѣ искушаете вы бога, стремясь возложить на шею учениковъ иго, котораго не могли вынести ни отцы наши, ни мы? Но мы вѣруемъ, что спасемся, какъ и они, благодатью господа Іисуса Христа". Послѣ этихъ словъ Петра споры умолкли, и соборъ по предложенію Іакова постановилъ: не затруднять язычниковъ, но написать, чтобы воздерживались отъ идоложертвеннаго, блуда, удавленины и крови и не дѣлали другимъ того, чего не хотятъ себѣ. Къ общинамъ изъ язычниковъ было составлено цѣлое посланіе, въ которомъ соборъ апостоловъ объяснялъ, что апостолы никому не предписывали учить, что должно обрѣзываться и соблюдать законъ, и излагалъ свое постановленіе.

Послѣ этого споры прекратились, но создалось различіе въ бытѣ общинъ іудейскихъ и языческихъ. Въ іудейскихъ общинахъ соблюдались заповѣди „пути жизни" и по традиціи соблюдался законъ и его предписанія. Изъ новыхъ обычаевъ тамъ существовали крещеніе и преломленіе хлѣба всею общиной, но этимъ обрядамъ не придавалось никакого новаго таинственнаго смысла. Крещеніе понимали также, какъ и во времена Іоанна Крестителя: это былъ символическій обрядъ очищенія отъ грѣховъ. Преломленіе хлѣба и общую чашу совершали въ воспоминаніе о послѣдней вечерѣ Іисуса съ учениками, передъ его арестомъ, когда всѣ, и Іисусъ, и ученики были охвачены предчувствіемъ чего то рокового, и когда нервы были особенно напряжены, бесѣда особенно интимна и проникновенна. Для іудеевъ не было ничего новаго и необыкновеннаго въ этихъ обрядахъ: и крещеніе, и совмѣстныя трапезы практиковались у нихъ и раньше.

Въ общинахъ, основанныхъ Павломъ, былъ иной духъ, и иной смыслъ влагался въ обряды крещенія и преломленія хлѣба. Павелъ не довольствовался общими и краткими наставленіями „пути жизни", но въ своихъ посланіяхъ давалъ подробныя нравственныя поученія. Мало соблюдать обыч-

ныя заповѣди; надо стараться быть святыми, ибо святые будутъ судить даже и ангеловъ. Надо стремиться къ плодамъ духа: къ любви, радости, миру, долготерпѣнію, благости, милосердію, вѣрѣ, кротости, воздержанію и избѣгать пороковъ плоти и всѣхъ тѣхъ, кто предается имъ: не сообщаться съ тѣмъ, кто, называясь братомъ, остается блудникомъ, или лихоимцемъ, или идолослужителемъ, или злорѣчивымъ, или пьяницей, или хищникомъ; съ такими даже и не ѣсть вмѣстѣ. Ради избѣжанія блуда каждому слѣдуетъ имѣть жену, и каждой—имѣть мужа; но безбрачнымъ и вдовамъ лучше всего оставаться, какъ самъ апостолъ—дѣвственными и воздержными отъ брака. Но важнѣе всѣхъ добродѣтелей—любовь. Любовь—выше вѣры и надежды. О ней Павелъ написалъ коринѳянамъ такія замѣчательныя, можно сказать, безсмертныя строки: „Если я говорю языками человѣческими и ангельскими, а любви не имѣю, то я—мѣдь звенящая, или кимволъ звучащій. И если я имѣю пророчество, и знаю всѣ тайны, и имѣю все познаніе, и всю вѣру, такъ чтобы и горы передвигать, а любви не имѣю—то я ничто. И если я раздамъ все имущество мое и отдамъ тѣло мое на сожженіе, а любви не имѣю, нѣтъ мнѣ никакой пользы. Любовь долготерпитъ, милосердствуетъ, любовь не завидуетъ, любовь не превозносится, не гордится, не безчинствуетъ, не ищетъ своей корысти, не гнѣвается, не замышляетъ зла, не радуется неправдѣ, но радуется вмѣстѣ съ истиной, все покрываетъ, всему вѣритъ, на все надѣется, все переноситъ. Любовь никогда не изсякнетъ, хотя бы и пророчества прекратились, и языки умолкли, и познаніе разрушилось... Стремитесь къ любви!“ И самъ Павелъ былъ яркимъ свѣточемъ этой любви. Всѣ его посланія проникнуты теплой любовью къ его ученикамъ и послѣдователямъ. Онъ никогда не разражается на нихъ гнѣвомъ, какія бы печальныя вѣсти о грѣхахъ и непорядкахъ въ общинахъ ни доходили до него, но кротко поучаетъ, обращаясь къ сердцу и совѣсти вѣрующихъ. „Возлюбленные мои“ — любимое обращеніе его къ членамъ его общинъ.

Такія строгія нравственныя требованія Павелъ предъявлялъ своимъ общинамъ потому, что считалъ ихъ членовъ

особенно избранными, предопредѣленными къ оправданію и славѣ. Христіане подобны образу сына божія Іисуса Христа; поэтому и жизнь ихъ должна быть святая. Но Павелъ училъ при этомъ, что сдѣлаться христіаниномъ—не такъ просто. Не такъ легко изъ простого іудея и язычника сдѣлаться избраннымъ, получить духа и искупленіе первороднаго грѣха для жизни вѣчной въ будущемъ царствѣ. Для этого нужно особенное чудесное дѣйствіе божественной силы на человѣка, которое распространило бы на принимающаго христіанство силу искупительной жертвы Іисуса Христа. Всякій вступающій въ общину христіанъ долженъ креститься; крещеніе—это не простой символическій обрядъ очищенія отъ грѣховъ, но таинство, чудесное дѣйствіе. Когда человѣкъ погружается въ воды крещенія,—училъ Павелъ,—съ нимъ происходитъ таинственное перерожденіе: старый, отягченный первороднымъ грѣхомъ человѣкъ мгновенно умираетъ и изъ воды выходитъ новый, чистый человѣкъ; плоть человѣка до крещенія вся насквозь проникнута грѣхомъ, но въ водахъ крещенія человѣкъ ее съ себя сбрасываетъ и надѣваетъ новую плоть, подобную чистой плоти Христа. Крещеніе подобно смерти и воскресенію Іисуса: погруженный въ воду точно погребенъ, выходящій изъ воды точно воскресаетъ. И Павелъ понималъ все это не какъ сравненіе, не какъ символъ, но вѣрилъ, что во время крещенія дѣйствительно происходитъ чудесная смерть, перерожденіе и воскресеніе человѣка, ибо въ это время человѣкъ умираетъ, погребается и воскресаетъ вмѣстѣ съ Христомъ. Павелъ училъ, что если Христосъ могъ умереть, быть погребеннымъ и воскреснуть ради другихъ, за весь родъ человѣческій, то и христіанинъ можетъ второй разъ креститься за мертвыхъ, чтобы и умершіе воскресли и попали въ число избранныхъ: христіанину, уже получившему крещеніе, оно вторично не нужно, но его таинственная сила можетъ распространится и на умершихъ. Это новое ученіе о крещеніи очень охотно воспринималось христіанами изъ язычниковъ: въ ту эпоху было много тайныхъ религіозныхъ обществъ, стремившихся вступить въ общеніе съ божествомъ посредствомъ таинственныхъ обрядовъ очищенія и омовенія и получить такимъ путемъ крещеніе грѣховъ и надежду на воскресеніе послѣ смерти.

Такъ-же охотно принималось и ученіе Павла о таинственномъ значеніи обряда преломленія хлѣбовъ. Павелъ постоянно училъ, что общая вечеря—не простое вкушеніе пищи сообща въ память объ Іисусѣ. „Когда вы сходитесь вмѣстѣ, это еще не вкушеніе вечери господней“—говорилъ онъ: „ибо каждый спѣшитъ первый съѣсть свою вечерю, и одинъ бываетъ голоденъ, а другой пьянъ. Но развѣ у васъ нѣтъ домовъ, чтобы ѣсть и пить?“ Вечеря господня—не простое вкушеніе хлѣба, и вина, но таинственная жертва, во время которой собравшіеся пріобщаются тѣла и крови Христовой, т.-е. соединяются съ божествомъ. „Чаша благословенія, которую благословляемъ, не есть ли пріобщеніе крови Христовой? хлѣбъ, который переломляемъ, не есть ли пріобщеніе тѣла Христова“?—спрашивалъ Павелъ и напоминалъ, что такъ заповѣдалъ и самъ Іисусъ въ ту ночь, когда былъ преданъ. Тогда онъ взялъ хлѣбъ и, возблагодаривъ, преломилъ и сказалъ: „пріимите, ядите, сіе есть тѣло мое, за васъ преломляемое: это дѣлайте въ мое воспоминаніе“; также взялъ и чашу и сказалъ: „сія чаша есть новый завѣтъ въ моей крови: это дѣлайте всякій разъ, какъ будете пить въ мое воспоминаніе“. И дальше Павелъ разъяснялъ, что это такая же жертва, какъ и жертва язычниковъ своимъ божествамъ; язычники пьютъ чашу, чтобы вступить въ общеніе со своими божествами-демонами, а христіане—чтобы вступить въ общеніе съ господомъ. „Посему“,—училъ Павелъ, „кто будетъ ѣсть хлѣбъ сей или пить чашу господа недостойно, грѣшенъ будетъ противъ тѣла и крови господа. Пусть же испытываетъ себя человѣкъ... ибо кто ѣстъ и пьетъ недостойно, ѣстъ и пьетъ осужденіе себѣ, такъ какъ не разсуждаетъ, что сіе—тѣло господне; отъ того многіе изъ васъ немощны и больны и спать охочи“. А всякій, кто достойно ѣстъ и пьетъ, получитъ спасеніе, ибо вечеря есть залогъ пришествія господа: она знаменуетъ смерть господа и потому обѣщаетъ его воскресенія. Чтобы достойно участвовать въ вечерѣ, нужно было поститься наканунѣ „дня господня“, въ который происходила вечеря, исповѣдаться передъ вечерей въ грѣхахъ и примириться со всѣми, съ кѣмъ была ссора или споръ. Послѣ вечери читалась благодарственная молитва, заканчи-

вавшаяся такими словами: „помни, господи, о церкви твоей, да избавить ее отъ всякаго зла и совершить ее въ любви твоей, и введи ее, святую, со всѣхъ четырехъ вѣтровъ въ царство твое, которое ты уготовалъ для нея. Ибо сила твоя и слава во вѣки. Да пріидетъ милость и да погибнетъ этотъ міръ. Осанна богу Давидову! Господь придетъ! Аминь".

Въ ученіи Павла о таинствѣ преломленія хлѣба для христіанъ изъ язычниковъ также не было ничего необычнаго. Среди народной массы греко-римскаго міра было широко распространена мысль, что силу и здоровье можно получить посредствомъ соединенія съ богомъ; а соединиться съ богомъ проще всего можно было чрезъ вкушеніе его тѣла. Отсюда былъ широко распространенъ обычай разъ въ году приносить въ жертву животныхъ, посвященныхъ богамъ, и устраивать пиръ, за которымъ каждый вѣрующій получалъ часть жертвеннаго животнаго. Эта вѣра, шедшая изъ глубокой сѣдой древности, когда еще человѣкъ былъ въ дикомъ состояніи, жила и въ то время, и ее раздѣляли даже нѣкоторые образованные люди, но, конечно, старались дать ей приличное объясненіе и сдѣлать ее менѣе грубой.

Такова была жизнь, вѣра и устройство первыхъ христіанскихъ общинъ. Огромное большинство ихъ участниковъ никогда не видало и не слыхало Іисуса; также и среди основателей общинъ лишь немногіе были прямыми учениками Іисуса. Естественно, что ученіе Іисуса, его изреченія и обѣтованія многими понимались и переиначивались по своему, что появились такіе обряды и обычаи, которыхъ Іисусъ не устанавливалъ, но которые ему приписывались. И вмѣстѣ съ тѣмъ представленіе объ Іисусѣ создалось такое, какое совершенно не соотвѣтствовало его дѣйствительному облику. Народный пророкъ, горячій, простодушный и наивный, Іисусъ въ глазахъ членовъ первыхъ общинъ превратился въ Мессію, сына Давидова, сына божьяго, искупителя рода человѣческаго отъ первороднаго грѣха, спасителя міра, истиннаго бога христіанскихъ общинъ, который затмилъ собою и бога - отца Іисуса, и посланнаго имъ духа. Взоры и мысли христіанъ были направлены не къ Іисусу прошлаго, назаретскому пророку, но къ господу Іисусу Христу будущаго

судіи міра и царю будущаго царства. Іисусъ спасъ людей; но еще спасеніе не пришло окончательно. Сейчасъ христіане еще гонимы, еще притѣснены, еще торжествуютъ враги Христа. Скоро будетъ время, когда страданія христіанъ кончатся, и придетъ ихъ спасеніе и слава „Маran atha"—„господь придетъ"—привѣтствовали другъ друга христіане—и жили надеждой на это славное пришествіе.

VI. Въ ожиданіи пришествія.

Вѣра въ близкій конецъ этого міра и скорое пришествіе Іисуса укрѣплялась въ особенности вслѣдствіе того невыносимаго положенія, въ какое попали христіанскія общины среди тогдашняго общества. И ранѣе тѣ круги, изъ которыхъ рекрутировались христіане, были на положеніи притѣсненныхъ и униженныхъ; когда же христіане, основавъ свои общины, рѣзко обособились отъ остальнаго общества и прокляли его, „люди міра сего" отвѣтили имъ презрѣніемъ и злобными гоненіями. Мессіанизмъ первыхъ христіанъ легко смѣшивался въ представленіи имущихъ классовъ и властей съ мессіанизмомъ разбойничьихъ „царей іудейскихъ", вождей анархіи, грабежей и погромовъ. И если болѣе умѣренные враги христіанства считали христіанъ просто изувѣрной сектой, болѣе непримиримые считали ихъ опасными врагами всего общества. Христіане чувствовали себя, какъ овцы среди волковъ, и старались спастись „змѣиной мудростью и голубиной кротостью"; на каждомъ шагу имъ приходилось остерегаться, чтобы не попасть въ тюрьму и въ судилища, и не потерять жизнь. Въ Іерусалимѣ синедріонъ началъ процессъ противъ апостоловъ; Петръ былъ заключенъ въ тюрьму, откуда какимъ-то чудомъ бѣжалъ, діакона Стефана побили камнями. Іаковъ былъ арестованъ и казненъ по приказу Ирода. Въ Иконіи часть іудеевъ повела противъ проповѣдниковъ христіанства погромную агитацію, и они едва не были побиты камнями. Въ Эфесѣ погромную агитацію повелъ серебряникъ Димитрій, дѣлавшій статуетки боговъ и ковчеги для нихъ и боявшійся лишиться заработка. Такая же агитація, аресты и казни имѣли мѣсто и въ другихъ горо-

дахъ. Жребій христіанъ былъ тяжкимъ мученіемъ, въ особенности для тѣхъ, кому приходилось ради новой вѣры порывать съ семьей, оставшейся во враждебномъ христіанству лагерѣ; разыгрывались тяжелыя трагедіи, когда изъ слѣпой ревности къ старой вѣрѣ отецъ предавалъ сына, братъ—брата, дѣти родителей. Иногда слабые начинали роптать и падали духомъ; болѣе сильные подкрѣпляли ихъ, увѣряя, что все это такъ должно быть и предсказано самимъ Іисусомъ. Іисусъ будто бы самъ говорилъ, что онъ принесъ на землю не миръ, а мечъ, не согласіе, но огонь и раздѣленіе, пришелъ раздѣлить человѣка съ отцомъ его, и дочь съ матерью ея, и невѣстку со свекровью ея. Всѣми семейными узами надо пожертвовать ради Іисуса, по слову его: „кто любитъ отца или мать болѣе, нежели меня, недостоинъ меня, и кто любитъ сына или дочь болѣе меня, недостоинъ меня“, не бояться убивающихъ тѣло, но не могущихъ убить душу, радоваться и веселиться, когда всѣ будутъ ненавидѣть христіанъ за имя Іисуса. Это—крестъ христіанъ; но „кто не беретъ креста своего и не идетъ за мною тотъ недостоинъ меня“—говорилъ будто бы Іисусъ: „всякаго, кто исповѣдуетъ меня передъ людьми, того исповѣдую и я передъ отцомъ моимъ небеснымъ, а кто отречется отъ меня передъ людьми, отрекусь отъ того и предъ отцомъ моимъ небеснымъ“. Претерпѣвшій до конца спасется, и велика будетъ награда его на небесахъ. А терпѣть недолго: Іисусъ говорилъ апостоламъ, что не успѣютъ они обойти городовъ израилевыхъ какъ придетъ сынъ человѣческій, и увидятъ пришествіе его люди этого поколѣнія.

На духовныхъ собраніяхъ величайшимъ утѣшеніемъ христіанъ было слушать откровенія духа о предстоящемъ пришествіи Іисуса. Изреченія самого Іисуса о будущемъ пришествіи Мессіи, судѣ, и царствѣ были слишкомъ кратки, хотѣлось болѣе точнаго, болѣе подробнаго пророчества. Въ отвѣтъ на настойчивыя просьбы христіанъ Павелъ повѣдалъ имъ тайну, открытую ему духомъ, о пришествіи Іисуса и о воскресеніи мертвыхъ. Когда внезапно, какъ тать ночью, придетъ день гнѣва и откровенія праведнаго суда божія, который воздастъ каждому по дѣламъ его, тогда сойдетъ

съ неба самъ господь при кличѣ архангела и при звукахъ трубы. И по кличу архангела и по звуку трубы воскреснутъ сначала мертвые Христовы, принявшіе крещеніе во смерть Христа, воскреснутъ нетлѣнными, съ особымъ тѣломъ, не душевнымъ, которое было темницей души, но духовнымъ, которое будетъ чистою духовною плотью. А живые въ то-же время мгновенно измѣнятся, станутъ такими же духовными, какъ воскресшіе мертвецы Христовы и самъ Христосъ; и всѣ, и живые, и воскресшіе мертвые на облакахъ будутъ подняты навстрѣчу господу на воздухѣ. Явившись, произведетъ господь судъ: праведнымъ дастъ жизнь вѣчную, вмѣстѣ съ собою, а тѣмъ кто дѣлалъ неправду, присудитъ ярость и гнѣвъ, смерть и тѣсноту. Упразднитъ онъ всякое начальство, власть и силу и будетъ царствовать вѣчно.

Другой пророкъ, Іоаннъ, сосланный на островъ Патмосъ за исповѣданіе вѣры Христа, имѣлъ цѣлый рядъ духовныхъ откровеній, которыя были впослѣдствіи включены вмѣстѣ съ другими откровеніями въ книгу „Откровеніе Іоанна“. Однажды въ день господень Іоаннъ былъ „въ духѣ“ и услыхалъ сзади себя голосъ, предписывавшій написать семи малоазіатскимъ общинамъ то, что онъ увидитъ сейчасъ и услышитъ. И увидалъ онъ сына человѣческаго среди семи золотыхъ свѣтильниковъ держащаго въ десницѣ своей семь звѣздъ; и сынъ человѣческій сказалъ ему: „я первый и послѣдній и живой; былъ мертвъ— и вотъ живъ во вѣки вѣковъ, аминь; и имѣю ключи отъ ада и смерти“. И сынъ человѣческій объяснилъ Іоанну, что семь свѣтильниковъ—семь малоазіатскихъ общинъ, а семь звѣздъ —семь ангеловъ - хранителей этихъ общинъ; имъ-то и долженъ написать Іоаннъ о грѣхахъ ихъ, чтобы они могли покаяться, ибо время близко: „се стою у дверей и стучу; кто услышитъ голосъ мой и отворитъ мнѣ, войду къ нему и буду вечерять съ нимъ, и онъ со мной“. Общины должны покаяться, претерпѣть и побѣдить искушенія и соблазны; кто побѣдитъ, тому будетъ въ царствѣ награда. Побѣждающій не потерпитъ второй смерти въ геенѣ огненной, имя его не изгладится изъ книги жизни, и исповѣдуетъ имя его сынъ человѣческій передъ отцомъ своимъ и ангелами его. Одѣнется онъ въ бѣлыя одежды, будетъ какъ столпъ въ

храмѣ божіемъ, получитъ онъ въ новой жизни имя новое, имя жителя Новаго Іерусалима, написанное на бѣломъ волшебномъ камнѣ. Будетъ онъ вкушать манну сокровенную, и плоды отъ древа жизни, растущаго посреди рая божія; и сядетъ онъ на престолѣ господа вмѣстѣ съ господомъ и получитъ власть надъ всѣми народами пасти ихъ жезломъ желѣзнымъ и, какъ сосуды глиняные, сокрушать ихъ. „Имѣющій ухо да слышитъ, что духъ говоритъ общинамъ!"—заканчивалось это послѣднее увѣщаніе передъ страшнымъ судомъ.

И когда Іоаннъ былъ вновь въ духѣ, увидѣлъ онъ, какъ должно произойти пришествіе и страшный судъ. Семь страшныхъ бѣдствій должны сначала обрушиться на землю. Въ десницѣ сидящаго на престолѣ страшная книга судебъ, запечатанная семью печатями, которую не можетъ раскрыть никто ни на небѣ, ни на землѣ; только „корень Давидовъ", побѣдившій смерть, какъ бы агнецъ закланный, достоинъ раскрыть ее. И сталъ агнецъ снимать съ книги одну печать за другою; и одна за другою казни стали обрушиваться на землю. Сначала вышли четыре коня, принесшіе на землю мечъ и истребленіе, голодъ и смерть; истребляли люди другъ друга, уничтожалъ ихъ голодъ и звѣри земные. Потомъ сдѣлалось великое землетрясеніе, и солнце сдѣлалось мрачно, какъ власяница, а луна сдѣлалась красна, какъ кровь; звѣзды небесныя стали падать на землю, какъ листья смоковницы, небо скрылось, свернувшись, точно книжный свитокъ, горы и острова сдвинулись съ мѣста, и всѣ цари земные и вельможи, и богатые и бѣдные, и рабы и свободные скрылись въ пещеры и въ ущельяхъ горъ, ища спасенія съ воплями: „горы и камни, падите на насъ и скройте насъ отъ лица сидящаго на престолѣ и отъ гнѣва агнца, ибо пришелъ великій день гнѣва его, и кто можетъ устоять?" И тутъ снялъ агнецъ седьмую печать, сдѣлалась на небѣ тишина на полчаса; и вдругъ явились тѣ, кто устояли. Великое множество людей, котораго не перечесть, изъ всѣхъ племенъ, колѣнъ, народовъ и языковъ стояло передъ престоломъ въ бѣлыхъ одеждахъ, съ пальмовыми вѣтвями, и всѣ они восклицали: „спасеніе богу нашему и агнцу". И объяснилъ духъ Іоанну,

кто эти блаженные: это тѣ, кто пришелъ отъ великихъ притѣсненій, кто омылъ одежды свои кровію агнца; за это они пребываютъ теперь передъ престоломъ бога и служатъ ему въ храмѣ его день и ночь; они не будутъ уже ни голодать, ни жаждать, не будетъ палить ихъ ни солнце, ни зной, ибо агнецъ будетъ пасти ихъ и водить ихъ на живые источники водъ, и отретъ богъ всякую слезу съ очей ихъ. Слышалъ и видѣлъ все это Іоаннъ и въ заключеніе написалъ, по слову духа, прежнее увѣщаніе: „Время близко! Неправедный пусть дѣлаетъ еще неправду; нечистый пусть еще оскверняется; праведный пусть еще творитъ правду, и святой пусть еще освящается! Се гряду скоро, и возмездіе мое со мною, чтобы воздать каждому по дѣламъ его!“.

Въ общинахъ христіанъ изъ іудеевъ прислушивались къ голосамъ іудейскихъ пророковъ, рисовавшихъ не менѣе яркія и страшныя картины предстоящаго суда и пришествія Мессіи. Вскорѣ послѣ смерти Іисуса на римскомъ престолѣ сѣлъ полупомѣшанный жестокій императоръ Гай Цезарь, прозванный Калигулой. Калигула предписалъ, чтобы по всей имперіи воздавались ему божескія почести: ставились его статуи, и приносились жертвы. Когда іудеи отказались слѣдовать этому приказу, противъ нихъ начались по приказу императора дикія преслѣдованія. Особенно жестокая расправа была въ Александріи. Іудейскихъ старѣйшинъ тамъ публично бичевали въ циркѣ и нѣкоторыхъ забили до смерти; на дома и магазины іудеевъ была натравлена чернь, которая произвела жестокій погромъ и избіеніе, совершала поруганія надъ трупами. Калигула приказалъ поставить свою статую и въ іерусалимскомъ храмѣ, и только угроза поголовнаго возстанія заставила его отказаться отъ этого намѣренія. Іудейскіе пророки были убѣждены, что дикія казни и преслѣдованія, производившіеся по приказу помѣшаннаго императора, вообразившаго себя богомъ, являются вѣрнымъ признакомъ близкаго конца міра. Появилось нѣсколько откровеній о томъ, какъ этотъ конецъ произойдетъ; за нихъ жадно ухватились и христіане изъ іудеевъ, переписывали ихъ для себя и усердно читали ихъ. Передъ концомъ будутъ страшныя бѣдствія,— говорилось и въ этихъ откровеніяхъ; но сначала ангелъ по

приказу бога наложитъ печати на вѣрныхъ рабовъ божіихъ, которые не должны погибнуть отъ гнѣва божія и будутъ участниками царства Мессіи; изъ каждаго колѣна израилева будетъ запечатлѣно по 12.000 человѣкъ, а всего 144.000 человѣкъ. Затѣмъ ангелами по божественному приказу будутъ произведены казни; или явятся семь ангеловъ съ трубами, и по звуку каждой трубы будутъ обрушиваться на землю одно за другимъ бѣдствія, или явятся семь ангеловъ съ чашами, въ которыхъ заключены семь страшныхъ язвъ ярости божіей, изливаемыхъ ангелами на землю. Земля будетъ поражена градомъ, и огнемъ, и солнечнымъ зноемъ, море превратится въ кровь, вода рѣкъ и источниковъ станетъ отравленной, горькой какъ полынь, придутъ страшная саранча и сѣрные кони, поражающіе людей гнойными мучительными язвами, солнце и луна затмятся, погибнутъ массами люди, животныя и рыбы. И посреди этихъ послѣднихъ страшныхъ бѣдствій произойдетъ послѣдній рѣшительный бой между божествомъ и сатаною. Жена, облеченная солнцемъ, возсѣдающая на лунѣ и имѣющая на головѣ вѣнецъ изъ двѣнадцати звѣздъ, родитъ будущаго Мессію, который будетъ пасти всѣ народы жезломъ желѣзнымъ. Сатана, въ образѣ страшнаго дракона станетъ передъ родильницей, чтобы пожрать ея младенца; но это не удастся ему, младенецъ сейчасъ же будетъ взятъ на небо къ престолу бога, а когда драконъ бросится вслѣдъ за нимъ, архангелъ Михаилъ съ ангельскими силами выйдетъ противъ него и сброситъ назадъ на землю. Тогда драконъ создастъ для борьбы съ Мессіей и его святыми страшнаго звѣря, съ семью головами и десятью рогами, подобнаго барсу, ноги у него медвѣжьи, пасть львиная; выйдетъ этотъ звѣрь изъ моря, и дастъ ему драконъ свою власть и престолъ. Вся земля и всѣ народы, имена которыхъ не записаны въ книгѣ жизни, поклонятся ему, будетъ онъ вести войну со святыми и побѣдитъ ихъ. Кто звѣрь этотъ, можно отгадать по числу имени его; а число это человѣческое—616, значитъ—это римскій императоръ Гай Цезарь, ибо сумма числовыхъ значеній греческихъ буквъ его имени равняется 616. И будетъ послѣдній бой между Мессіей и царями земными, которые соберутся вмѣстѣ подъ началь-

ствомъ звѣря, чтобы сразиться съ воинствомъ Мессіи. Звѣрь и лжепророкъ его будутъ схвачены и брошены въ озеро сѣрное, цари и воины его будутъ убиты мечомъ Мессіи и отданы на съѣденіе хищнымъ птицамъ, а дракона, змія древняго, діавола и сатану ангелъ низвергнетъ въ бездну и заключитъ его тамъ въ оковахъ на тысячу лѣтъ, пока будетъ первое царство Мессіи съ 144.000 избранными его. А потомъ будетъ на время выпущенъ драконъ на волю и вновь соберетъ силы свои противъ святыхъ и города Мессіи; но богъ пошлетъ съ неба огонь, который пожретъ воинство дракона, а самого дракона ввергнетъ навѣки въ то-же озеро сѣрное, куда брошены звѣрь и лжепророкъ его, и будутъ они мучиться тамъ вѣчно. Тогда произойдетъ воскресеніе мертвыхъ и послѣдній судъ. Море отдастъ мертвыхъ, бывшихъ въ немъ, смерть и адъ отдадутъ мертвыхъ, которые были въ нихъ; раскроются книги, гдѣ записаны всѣ дѣла всѣхъ людей, и книга жизни, и будетъ каждый судимъ по дѣламъ его. Смерть и адъ будутъ брошены въ озеро огненное и вмѣстѣ съ ними всѣ тѣ, кто не былъ записанъ въ книгѣ жизни, и тамъ будетъ имъ вторая вѣчная смерть. А для оправданныхъ сотворитъ богъ новую землю и новое небо, ибо прежней земли и прежняго неба и моря уже не будетъ; и будетъ построенъ Новый Іерусалимъ, изъ чистого золота, стѣна его будетъ изъ ясписа, основаніе стѣны—изъ драгоцѣнныхъ камней, будетъ въ немъ двѣнадцать воротъ изъ жемчуга, и названы они будутъ по именамъ двѣнадцати колѣнъ израилевыхъ. Тамъ будутъ жить тѣ, кто записанъ въ книгѣ жизни, будутъ пить отъ рѣки жизни, которая будетъ течь отъ престола божія посрединѣ города, чистая, какъ кристалъ, и будутъ вкушать отъ деревьевъ жизни, стоящихъ по обоимъ берегамъ рѣки и приносящихъ каждый мѣсяцъ плодъ свой и цѣлительные листья свои. „Блаженны тѣ, кто соблюдаетъ заповѣди, чтобы имѣть имъ право на древо жизни и войти въ городъ воротами“—восклицали пророки. „Ей, гряди, господи Іисусе!“—несся въ отвѣтъ страстный вопль измученныхъ христіанъ.

Время шло, а Іисусъ все не приходилъ. Сошелъ въ могилу въ 41 году Калигула, убитый своими солдатами, и пред-

сказанія откровенія о звѣрѣ не сбылись. Но въ шестидесятыхъ годахъ ожиданія Мессіи вновь оживились. На римскомъ престолѣ сѣлъ Неронъ, жестокій тиранъ, не останавливавшійся ни передъ какими преступленіями, чтобы укрѣпить свою власть и удовлетворить свои похоти. Онъ убилъ мать и жену, а въ 64 г. когда произошелъ въ Римѣ страшный пожаръ, обвинилъ въ поджогѣ христіанъ. Начались неслыханныя еще гоненія на христіанъ и погромы, производимые чернью. Въ трепетѣ христіане обратились къ пророкамъ, и тѣ стали объяснять іудейское откровеніе о звѣрѣ-Калигулѣ такъ, какъ будто оно имѣетъ въ виду Нерона. Неправильно подъ звѣремъ понимали Гая Цезаря; число звѣря 666, а не 616, и соотвѣтствуетъ оно имени „Неронъ Кесарь", если написать его еврейскими буквами. Неронъ—антихристъ; скоро придетъ и Христосъ.

Въ то-же время новой силой разгорѣлись мессіаническія ожиданія среди іудеевъ. Особенно волновалась галилейская бѣднота и вольница Меромскаго озера. Римскіе прокураторы были одинъ другого свирѣпѣе, но всѣхъ превзошелъ Гестій Флоръ, вступившій въ должность въ 64 году. Его управленіе переполнило чашу терпѣнія; въ 66 году появились слухи, что Мессія долженъ явиться именно въ этомъ году; и стоило Флору потребовать изъ храма 17 талантовъ, какъ поднялось всеобщее возстаніе противъ римскаго владычества, превратившееся въ четырехлѣтнюю войну. Мессіей объявилъ себя галилеянинъ Іоаннъ изъ Гисхалы, который занялъ Галилею и захватилъ Іерусалимъ, безпощадно истреблялъ и римлянъ и богатыхъ іудеевъ. Возстаніе было жестоко подавлено римлянами; въ 70 г. Іерусалимъ былъ взятъ и разрушенъ до основанія побѣдителями.

Христіане съ трепетомъ наблюдали за этой трагедіей и волновались, убѣжденные, что теперь-то близокъ день пришествія. Во время войны появлялись постоянно слухи, что Іисусъ явился то тутъ, то тамъ; находились среди христіанъ люди, которые выдавали себя за Мессію; но, къ величайшему горю христіанъ, все это оказывалось фальшивымъ, и настоящаго пришествія Іисуса все не было. Тогда пророки стали объяснять, что гибель Іудеи и Іерусалима—только при-

знаки близости пришествія Іисуса. Онъ самъ предсказалъ все это, бесѣдуя съ учениками незадолго до смерти, при выходѣ изъ храма. Тогда онъ предсказалъ и разрушеніе храма, и войны, которыя будутъ сопровождать это событіе, и мученія христіанъ; но все это только первыя бѣдствія. Только послѣ нихъ, послѣ разрушенія храма и мерзости запустѣнія въ немъ, надо ждать пришествія Іисуса. Тогда-то и начнется послѣдняя скорбь, такая, какой не было отъ сотворенія міра; по милости господа скорбь эта будетъ кратковременной, чтобы не погибла вся плоть на землѣ. И вотъ послѣ этой послѣдней скорби солнце померкнетъ, луна не дастъ свѣта, звѣзды спадутъ съ неба, и силы небесныя поколеблются; тогда увидятъ сына человѣческаго, грядущаго на облакахъ съ великимъ воинствомъ и славою; пошлетъ онъ ангеловъ своихъ, и они соберутъ избранныхъ его со всѣхъ четырехъ вѣтровъ, отъ края земли до края неба. „Не прекратится родъ вашъ, какъ все это будетъ“—утѣшали пророки и призывали къ бодрствованію, чтобы не быть застигнутыми пришествіемъ Іисуса врасплохъ. „О днѣ и часѣ томъ никто не знаетъ“—говорили они,—„ни ангелы небесные, ни сынъ, но только отецъ. Смотрите, бодрствуйте и молитесь, ибо не знаете, когда наступитъ это время, ибо не знаете, когда придетъ хозяинъ дома, вечеромъ или въ полночь, или въ пѣніе пѣтуховъ, или поутру, чтобы, пришедши внезапно, не засталъ васъ спящими“. Къ этому пророки прибавляли притчи, приписывавшіяся Іисусу, о разумныхъ и неразумныхъ дѣвахъ, ожидающихъ жениха, о рабахъ, получившихъ отъ уѣхавшаго на время господина разное число талантовъ для оборота, и призывали подражать мудрымъ дѣвамъ, взявшимъ съ собою не только свѣтильники, но и масло, и усерднымъ рабамъ, умножившимъ данные имъ таланты.

Прошло, однако, и это время, а Христосъ все не приходилъ. Времена не становились легче: въ концѣ I и въ началѣ II вѣка происходили жестокія преслѣдованія христіанъ со стороны Домиціана и Траяна. Это тяжелое время опять оживило надежду на близкій конецъ. Неизвѣстный христіанскій пророкъ собралъ откровенія Іоанна съ Патмоса и іудей-

скія откровенія о звѣрѣ-Калигулѣ, о семи чашахъ гнѣва божія, о гибели Рима и о новомъ Іерусалимѣ и составилъ изъ нихъ новую книгу пророчествъ о концѣ міра. Онъ доказывалъ, что всѣ эти пророчества должны исполниться именно теперь; раньше ихъ неправильно толковали. Раньше говорили, что семь роговъ звѣря—это семь горъ, на которыхъ стоитъ Римъ; но эти рога означаютъ еще семь царей, изъ которыхъ шесть были послѣ звѣря, седьмой—будетъ; а звѣрь, который былъ ввергнутъ въ бездну и вновь явился —это восьмой царь, который былъ первымъ. Это—ожившій Неронъ, который долженъ придти съ Евфрата на послѣдній бой со святыми. Такое толкованіе встрѣтило общее довѣріе, такъ какъ среди римскаго общества, дѣйствительно, была въ это время распространена увѣренность, что Неронъ не погибъ въ 68 г., когда противъ него подняли возстаніе солдаты, но убѣжалъ къ парѳянамъ на Евфратъ, и вновь вернется добывать себѣ престолъ. Многіе суевѣрные люди ожидали, что, вернувшись, онъ будетъ еще болѣе жестокимъ, будетъ вести себя, какъ человѣкъ, одержимый злою сверхъестественной силой, какъ вѣщій безумецъ. И такое представленіе о Неронѣ-ожившемъ очень подходило къ фигурѣ чудовищнаго звѣря, который вмѣстѣ со своимъ лжепророкомъ долженъ былъ совершать знаменія и чудеса.

Не оправдалась и эта надежда, и постепенно мессіаническія ожиданія стали ослабѣвать; появились даже скептики, сомнѣвавшіеся вообще въ пришествіи Іисуса. „Гдѣ признаки пришествія его? съ тѣхъ поръ какъ стали умирать отцы, все отъ начала творенія остается безъ перемѣны“—говорили они. Вымерло поколѣніе первыхъ христіанъ, второе христіанское поколѣніе имѣло уже и другія заботы. Измѣнился составъ общинъ—рядомъ съ бѣдняками появились въ общинахъ богачи, которымъ предоставлялось первое мѣсто, а бѣдняковъ оттирали на задній планъ. Появились среди христіанъ новыя ученія, разгорѣлись споры, и за ними совсѣмъ потухъ огонь мессіанизма. Зато стали вырабатываться система новой вѣры и обрядовъ и церковная организація. Тутъ учителя церкви шли по стопамъ Павла. Постепенно сталъ устанавливатся догматъ троичности божества: учили крестить во имя отца

и сына и святого духа. Іисусъ окончательно сдѣлался божествомъ для христіанъ, изначальнымъ божественнымъ словомъ, сотворившимъ міръ, установилось поклоненіе Маріи, какъ богоматери, и апостоламъ. Крещеніе и причащеніе окончательно сдѣлать общепризнанными таинствами, и къ числу ихъ прибавились еще рукоположеніе и покаяніе. Установилось почитаніе креста и изображеній Іисуса, выработались обряды богослуженій. Въ церковной организаціи надъ всѣми христіанами выдѣлились епископы (надзиратели), управлявшіе общинами областей, пресвитеры, управлявшіе отдѣльными общинами, и діаконы, помогавшіе пресвитерамъ; только этимъ особымъ, отмѣченнымъ печатью духа, лицамъ полагалось совершать богослуженіе. Все это происходило уже исключительно въ греко-римской средѣ, подъ вліяніемъ греко-римскихъ идей и обрядовъ; іудейство уже не могло оказывать никакого вліянія, такъ какъ іудейскія общины христіанъ погибли во время катастрофы 66—70 г.г. Такъ къ началу III вѣка сложилась *христіанская церковь*, столь же мало похожая на первыя христіанскія общины, какъ кружокъ Іисуса и его учениковъ на эти послѣднія. Новая церковь завоевала себѣ господство въ Римской Имперіи и съ IV вѣка стала править рука объ руку со свѣтской властью.

Библиотека Имени Н. В. Гоголя

БИБЛИОТЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ.